

Мелани Морлэнд
«Контракт»

Контракт

МЕЛАНИ МОРЛЭНД

N.A.G. - Переводы книг

**Книга предназначена только для ознакомительного чтения.
Любая публикация данного материала без ссылки на группу и указания
переводчика строго запрещена.
Любое коммерческое и иное использование материала, кроме
предварительного ознакомления, запрещено.
Пожалуйста, уважайте чужой труд.**

Мелани Морлэнд *Контракт*

Оригинальное название: The Contract by Melanie Moreland, May 2016

Мелани Морлэнд «Контракт», Декабрь 2018

Количество глав: 35 глав

Переводчик: Gabriella A.

Редакторы: Milena, Nell Jo, Anastasiya Goncharova

Вычитка: Milena и Gabriella A.

Обложка: Gabriella A.

Переведено специально для группы: https://vk.com/nag_books

Аннотация:

Тиран днем и плейбой ночью – такова репутация Ричарда ВанРайена. Он живет так, как хочет, не заботясь о мнении других. Ни о ком не печется, будучи совершенно беспардонным и не имея никакого желания что-либо менять.

Кэтрин Эллиот работает личным ассистентом Ричарда. Она презирает и его самого, и сомнительные этические нормы, которых тот придерживается, но ради работы терпит помои, в которых он купает ее. Ведь конечная цель гораздо важнее, чем ежедневные претензии и дурное обращение противного босса-тирана.

Пока однажды он не обращается с абсолютно неожиданной просьбой. У нее будет новая должность по частному контракту – невесты вместо личного ассистента.

Что происходит, когда два человека, которые ненавидят друг друга, вынуждены жить вместе и вести себя так, будто безумно влюблены?

Летят искры.

Вот что происходит.

Может ли сила любви по-настоящему изменить человека?

Выполнят ли они условия КОНТРАКТА?

Что делать, когда человек, которого ненавидишь больше всего на свете, становится тем, без кого не можешь жить?

РИЧАРД

ГОМОН ПЕРЕПОЛНЕННОГО РЕСТОРАНА ОТОШЕЛ НА ВТОРОЙ ПЛАН, когда я склонился над столом, изо всех сил стараясь сдержать свой гнев. Я контролировал свой голос, подавляя желание перейти на крик, при этом мои слова сочились тихой яростью:

– Что ты сказал? Уверен, что неверно расслышал тебя.

Дэвид расслабленно откинулся в кресле, совершенно не реагируя на мою вспышку гнева:

– Я сказал, что Тайлера прочат в партнеры.

Моя рука с такой силой сжала бокал, что я даже удивился, как тот не раскололся.

– Но ведь это меня должны были выдвинуть на эту должность.

Он пожал плечами:

– Все меняется.

– Я надрывал задницу. Принес компании девять миллионов. Ты сказал, что если я превышу показатели прошлого года, то меня сделают партнером.

Он пожал плечами:

– А Тайлер принес двенадцать миллионов.

Я ударил ладонью по столу, и мне было насрать, если это привлекло к нам внимание.

– Потому что ублюдок за моей спиной увел у меня клиента. Идея той кампании была моей.

Он, блять, передрал ее у меня!

– Твое слово против его, Ричард.

– Чушь. Это все *бред собачий*.

– Решение принято и предложение отослано на рассмотрение. Приложи усилия и, возможно, следующий год станет твоим.

– Так, значит?

– Да, так. Ты получишь щедрый бонус.

Бонус.

Я не хотел еще один сраный бонус. Я хотел эту должность. Она должна была быть моей.

Я так быстро вскочил на ноги, что опрокинул стул, и тот с грохотом упал на пол. Вытянувшись во все свои шесть футов четыре дюйма¹, я нахмурился, глядя на него сверху вниз. Учитывая, что Дэвид ростом был не выше пяти футов восьми дюймов², в данный момент он казался довольно маленьким, сидя напротив меня.

Дэвид приподнял бровь:

– Осторожнее, Ричард. Помни, что в «Андерсен Инкорпорейшен» мы все командные игроки. Ты все еще часть этой команды – важная ее часть.

Я смерил его пристальным взглядом, сдерживая желание послать его на хер.

– Команда. *Верно*.

Покачав головой, я ушел.

Я влетел в свою приемную, захлопнув за собой дверь. Моя ассистентка, вздрогнув, подняла на меня глаза, держа в руке недоеденный сэндвич.

– Что я, блять, говорил тебе относительно еды на рабочем месте? – рявкнул я.

Она вскочила на ноги.

– В-вас не было в кабинете, – заикалась она. – А я занималась вашими расходами. Подумала...

– Что ж, что бы ты ни подумала, ты, на хрен, ошиблась. – Потянувшись через ее стол, я выхватил у нее из рук упомянутый сэндвич, морщась при виде его начинки. – Ореховое масло и джем? И это все, что ты можешь сделать, учитывая, сколько тебе платят? – Я чертыхнулся, когда джем капнул на мой пиджак: – Проклятье!

Ее и без того бледное лицо побелело еще сильнее, когда она увидела красный мазок на моем сером костюме.

– Мистер ВанРайен, мне так жаль. Я сейчас же отнесу его в химчистку.

– Черт, конечно же отнесешь. И принеси мне сэндвич.

Она заморгала:

– Я-я думала, вы ходили на ланч?

¹ 193см

² 173см

– Повторяю еще раз, ход твоих мыслей неверен. Принеси мне сэндвич и латте – побольше пенки, обезжиренный. И свяжись с Брайаном Максвеллом – *сейчас же*. – Я нетерпеливо скинул пиджак, убедившись, что карманы пусты. – Отнеси это в чистку – хочу, чтобы его вернули сегодня днем.

Она сидела, застыв на месте и таращась на меня.

– Ты оглохла?

– Что бы вы хотели, чтобы было сделано в первую очередь?

Я швырнул ей пиджак:

– Это, блять, твоя работа. Сообрази и сделай!

Я захлопнул за собой дверь в свой кабинет.

Через пятнадцать минут сэндвич и латте были у меня. Загудел интерком:

– Мистер Максвелл на второй линии.

– Хорошо. – Я поднял трубку. – Брайан. Мне нужно с тобой встретиться. Сегодня.

– У меня тоже все хорошо. Спасибо, что спросил, Ричард.

– Я не в настроении. Когда ты свободен?

– У меня весь день занят встречами.

– Отмени.

– Я даже не в городе. Самое раннее я смогу добраться к семи.

– Хорошо. Встретимся «У Финли». За моим обычным столиком. – Я повесил трубку и нажал на интерком: – Зайдите.

Дверь открылась, и она влетела в кабинет – в буквальном смысле. Я даже не удосужился скрыть тот факт, что закатил глаза от отвращения. Никогда не встречал никого настолько неуклюжего – она навернулась на ровном месте. Готов поклясться, что она провела на коленях больше времени, чем большинство женщин, с которыми я встречался. Я подождал, пока она вскочит на ноги, подберет свой блокнот и найдет ручку. Ее лицо покраснело, а руки тряслись.

– Да, мистер ВанРайен?

– Мой столик «У Финли». Забронируйте его на семь часов. Лучше, чтобы мой пиджак был готов к сроку.

– Я запросила срочное обслуживание. Это, э-э, за дополнительную плату.

Я приподнял брови:

– Уверен, вы были просто счастливы оплатить счет, учитывая, что все произошло по вашей вине.

Ее лицо побагровело, но она не стала спорить:

– Я заберу его через час.

Я махнул рукой – мне было плевать, когда она принесет назад пиджак, главное, чтобы он был в моем распоряжении до ухода на встречу.

– Мистер ВанРайен?

– Что?

– Мне нужно уйти сегодня в четыре. У меня назначена встреча. Я отправляла вам электронное письмо об этом на прошлой неделе.

Я барабанил пальцами по столу, изучая ее. Моя ассистентка – Кэтрин Эллиот – просто кость в горле. Я сделал все, что мог, чтобы избавиться от нее, но не преуспел в этом. Какое бы задание я ей ни давал, она все выполняла. Без жалоб справлялась с каждым унижительным поручением. Забрать мои вещи из химчистки? Сделано. Позаботиться о том, чтобы в моей личной уборной были мои любимые туалетные принадлежности и презервативы? Всенепременно. Расставить по алфавиту и содержать в порядке огромную коллекцию CD, которую я решил принести в свой офис? Выполнено – она даже сложила все в коробки, когда я «передумал» и велел отправить домой рассортированные и сверкавшие чистотой диски. С ее губ не сорвалось ни слова. Послать цветы и отделаться сообщением от кого бы там я ни бросил в этом месяце или на этой неделе? Ага.

Она была в офисе каждый день, без пропусков и опозданий. Покидала офис, если только нужно было выполнить мое поручение или смотаться в комнату отдыха, чтобы перекусить одним из ее нелепых принесенных-из-дома сэндвичей, потому как я запретил ей есть за рабочим столом. Она содержала мой календарь и базу контактов в надлежащем порядке, файлы были промаркированы в соответствии с цветовой кодировкой, как мне нравилось; она фильтровала мои звонки, заботясь о том, чтобы мои многочисленные бывшие не докучали мне. Благодаря «сарафанному радио» я знал, что все ее любили, она никогда не забывала о днях рождения и

пекла вкуснейшее печенье, которым делилась на праздники. Она была отвратительно совершенной.

Я терпеть ее не мог.

Она была всем, что я презирал в женщине. Маленькая и хрупкая, с темными волосами и голубыми глазами, вечно одетая в простые костюмы и юбки – опрятные, аккуратные и совершенно безвкусные. Ее волосы всегда были закручены в узел, она никогда не носила украшений и, как я заметил, ходила без макияжа. В ней было ноль притягательности и недостаточно самоуважения, чтобы что-нибудь с этим поделать. Кроткая и робкая, ею было легко вертеть. Она никогда за себя не заступалась, принимала любую критику и никогда не выдавала ничего негативного в ответ. Мне нравились сильные и яркие женщины, а не тряпки вроде Мисс Эллиот.

Однако я не мог отвязаться от нее.

– Хорошо. Только не берите это себе за правило, мисс Эллиот.

На секунду мне показалось, что ее глаза блеснули, но она лишь кивнула.

– Я заберу ваш пиджак и оставлю его в шкафу. Ваша телеконференция будет в два часа, и у вас встреча в три тридцать в зале заседаний. – Она указала на документы в углу моего стола. – Все ваши заметки там.

– А расходная документация?

– Я закончу и оставлю вам на подпись.

– Ладно. Можете идти.

Она приостановилась у двери.

– Хорошего вам вечера, мистер ВанРайен.

Я даже не удосужился ответить.

РИЧАРД

БРАЙАН СДЕЛАЛ ГЛОТОК ВИСКИ, пристально глядя на меня поверх своего стакана.

– Согласен, это перебор, Ричард. Но чего ты хочешь от меня?

– Хочу другую работу. Ты же этим занимаешься, так найди ее мне.

Он сухо рассмеялся, опуская стакан:

– Мы это уже обсуждали. С твоим послужным списком я могу найти для тебя любую работу

– только не здесь. В Виктории лишь два основных игрока, и на одного из них ты уже работаешь. Если ты наконец готов переехать, только скажи. У меня будет куча предложений для тебя в любом крупном городе, на который ты укажешь. В Торонто вообще бум.

Я фыркнул от досады:

– Я не хочу переезжать. Мне нравится в Виктории³.

– Что-то держит тебя здесь?

Я забарабанил пальцами по столу, обдумывая его вопрос. Я понятия не имел, почему отказывался переехать. Мне нравился этот город. Мне нравилась его близость к воде, рестораны и театры, суэта большого города в маленьком городке и особенно климат. Было что-то еще. Я не мог точно описать, но что-то удерживало меня тут. Я знал, что мог бы переехать, по сути это несомненно было бы самым лучшим решением, но мне хотелось другого.

– Нет, ничего существенного. Я хочу остаться здесь. Почему я не могу получить работу в «Гэвин Групп»? Им бы чертовски повезло, заполучи они меня. Мое портфолио говорит само за себя.

Брайан прочистил горло, постукивая по стакану ухоженным ногтем.

– Как и ты сам.

– В рекламной индустрии срабатывают прямолинейность и ответственность, Брайан.

– Я не совсем это имел в виду, Ричард.

– Тогда что, на хрен, ты имел в виду?

Брайан просигналил, чтобы ему принесли еще выпивку, и откинулся на стуле, поправляя галстук, прежде чем заговорить:

– Твоя репутация и имя говорят сами за себя. Ты же знаешь, во многих кругах ты известен как «Дик»⁴. – Он приподнял одно плечо. – По очевидным причинам.

Я пожал плечами. Мне было плевать, как люди называли меня.

– «Гэвин Групп» – это семейное предприятие. В отличие от «Андерсен Инк.», их компания базируется на двух фундаментальных принципах: семья и безукоризненная репутация. Они очень щепетильны, когда дело доходит до их клиентской базы.

Я фыркнул. «Андерсен Инк.» готовы работать на любого. До тех пор, пока у клиента есть деньги, они будут вести кампанию, не заморачиваясь на то, что кому-то из потребителей это покажется безвкусицей. Я знал об этом, но все равно было плевать. Мне было известно, что «Гэвин Групп» гораздо разборчивей в плане клиентов, но я мог работать в этих рамках. Дэвид ненавидел «Гэвин Групп» – если уйти из «Андерсен Инк.» и начать там работать, это конкретно его взбесит, и он предложит мне партнерство, лишь бы я вернулся. Может, даже он предложил бы его, обнаружив, что я ухожу. Мне нужно это сделать.

– Я могу придержать себя и работать в их рамках.

– Дело не только в этом.

Я подождал, пока официант расставит для нас новые напитки, и коротко исследовал Брайана. Его лысая голова блестела под лампами, а светло голубые глаза мерцали. Он был расслаблен и чувствовал себя непринужденно, совершенно не переживая из-за моей дилеммы. Он выпрямил свои длинные ноги, лениво скрестил их, покачивая одной и держа стакан в руке.

– А в чем еще?

– Грехам Гэвин семьянин и так же ведет свой бизнес. Он нанимает лишь людей с аналогичным менталитетом. Вряд ли он счел бы приемлемой твою, э-э, личную жизнь.

Я отмахнулся, прекрасно понимая, что он имел в виду.

– Я бросил Эрику пару месяцев назад.

Имя моей какой-то-там-бывшей попало во все заголовки газет из-за ее пристрастия к наркотикам – она рухнула с подиума находясь под кайфом во время модного показа. В любом случае я уже устал от ее сверхдорогих запросов. Я велел мисс Эллиот отправить ей в клинику

³ Виктория (англ. Victoria) — город на крайнем западе Канады, столица провинции Британская Колумбия.

⁴ В англ. - сокращенная форма имени Ричард, а также переводится как «член»

цветы с запиской о нашем разрыве, после чего заблокировал ее номер. А когда на прошлой неделе она попыталась со мной встретиться, охрана вывела ее из здания – или, точнее, я велел мисс Эллиот позаботиться об этом. Казалось, ей было на самом деле жаль Эрику, когда она пошла вниз и вскоре вернулась, сообщив, что Эрика меня больше не беспокоит. Скатертью дорожка.

– Дело не только в Эрике, Ричард. Твоя репутация хорошо известна. Ты плейбой в нерабочее время и тиран в течение дня. Ты действительно заслужил свое прозвище. Это неприемлемо для Грехама Гэвина.

– Считаю меня другим человеком.

Брайан рассмеялся.

– Ричард, ты не понимаешь. Компания Грехама ориентирована на семью. Моя девушка, Эми, там работает. Я знаю, как они функционируют. Никогда не видел такого рода компании.

– Расскажи.

– Вся его семья задействована в процессе. Его жена, дети и даже их супруги там работают. Они проводят пикники и ужины для сотрудников и их семей. У них достойная оплата и хорошее отношение. Клиенты их обожают. Там очень трудно получить работу, потому что редко кто оттуда уходит.

Я размышлял над тем, что он сказал. Не было секретом, какое важное значение «Гэвин Групп» придает семье и какая там маленькая текучка кадров. Дэвид ненавидел Грехама Гэвина и все, что тот отстаивал в деловом мире. Для него это был мир «съешь сам или съедят тебя», и по этим же правилам он и играл: чем больше крови, тем лучше. Недавно два основных клиента перешли к Гэвину, и Дэвид был в ярости. В тот день покатались головы – много голов. Мне повезло, что это были не мои клиенты.

– Так я в полном дерьме.

Он колебался, глядя на меня, затем посмотрел мне за плечо.

– Мне достоверно известно, что один из их топ-менеджеров уходит.

Я наклонился вперед, крайне заинтересовавшись этой новостью.

– Почему?

– Его жена заболела. Прогноз у нее хороший, но он решил все изменить ради семьи и остаться дома.

– Это временная позиция?

Брайан покачал головой.

– Вот такой человек Грехам Гэвин – отправляет его досрочно на пенсию с полным пособием и льготами. Он сказал ему, что как только его жена выздоровеет, то отправит их в круиз, чтобы это отметить.

– Откуда ты это знаешь?

– Эми его ассистентка.

– Тогда ему нужна замена. Устрой мне интервью.

– Ричард, ты что, совсем меня не слушал? Грехам не наймет кого-то вроде тебя.

– Наймет, если смогу убедить его, что я не таков, как он думает.

– И как ты это сделаешь?

– Устрой мне интервью, и я что-нибудь придумаю. – Я сделал большой глоток скотча. – Но нужно сделать это тихо, Брайан.

– Знаю. Посмотрим, что смогу сделать, но говорю тебе – это будет трудно проверить.

– Ты получишь щедрое вознаграждение, если сможешь устроить меня туда.

– Стоит ли оно того, чтобы доказать Дэвиду, что ты уйдешь? Ты так хочешь этого партнерства?

Я в задумчивости провел рукой по подбородку, почесав щетину.

– Я передумал.

– Что ты имеешь в виду?

– Дэвид ненавидит Грехама. Ничего не взбесит его сильнее, чем мой переход к нему. Знаю, что парочка моих клиентов последует за мной, что еще сильнее усугубит удар. Я собираюсь убедить Грехама Гэвина, что нужен ему, а когда Дэвид попытается вернуть меня, наступит мой черед сказать ему, что «все меняется».

– Ты говоришь довольно уверенно.

– Я же тебе говорил – так добиваются успеха в моем деле.

– Не знаю, как ты планируешь это проверить, но постараюсь помочь. – Он поджал губы. – Я ходил в школу с его зятем, и мы все еще вместе играем в гольф. На следующей неделе мы, скорее всего, встретимся с ним за очередным раундом. Я прошу тебя на эту тему.

Я кивнул, мой разум мчался со скоростью тысяча миль в час.

Как убедить незнакомца, что ты не тот, кем он тебя считает?

Мелани Морлэнд
«Контракт»

Это был вопрос на миллион долларов.

Мне лишь нужно было выяснить ответ на него.

РИЧАРД

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО у меня появилась идея, но я не был уверен, как ее осуществить. Если Грехаму Гэвину нужен был семьянин, он его получит. Осталось только придумать, как уладить эту маленькую деталь. Я мог это сделать – как-никак это было в моей компетенции – ведь я был генератором идей.

Моей главной проблемой была категория женщин, которые обычно присутствовали в моей жизни. Женские версии меня самого. Красивые внешне, но холодные, расчетливые и незаинтересованные ни в чем кроме того, что я мог им дать: шикарные ужины, дорогие подарки, и, если отношения продолжались довольно долго, поездка куда-нибудь, прежде чем я их бросал. Потому что в итоге я всегда это делал. Ведь меня тоже интересовало лишь только то, что они могли мне дать. Все, чего мне хотелось, это нечто симпатичное, на что можно было бы посмотреть, и теплое тело, в которое можно было погрузиться в конце вечера. Пару часов бездумного наслаждения, прежде чем вернуться к холодной и жесткой реальности моей жизни.

Ни одна из них не была похожа на тех женщин, глядя на которых Грехам Гэвин поверил бы, что я могу провести с ней остаток своей жизни. Порой я и сам едва ли мог высидеть до конца вечера.

Мисс Эллиот робко постучала, ожидая, пока я, крикнув, разрешу ей войти. Она зашла в кабинет, осторожно неся мой кофе и ставя его на стол.

– Мистер Андерсен устраивает совещание в конференц-зале через десять минут.

– Где мой бейгл?

– Я подумала, вы предпочтете поесть его после заседания, чтобы не спешить. Вы же ненавидите есть в спешке. От этого у вас изжога.

Я сердито посмотрел на нее, ненавидя тот факт, что она была права.

– Прекратите думать, мисс Эллиот. Я уже вам говорил, что ход ваших мыслей чаще ошибочный, чем верный.

Она посмотрела на свои часы – обычные черные, с простым циферблатом, бесспорно приобретенные в Волмарте или каком-нибудь другом рядовом магазине.

– До заседания осталось семь минут. Хотите, чтобы я сходила и принесла вам ваш бейгл? К тому времени, как он будет готов, у вас останется лишь две минуты, чтобы быстро съесть его.

Я встал, хватая свою чашку.

– Нет. Благодаря вам, я буду на встрече голодным и если совершу ошибку, то это случится по вашей вине.

Я пулей вылетел из своего кабинета.

Дэвид барабанил пальцами по поверхности стеклянного стола.

– Внимание. У меня есть хорошие новости и плохие. Начну с хороших. Рад объявить о назначении Тайлера Хантера партнером.

Я удержал на лице бесстрастное выражение. Чувствовал косые взгляды, но не хотел, чтобы кто-то понял, как я взбешен этим, поэтому просто постучал костяшками по стеклу.

– Молодец, Тайлер. Удачи тебе.

В комнате повисла тишина. Внутренне я усмехнулся. Я мог вести себя как порядочный человек. Конечно это не меняло того факта, что я ненавидел лживого ублюдка или был недоволен, что Дэвид так поступал со мной.

Дэвид прочистил горло:

– А теперь плохая новость. С сегодняшнего дня Алан Саммерс больше не работает в компании.

Мои брови взметнулись вверх. Алан был одним из воротил в «Андерсен Инк.» Я не смог молчать:

– Почему?

Дэвид бросил на меня взгляд.

– Что, прости?

– Почему он ушел? Это по собственному желанию?

– Нет. Он... – Дэвид поджал губы в перекошенной гримасе. – До моего сведения было доведено, что он встречается с ассистенткой. – Он нахмурился. – Вы же знаете, что в компании строгие правила на счет личных отношений между сотрудниками. Пусть это будет для всех вас уроком.

В «Андерсен Инк.» были свои собственные правила. Или ты следовал им, или тебя увольняли. Они, фигурально выражаясь, отрывали тебе яйца, оставляя барахтаться. Близкие отношения в компании были под строгим запретом. Дэвид верил, что романы в офисе затуманивают мозги. Все, что отвлекало внимание от работы или влияло на конечный результат, заслуживало его неодобрения. Как я понимал, он был против того, чтобы у его сотрудников была вообще какая-либо жизнь за пределами «Андерсен Инк.» Обведя взглядом сидящих за столом, я осознал, что каждый из руководящего звена был либо неженат, либо разведен. Я никогда не обращал внимания или заботился о семейном положении моих коллег.

– Кстати, Эмили тоже ушла.

Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять с какой из ассистенток встречался Алан. Эмили была его личным ассистентом. Какой идиот. Никогда нельзя вступать в отношения с кем-то на работе, особенно со своим личным помощником. К счастью, мне это даже отдаленно не грозило.

Дэвид что-то еще погудел, но я не вникал, вернувшись мыслями к собственной проблеме. Когда остальные начали вставать, я вскочил на ноги и покинул зал заседаний, не желая смотреть, как все будут пожимать руку и хлопать по спине Тайлера.

Ублюдок.

Я влетел в свой офис, замерев при виде Брайана, сидящего на краю стола мисс Эллиот, при этом его широкие плечи тряслись от смеха. Они оба посмотрели на меня, когда я вошел, при этом выражение лица у каждого было совершенно разным: Брайан выглядел довольным, а мисс Эллиот – виноватой.

– Что ты тут делаешь? – спросил я, после чего развернулся к мисс Эллиот: – Почему вы не сообщили, что меня кто-то ожидает?

Брайан поднял руки.

– Я пришел лишь пару минут назад, Ричард. Кэти предложила мне кофе и собиралась сообщить тебе о моем прибытии, но ее компания мне нравится гораздо больше, чем обычно твоя, так что я не торопился. – Он подмигнул мне. – Она забавней, не говоря уже о том, что симпатичнее тебя. Я всегда с удовольствием провожу с ней время.

Симпатичная и забавная? Мисс Эллиот? И что эта еще за хрень с Кэти?

Из меня вырвался смешок при его описании.

– Ко мне в офис, – велел я.

Он последовал за мной, и я закрыл дверь.

– Что ты здесь делаешь? Если Дэвид тебя видел...

Он покачал головой.

– Расслабься. Я же не в первый раз сюда прихожу. И что с того, если он даже видел меня и что-то подозревает? Заставь его немного попотеть.

Я задумался: возможно это была не такая уж и плохая мысль. Он знал, что Брайан был самым крупным «хедхантером»⁵ в Виктории. Возможно, увидев его кружащим рядом с «Андерсен Инк.», он немного занервничает.

– Прекрати охмурять мою ассистентку. Эта напрасная трата времени, к тому же я думал, что у тебя есть девушка.

– Так и есть, и я ее не охмурял. Она великолепная. Я получаю удовольствие, общаясь с Кэти. Я фыркнул.

– Да, она великолепная, если тебе нравятся тряпки, маскирующиеся под отощавших пугал. Брайан нахмурился.

– Она тебе не нравится? Правда? Чем же?

– Она охренительно идеальная, – заявил я с сарказмом. – Она делает все, что бы я ни сказал. А теперь давай оставим эту тему, лучше скажи, зачем ты пришел.

Он понизил голос:

– Сегодня утром я пил кофе с Адрианом Дэвисом.

Я пересек кабинет и сел за свой стол.

– Адрианом Дэвисом из «Гэвин Групп»?

Он кивнул.

– Я зашел повидать Эми и заглянул к нему, чтобы договориться о партии в гольф на следующей неделе. Он согласился поговорить с Грехамом о собеседовании с тобой.

Я стукнул по столешнице кулаком.

– *Чертovski* хорошая новость. Что ты ему сказал?

⁵ В данном случае человек, занимающийся поиском "светлых" голов

– Я сказал, что ты уходишь по личным причинам. Сказал, что несмотря на слухи, у тебя изменилась ситуация, и что тебе больше некомфортно с направлением, задаваемым «Андерсен Инк.».

– Изменилась ситуация?

– Я сказал, что твои денечки плейбоя остались позади и что твой стиль ведения бизнеса поменялся. Сообщил, что ты теперь хочешь жить по-другому.

– Он тебе поверил?

Брайан расправил складку на брюках кончиками пальцев и встретился со мной взглядом.

– Да.

– Ты сказал ему, чем были вызваны эти чудесные перемены?

– Ты вроде как сам к этому подвел вчера вечером. Я сказал, что ты влюбился.

Я кивнул. Это было именно тем, о чем я думал. Грехаму нравилась семейная атмосфера, и мне нужно будет вписаться.

Брайан посмотрел на меня проницательно.

– Учитывая твоё *прошлое*, Ричард, эта женщина должна разительно отличаться от тех, с которыми у тебя были связи, особенно в последнее время. – Он склонил голову. – Это должен быть кто-то более приземленный, теплый и заботливый. Настоящий.

– Знаю.

– Это действительно того стоит?

– Да.

– Ты будешь лгать и притворяться – и все из-за работы?

– Это больше, чем работа. Дэвид поймел меня так же, как и Тайлер. Уже не в первый раз. Я больше не собираюсь мириться с этим дерьмом. – Откинувшись в кресле, я уставился в окно.

– Возможно, я и буду нанят при менее чем честных намерениях с моей стороны, но Грехам получит охренительное пополнение в свою компанию. Я буду надирать задницу для него.

– А как же женщина?

– Мы порвем. Такое случается.

– Есть какие-нибудь соображения относительно счастливцы?

Я покачал головой.

– Что-нибудь придумаю.

Раздался стук в дверь, и в кабинет зашла мисс Эллиот, поставив бейгл и свежий кофе мне на стол.

– Мистер Максвелл, могу я предложить вам еще чашечку кофе?

Он покачал головой, улыбнувшись ей.

– Я же тебе говорил, зови меня Брайан. Спасибо, Кэти, не надо. Мне уже нужно идти, а твоему боссу поработать над колоссальным проектом.

Она развернулась ко мне, заинтересованно распахнув глаза.

– Мне нужно что-нибудь сделать, мистер ВанРайен? Могу я помочь чем-нибудь?

– Совершенно ничем. Мне *ничего* от вас не нужно.

Ее щеки вспыхнули, а голова поникла. Она кивнула, вышла из офиса и прикрыла за собой дверь.

– Боже, ты такая задница, – заявил Брайан. – Ты так груб с ней.

Я пожал плечами, совершенно не раскаиваясь.

Он встал с кресла, застегивая свой пиджак.

– Тебе нужно следить за своим отношением к людям, если хочешь, чтобы твой план сработал, Ричард. – Он качнул головой в сторону двери. – Эта милая девушка как раз из той категории людей, кто тебе нужен, чтобы повлиять на Грехам.

Я проигнорировал замечание относительно «*милой*», уставившись на него.

– Повлиять?

Он усмехнулся.

– Ты правда думаешь, что ему будет достаточно твоего имени и краткой информации? Я же тебе говорил, как тесно он связан со своим коллективом. Если он решит нанять тебя, то захочет встретиться с твоей возлюбленной – больше, чем один раз.

Я не заглядывал так далеко вперед. Думал, что смогу на один вечер привести какую-нибудь знакомую, но Брайан был прав. Мне потребуется некоторое время сохранять внешнюю видимость – по крайней мере, до тех пор, пока не докажу Грехаму, что достоин.

Он заколебался у двери.

– Полагаю, мисс Эллиот не замужем.

– Это должно быть очевидным.

Он покачал головой.

– Ты слепец, Ричард. Твое решение прямо у тебя перед носом.

Мелани Морлэнд
«Контракт»

– О чем ты говоришь?

– Ты же умный парень. Сам догадайся.

Он ушел, не закрыв за собой дверь. Я услышал, как он что-то сказал мисс Эллиот, отчего та рассмеялась – непривычный звук из ее части офиса. Я схватил бейгл, оторвал кусочек с большей силой, чем требовалось.

Что, черт побери, он предлагал?

В голове постепенно начала формироваться мысль, и я взглянул на дверь.

Он не мог говорить это серьезно.

Я застонал, бросив бейгл на тарелку. У меня пропал аппетит.

Он был совершенно серьезен.

Твою ж мать.

РИЧАРД

БЕГОВАЯ ДОРОЖКА МОНОТОННО ШУМЕЛА у меня под ногами, пока я прикладывал усилия. Прошлой ночью я почти не спал и был в мрачном настроении. По моему лицу и спине стекал пот, так что я подхватил полотенце и грубо стер его, после чего откинул то в сторону. В iPod гремела тяжелая музыка, однако было недостаточно громко, так что я прибавил звук, радуясь, что в моей квартире была хорошая звукоизоляция.

Я продолжил бег, почти на бешеной скорости. В темноте ночи продумывал все свои варианты и планы, в итоге остановившись на двух.

Первой моей мыслью было, что если Брайан и Адриан смогут все устроить, то я мог бы блефовать в ходе интервью, поведав Грехаму лишь общие детали о женщине, которая, как предполагалось, изменила мое мировоззрение и, следовательно, меня. Если правильно к этому подойти, то мне бы удалось сохранять видимость до тех пор, пока не докажу Грехаму, какой я ценный сотрудник, после чего произойдет неслыханное – эта идеальная женщина бросит меня. Я бы мог изобразить разбитое сердце и с головой окунуться в работу.

За исключением того, что, судя по рассказу Брайана, моя идея вряд ли сработает.

Это означало, что мне нужна реальная женщина – та, которая убедит Грехаму, что я лучше, чем он обо мне думает. Кто-то, как сказал Брайан, «настоящий, теплый и приземленный».

Немногие женщины из моих знакомых попадали под эту категорию, если только им не было за шестьдесят. Не думаю, что Грехам бы поверил, что я влюбился в кого-то вдвое старше себя. Никто из женщин, с которыми я мучил, не смог бы пройти его проверку. Я обдумывал вариант нанять кого-то – возможно, актрису, – но это было слишком рискованно.

Слова Брайана продолжали непроизвольно крутиться у меня в мозгу: «*Ты слепец, Ричард. Решение прямо у тебя под носом*».

Мисс Эллиот.

Он думал, что я мог бы использовать мисс Эллиот в качестве своей девушки.

Если сделать пару шагов назад и постараться мыслить объективно – в этом был смысл. Это было идеальное прикрытие. Если Грехам решит, что я ухожу из «Андерсен Инк» из-за того, что влюбился в свою ассистентку и предпочел ее – и наши отношения – работе, то заработаю тем самым существенные очки у него. Она не была похожа на прочих женщин, которые у меня когда-либо были. Брайан считал ее теплой, яркой и привлекательной. Другим людям, похоже, она нравилась. Множество плюсов.

За исключением того, что это была *мисс Эллиот*.

Со стоном я отключил дорожку и сгреб отброшенное полотенце. Взял на кухне бутылку воды, осушил ее и включил ноутбук. Зайдя на сайт компании, пролистал файлы сотрудников, остановившись на страничке мисс Эллиот. Я изучал ее фотографию, стараясь быть объективным.

В ней не было ничего примечательного, за исключением больших ярко-голубых глаз в обрамлении длинных ресниц. Я подумал, что ее темные волосы, должно быть, были длинными, потому что никогда не видел, чтобы они были уложены как-то иначе, чем в тугой пучок. Ее кожа была очень бледной – интересно, как бы она выглядела, если б оказалась в руках умелого визажиста и была бы одета в приличную одежду. Уставившись в экран, я смотрел на ее фото. Ей не помешало бы немного сна, чтобы избавиться от темных кругов под глазами, и поесть что-то помимо сэндвичей с ореховым маслом и джемом. Она была худой как спичка. А мне нравилось, когда у моих женщин была парочка изгибов.

Я застонал в отчаянии, потирая шею.

Полагаю, в данных обстоятельствах мои предпочтения не имели значения. Важнее то, что мне *было нужно*.

А в данных обстоятельствах, наверно, все же следовало признать, что мне нужна была мисс Эллиот.

Черт бы побрал мою жизнь.

Зазвонил телефон, и, взглянув на экран, я с удивлением увидел имя Брайана.

– Привет.

– Прости, если разбудил.

Я посмотрел на часы, было лишь шесть тридцать. Я удивился, что он не спал в это время, так как обычно любил вставать попозже.

– Я проснулся некоторое время назад. Что случилось?

– Грехам встретится с тобой сегодня в одиннадцать.

Я встал на ноги, чувствуя, как по спине пробежали нервные мурашки.

– Ты серьезно? Почему так скоро?

– Его не будет весь остаток недели, и я сказал Адриану, что ты раздумываешь принять предложение о собеседовании по работе в Торонто.

Я хмыкнул.

– Я твой должник.

– Большой. Должен так много, что вряд ли когда-нибудь сможешь расплатиться, – захохотал он. – Но ты же понимаешь, что вероятность того, что ничего не получится – если конечно тебе не удастся убедить его, что для тебя все изменилось – чертовски велика, да? Я довольно сильно приукрасил все Адриану, но мои рассказы позволяют тебе там только появиться.

– Знаю.

– Ладно. Удачи, и дай знать, как все пройдет.

– Хорошо.

Повесив трубку, я проверил мое расписание. Усмехнулся, когда понял, что мисс Эллиот обновила его прошлой ночью. У меня была встреча во время завтрака в восемь, что означало: на работу я вернусь в десять или около того. Я решил не возвращаться в офис. У меня появилась идея, как представить мою так называемую девушку на предстоящем собеседовании.

Набрал номер мисс Эллиот. Она ответила через пару гудков, пробормотав сонное приветствие:

– Э-м... алло?

– Мисс Эллиот.

– Что?

Я шумно втянул воздух, стараясь быть терпеливым. Очевидно, что я разбудил ее, поэтому попытался еще раз:

– Мисс Эллиот, это мистер ВанРайен.

Ее голос был хриплым и растерянным:

– Мистер ВанРайен?

Я тяжело вздохнул:

– Да.

В трубке слышались звуки возни, и я представил, как она подскакивает в сидячее положение со взъерошенными волосами.

Она прочистила горло:

– Э-э, какие-нибудь проблемы, мистер ВанРайен?

– Меня не будет в офисе до середины дня.

Последовала тишина.

– У меня возникли личные дела.

Она сухо ответила:

– Вы могли бы написать мне сообщение... сэр.

– Мне нужно, чтобы вы сделали для меня две вещи, – продолжил я, не обращая внимания на нотки сарказма в ее голосе. – Если придет Дэвид и спросит обо мне, скажите, что я отсутствую по личным делам и вы понятия не имеете где я. Это ясно?

– Кристально.

– Мне нужно, чтобы вы позвонили мне в одиннадцать пятнадцать. *Ровно*.

– Хотите, чтобы я что-то при этом сказала или просто тяжело подышала в трубку?

Я отнял трубку от уха, удивленный ее тоном. Похоже, мой личный ассистент не была довольна тем, что ее рано разбудили. Она была болтливей обычного, и я не был уверен, как это воспринимать.

– Мне нужно, чтобы вы сказали мне, что моя встреча с четырех часов переносится на три.

– Это все?

– Да. А теперь повторите, что я вам только что сказал.

Она издала какой-то странный звук, что-то вроде брюзжания, отчего я ухмыльнулся. Похоже, при соответствующих обстоятельствах у мисс Эллиот проявлялся намек на хребет. Тем не менее я хотел удостовериться, что она достаточно проснулась, чтобы запомнить мои распоряжения.

– Я должна сказать Дэвиду, что вы отсутствуете по личному делу и не знаю где вы. Я позвоню вам ровно в одиннадцать пятнадцать и скажу, что ваша четырехчасовая встреча перенесена на три.

– Хорошо. Не облажайтесь.

– Но мистер ВанРайен, это же не имеет смысла, почему бы...

Не утруждая себя дальнейшим выслушиванием, я повесил трубку.

РИЧАРД

ЗДАНИЕ, В КОТОРОМ РАСПОЛАГАЛАСЬ «Гэвин Групп», было полной противоположностью «Андерсен Инк.». В отличие от подавляющего небоскреба из стекла и стали, в котором я ежедневно работал, это строение было выполнено из кирпича, высотой лишь в четыре этажа и окруженным деревьями. Я припарковал свою машину, после того как отметился на въезде у охранника, приятно улыбнувшемуся и протянувшему мне пропуск посетителя. Войдя в здание, другой охранник поприветствовал меня и сообщил, что офис Грехама Гэвина был расположен на самом верхнем этаже, после чего пожелал мне хорошего дня.

Пару минут спустя секретарь проводила меня в зал совещаний, протянула чашку свежего кофе и уведомила, что Грехам через мгновение ко мне присоединится. Я воспользовался предоставленным временем, чтобы осмотреть детали комнаты, в которой находился, вновь поразившись различию между обеими компаниями.

В «Андерсен Инк.» все было рассчитано на показной блеск. Офисы и зал заседаний были максимально современными – преобладали черно-белые тона. Даже произведения искусства были монохромными, в оформлении повсюду присутствовало большое количество металла. Тяжелые современные кресла, столы из толстого стекла, пол из светлых пород древесины – все холодное и отстраненное. А если судить по этой комнате, то я больше не был в Канзасе. Стены были облицованы теплыми дубовыми панелями, овальный деревянный стол для заседаний окружали роскошные кожаные кресла, а под ногами мягкий плотный ковролин. Справа, на свободном пространстве, располагалась функциональная кухня. На стенах висели фотографии из их многих успешных кампаний, все в рамках и со вкусом оформленные. На полках стояли различные награды.

На одном конце комнаты размещалась доска для идей. На ней были набросаны заметки и идеи. Я шагнул поближе, изучая картинки, быстро впитывая структуру компании, которую они выстраивали для обувного бренда. Она вся была неверной.

Глубокий голос вывел меня из моих размышлений:

– Судя по выражению вашего лица, я бы сказал, что концепция вам не понравилась.

Мой взгляд поймал немного позабавленное выражение лица Грехама Гэвина. Мы несколько раз сталкивались по роду нашей деятельности, при этом общались всегда вежливо и отстранено – профессиональное пожатие рук и краткое приветствие – вот и все. Он был высоким и уверенным в себе, с копной серебристых волос, которые блестели в свете ламп.

Сейчас же при более тесном общении теплота в его зеленых глазах и низкий тембр голоса меня поразили. Интересно, эту доску для идей оставили специально, в качестве своего рода проверки?

Я пожал плечами.

– Это хорошая концепция, но она не нова. Семья, пользующаяся одним и тем же продуктом? Такое уже было.

Он оперся бедром о край стола, скрестив руки на груди.

– Было, но имело успех. Клиент «Кеннер Футвеар». Они хотят привлечь не одну демографическую группу.

Я кивнул.

– Что, если вы так и сделаете, но задействуете только одного человека?

– Мне бы хотелось услышать поподробнее.

Я указал на картинку семьи, ткнув на старшего ребенка.

– Начните отсюда. Сконцентрируйтесь на нем. Самая первая покупка их продукта – обувь, купленная его родителями. Далее проследите за его взрослением, отмечая некоторые значимые моменты в его жизни, когда он обут в них – первые шаги, первый день в школе, поход с друзьями, занятия спортом, свидания, выпускной, свадьба... – Мой голос осекся.

С мгновение Грехам молчал, затем начал кивать.

– Продукт остается с тобой по мере твоего взросления.

– Это константа. Ты меняешься – а он нет. Твой на всю жизнь.

– Великолепно, – похвалил он.

По какой-то причине его комплимент вызвал тепло в моей груди, и я втянул голову от этого странного ощущения. Он оттолкнулся от стола, протягивая мне руку.

– Грехам Гэвин.

Я ответил рукопожатием, отмечая твердость его хватки.

– Ричард ВанРайен.

– Я уже впечатлен.

Прежде чем я успел ответить, мой телефон зазвонил. Точно вовремя.

– Прошу прощения. – Я взглянул на экран, надеясь, что выглядел при этом глуповато. – Мне нужно ответить. Приношу свои извинения.

– Нет проблем, Ричард, – улыбнулся он. – Мне нужен кофе.

Я отвернулся и ответил на звонок:

– Кэтрин, – пробормотал я, понизив голос.

На мгновение в трубке воцарилась тишина, затем она произнесла:

– Мистер ВанРайен?

– Да, – я усмехнулся, зная, что смутил ее на хрен. Не думаю, что когда-либо называл ее как-то иначе, чем мисс Эллиот, и уж точно никогда не разговаривал с ней таким голосом, как сейчас.

– Эм, вы попросили позвонить и сказать, что ваша четырехчасовая встреча перенесена на три?

– Теперь на три? – повторил я.

– Да?

– Ладно, я внесу изменения. Там все в порядке?

Я слышал шок в ее голосе, когда она ответила:

– Мистер ВанРайен, а *вы сами* в порядке?

– Конечно в порядке. – Я не мог не воспользоваться подвернувшейся возможностью и не подколоть ее сильнее. – А что?

– Ваш голос звучит, э-э, иначе.

– Хватит беспокоиться, – успокоил я, зная, что Грехам слушает. – Все в порядке.

– Дэвид искал вас.

– Что ты ему сказала?

– Все как вы и велели. Он...

– Что? Что случилось?

– Он сегодня с утра немного на взводе.

– Дэвид всегда на взводе. Устрой себе ланч пораньше и запри дверь в офис. Я разберусь с ним, когда вернусь, – проинструктировал я с нотками обеспокоенности в голосе и ухмыльнулся в телефон.

Недоумение придало ей храбрости.

– Запереть офис и уйти на ланч *пораньше*? Вы что, *пьяны*?

Я не выдержал и расхохотался от этих ее слов.

– Просто сделай это, Кэтрин. Оставайся в безопасности, увидимся, когда я вернусь. – Продолжая улыбаться, я повесил трубку и развернулся лицом к Грехаму. – Моя ассистентка, – объяснил я.

Он окинул меня понимающим взглядом.

– Думаю, я знаю, почему вы хотите уйти из «Андерсен Инк.».

Я ответил на его взгляд, слегка пожимая плечами.

Он был на крючке.

– Расскажите мне о себе.

Я поморщился от этого вопроса.

– Думаю, вы многое обо мне уже знаете, Грехам. По крайней мере, знаете, что я могу.

Он кивнул, делая глоток кофе.

– Ваша репутация идет впереди вас.

Я наклонился вперед, надеясь показаться серьезным.

– Люди меняются.

– И вы изменились?

– Изменилось то, чего я хочу от жизни и как этого добиваюсь. Следовательно, человека, которым я был, больше не существует.

– Любовь и правда творит такое с человеком.

– Ну, вы меня раскрыли.

– В «Андерсен Инк.» строгая политика относительно межличностных отношений.

Я фыркнул.

– Дэвид не любит, чтобы у его сотрудников были какие-либо отношения, будь то внутри или вне офиса. Он полагает, что это отвлекает от дел.

– А вы не согласны с этим?

– Я думаю, что это можно совмещать... с правильным человеком.

– И вы нашли такого человека?

– Да.

– Вашу ассистентку.

Я с трудом сглотнул, находя в себе силы лишь на кивок.

– Расскажите мне о ней.

Дерьмо. Когда дело касалось бизнеса, я мог говорить бесконечно. Стратегии, ракурсы, концепции, визуализации – и так мог продолжать часами. А вот о себе лично говорил довольно редко. Так, что я вообще мог рассказать о женщине, которую едва знал и которая мне не нравилась? Понятия не имею. Я еще раз сглотнул и взглянул на стол, пробегая пальцами по его гладкой поверхности.

– Она самая большая недотепа, которую я когда-либо встречал, – ляпнул я – по крайней мере это было правдой.

Он нахмурился от моего тона, и я быстро произнес, сглаживая свою оплошность:

– Ненавижу, когда ей больно, – объяснил я, смягчив голос.

– Конечно, – кивнул он.

– Она, э-э, она идеальная.

Он засмеялся.

– Мы все думаем так о любимых женщинах.

Я покопался в памяти, прокручивая в уме список вещей, которые знал о ней.

– Ее имя Кэтрин. Несмотря на то, что большинство людей зовет ее Кэти, мне нравится называть ее полным именем.

Это было не совсем ложью. Я все время называл ее мисс Эллиот.

Он кивнул.

– Какое красивое имя. Уверен, ей нравится слышать его от вас.

Я усмехнулся, вспоминая ее недавнюю реакцию.

– Думаю, это смущает ее.

Он ждал, пока я обдумывал свои следующие слова.

– Она миниатюрная и ненавязчивая. Ее глаза словно океан – такие голубые, будто бездонные. В офисе ее все обожают. Она печет для людей печенье, и оно им очень нравится. – Я замялся, стараясь придумать что-то еще. – Она ненавидит, когда ее будят раньше, чем нужно. От этого ее голос становится ворчливым, что меня смешит и забавляет.

Он одобряюще улыбнулся.

– Она держит меня в узде, восхитительный ассистент – я бы пропал без нее. – Сделал вдох, не зная, что еще мог бы добавить. – Она без сомнений слишком хороша для меня, – признал я, глубоко в душе понимая, что это правда. Я был уверен, что в этом случае являлся плохим человеком, особенно если учесть то, чем занимался в данный момент.

– Вы хотите взять ее на борт с собой?

– Нет! – воскликнул я. Это был мой шанс избавиться от нее.

– Не понимаю.

– Она, э-э, мы хотим создать семью. Я бы предпочел работать с кем-то другим, а она оставалась бы дома. Хочу, чтобы у нее была возможность некоторое время расслабиться и насладиться жизнью... без работы.

– А сейчас она не наслаждается ею?

– Это сложно, учитывая ситуацию, к тому же она слишком много работает, – добавил я, надеясь, что это звучит правильно. – Последнее время она выглядит уставшей. Мне бы хотелось, чтобы она спала столько, сколько ей заблагорассудится.

– Вам хочется заботиться о ней.

Мы переходили уже на опасную территорию. Я понятия не имел, что ответить – мне никогда не хотелось о ком-либо заботиться, кроме себя самого. Тем не менее, я согласно кивнул.

– Полагаю, вы живете вместе? Мне кажется, это единственное время, когда вы можете расслабиться и побыть парой.

Дерьмо. Я даже не думал об этом.

– Э-э, мы, да... мы очень ценим наше личное время.

– Вы не любите обсуждать свою личную жизнь.

Я печально улыбнулся.

– Нет. Я привык все хранить в себе.

Это, по крайней мере, не было ложью.

– У нас, в «Гэвин Групп», уникальный стиль работы... во многих областях.

– Как раз этого я с нетерпением ожидаю.

Он указал на доску.

– Мы верим в командную работу здесь и в наших личных жизнях. Мы работаем над кампаниями как группа, подпитываясь друг от друга, также как мы с вами делали некоторое время назад. И мы разделяем наши триумфы... и провалы, – он подмигнул. – Не то чтобы у нас их было много. Я ценю каждого своего сотрудника.

– Это интересный подход ведения дел.

– Для нас он действенный.

– Очевидно. Ваше имя пользуется уважением.

Наши взгляды встретились. Я удерживал на лице открытое, уверенное и, надеюсь, искреннее выражение.

Он откинулся в своем кресле.

– Расскажите о вашей идее поподробнее.

Я также расслабленно откинулся на спинку. Это было легко – намного проще, чем говорить о Кэтрин Эллиот.

Час спустя Грехам поднялся на ноги.

– Меня не будет до пятницы. Я бы хотел пригласить вас на барбекю, которое мы с женой устраиваем в субботу. Мне бы хотелось, чтобы вы встретились с ней и еще несколькими людьми.

Я знал, что это означает.

– С радостью, сэр. Спасибо.

– С Кэтрин, конечно же.

Я сохранил бесстрастное выражение лица, когда пожал протянутую мне руку.

– Ей понравится.

Когда я вернулся в офис, мисс Эллиот сидела за своим столом. Хотя она и разговаривала по телефону, когда я проходил мимо, все равно почувствовал на себе ее взгляд. Без сомнений она ждала, что я сорвусь на нее за любую оплошность, которая взбредет мне в голову сегодня. Вместо этого я кивнул и продолжил идти к своему столу с лежащими на нем сообщениями и маленькой кипой документов, ожидающих моего одобрения. Ощущая странное безразличие, я встал и посмотрел в окно на горизонт и расстилающийся передо мной город – его шум и суету приглушал высокий этаж и толстое стекло. Вид и звуки в «Гэвин Групп» будут совершенно другими.

Все будет другим.

Довольно часто к моменту окончания какой-либо встречи с Дэвидом я был массой пульсирующих и взвинченных нервных окончаний. Он знал, как нажимать на кнопки каждого человека, который работал на него; как сказать или сделать именно то, что ему было необходимо для достижения желаемого результата – будь он как положительным, так и отрицательным. До сих пор я этого даже не осознавал. Встретившись с Грехамом, даже несмотря на то, что я был на взводе, и учитывая с каким замыслом с ним встречался, я по-прежнему был спокоен.

Добывая информацию о его компании и о нем самом, я неоднократно читал о его доброте и великодушии. По сути, если не считать невысокого мнения о нем Дэвида, я не прочел и не услышал о Грехаме каких-либо нелестных замечаний. Сидя и обсуждая с ним имеющуюся у меня концепцию для обувной кампании, я ощущал энтузиазм, которого не было уже долгое время. Я снова чувствовал себя креативным и энергичным. Грехам слушал, действительно слушал, поощряя мой мысленный процесс позитивными замечаниями и дополняя собственными идеями. К собственному удивлению мне понравилась его концепция командной работы. Я задавался вопросом, какого это, не быть вовлеченным в ежедневный беспощадный мир «Андерсен Инк.»? Какого это, чувствовать, что работаешь с людьми, а не против них? Станет ли от этого жизнь лучше? В том, что она станет легче, я был уверен. Но также чувствовал, что она будет не менее стимулирующей и побуждающей.

К окончанию нашей встречи все, что я знал, это то, что причины, по которым я хотел работать с ним, больше не ограничивались одной мексикой. Мне хотелось ощущать этот энтузиазм, гордиться созданной мной рекламной кампанией. Это была неожиданная ситуация, но не неприятная.

Хлопнула дверь, и я развернулся, хмурясь, что мои мысли прервали.

– Дэвид. – Я многозначительно посмотрел на него. – Хорошо, что я не был с клиентом.

– Кэти сказала, что у тебя никого нет. Она звонила тебе, но ты не ответил.

Я так погрузился в свои мысли, что не услышал звонок интеркома. Это было впервые.

– Чем могу быть полезен?

Он отвел назад плечи, готовясь высказаться.

– Где ты был этим утром? Я искал тебя, но ты не брал трубку и не отвечал на мои сообщения.

– Я был на личной встрече.

– Твоя ассистентка сказала, что это была встреча с врачом.

Я знал, что он врет. Единственное, в чем мисс Эллиот была хороша, так это в том, что хранила мои секреты. Я раскрыл его блеф.

– Зачем бы ей такое говорить, понятия не имею. Я не говорил мисс Эллиот, где буду. Как я уже сказал, это было личное.

Он бросил на меня сердитый взгляд, но оставил свою затею. Немного походил по кабинету, теребя свой зачес. Этот его жест был хорошо мне знаком. Он выходил на охоту. Он развернулся ко мне лицом.

– Почему на днях тут был Брайан Максвелл?

Я пожал плечами и направился к своему столу, тем самым скрывая от него ухмылку. Теперь стало понятно, из-за чего весь этот сыр-бор.

– Мы с Брайаном друзья. Договаривались о партии в гольф.

– Он не мог сделать этого по телефону?

– Он был неподалеку. Ему нравится флиртовать с мисс Эллиот, вот он и заявился лично. Какие-то проблемы?

– Что ты задумал?

Я с мольбой поднял руки.

– Я ничего не задумал, Дэвид, разве что партию в гольф и парочку часов вне офиса. Если хочешь, вычти из моей зарплаты. – Я взял пачку документов. – Хотя думаю, если ты проверишь, то увидишь, что у меня множество неиспользованных часов отпуска. Вычти из них два часа.

– Я слежу за тобой, – предупредил он, разворачиваясь на каблуках и вылетая из кабинета. Он так сильно хлопнул дверью, что задребезжали окна.

Я ухмыльнулся закрытой двери.

– Следи, Дэвид, следи. Следи, как я ухожу.

Я склонился над столом и нажал на кнопку интеркома.

Мисс Эллиот ответила более настороженным голосом, чем обычно.

– Мистер ВанРайен?

– Мне нужен кофе, мисс Эллиот.

– Что-нибудь еще, сэр?

– И пару минут вашего времени.

Она прерывисто вдохнула.

– Сейчас буду.

Снова развернул кресло к окну и вздохнул. Мне самому не верилось, что я собирался сделать.

Я надеялся, что не провалюсь. В любом случае – боже помоги мне.

КЭТРИН

– Я НЕ ПОНИМАЮ, – ПРОБОРМОТАЛА Я в трубку, стараясь сохранять спокойствие. – Я не получала каких-либо уведомлений относительно такого повышения стоимости.

– Знаю, мисс Эллиот. Мы получили распоряжение лишь два дня назад, именно поэтому я вам и звоню, чтобы сообщить об этих изменениях.

Я сглотнула ком в горле. На четыреста долларов в месяц больше. Мне нужно было платить в месяц на четыреста долларов больше.

– Вы слышали меня, мисс Эллиот?

– Извините, не могли бы повторить, что вы только что сказали?

– Я сказала, что новые расценки вступают в силу с первого числа.

Я взглянула на календарь: значит через две недели.

– Это вообще законно?

Женщина на другом конце линии вздохнула с пониманием.

– Это частный дом, мисс Эллиот. Один из лучших в городе, но вместе с тем они создают собственные правила. Вы могли бы рассмотреть и другие места для последующего переезда вашей тети – государственные учреждения с фиксированными ставками.

– Нет, – настаивала я. – Я не хочу этого делать. У вас о ней хорошо заботятся и присматривают.

– Здесь самый лучший штат сотрудников. Тут есть и другие комнаты, менее персональные, куда бы вы могли ее перевести.

Я потеряла в отчаянии голову. У тех комнат не было вида на сад... или места для мольбертов Пенни и ее книг по искусству. Она будет такой несчастной и потерянной. Неважно как, но мне необходимо оставить ее в частной комнате.

Мистер ВанРайен вошел в офис, уставившись на меня. Я колебалась, не решаясь произнести в трубку что-либо еще, вдруг приостановится возле меня, но он продолжил свой путь и тихонько затворил за собой дверь. Он не обратил на меня внимания, хотя никогда этого и не делал, если только не для того, чтобы наорать или отругать, поэтому я могла лишь предположить, что тот странный звонок, который он заставил меня сделать, его удовлетворил.

– Мисс Эллиот?

– Прошу прощения. Я на работе и мой босс как раз пришел.

– У вас есть какие-нибудь еще вопросы?

Мне хотелось накричать на нее: *«Да! Откуда, черт возьми, мне взять еще четыреста долларов вам на оплату?»*. Но я знала, что это бесполезно. Она всего лишь работала в бухгалтерии, а не принимала решения.

– На данный момент нет.

– Если что, у вас есть мой номер.

– Да, спасибо. – Я положила трубку. У них определенно был мой номер.

Я уставилась на свой стол, в то время как мой мозг работал со скоростью миля в секунду. Здесь в «Андерсен Инк» мне хорошо платили – я была одним из самых высокооплачиваемых личных ассистентов, потому что работала на мистера ВанРайена. С ним было кошмарно работать – он явно меня не жаловал. Тем не менее, я делала это, потому что получала за это надбавку, которая полностью шла на заботу о Пенни Джонсон.

Я провела пальчиком вдоль потертого края стоящего на моем столе пресс-папье. Я уже жила в самой дешевой квартирке, которую смогла найти. Сама стригла себе волосы, покупала одежду в секонд-хенде, а моя диета состояла из рамена и большого количества дешевого джема и арахисового масла. Я ни на что не тратилась, пользуясь любой возможностью хоть чуть-чуть сэкономить. В офисе кофе был бесплатным и всегда был доступ к кексам и печенью. Компания платила за мой мобильник и в теплую погоду я ходила на работу и возвращалась с нее пешком, чтобы сэкономить на автобусном билете. Изредка я пользовалась дома кухней, чтобы испечь печеньки с другими жильцами и немного носила на работу, угощая всех. Это была моя невысказанная благодарность за вкусняшки, которыми я тут питалась. Если вдруг возникали непредвиденные расходы, то бывали дни что эти печенья и кексы были единственным, что мне удавалось поесть. Я проверяла нет ли кого в комнате отдыха, прежде чем проскользнуть туда вечером перед уходом и в последствии положить что-то в маленький холодильник в своей квартирке.

Я сморгнула наворачивающиеся слезы. Откуда же мне было взять еще четыреста долларов в месяц? Я итак уже жила от зарплаты до зарплаты. Попросить надбавки я не могла. Мне нужно будет найти вторую работу, а это значит, что у меня будет меньше времени на общение с Пенни.

Открылась входная дверь, и Дэвид зашел мрачнее тучи.

– Он здесь?

– Да.

– У него есть кто-то?

– Нет, сэр. – Я подняла трубку интеркома и удивилась, когда мистер ВанРайен не ответил на вызов.

– Где он был? – потребовал он ответа.

– Как я уже говорила вам утром, он мне не сказал. Проинформировал, что это личное, поэтому уточнять не стала.

Он хмуро посмотрел на меня, отчего его глаз-бусинок практически не стало видно.

– Это моя компания, юная леди, и все, что здесь происходит, меня касается. В следующий раз уточняйте. Вам понятно?

Я прикусила язык, чтобы не сказать ему: «Отъебись». Вместо этого кивнула, почувствовав облегчение, когда он прошагал мимо и, хлопнув дверью, вломился в офис мистера ВанРайена.

Я вздохнула. Этой дверью так часто хлопали, что мне приходилось почти каждый месяц вызывать мастера для починки. Пару минут спустя Дэвид хлопнул ей уже при выходе, ругаясь себе под нос. Я смотрела как он покидает приемную, а в животе у меня зарождалось тревожное ощущение. Если он был в плохом настроении, то и мистер ВанРайен будет в таком же. Что в свою очередь означало лишь одно: скоро он будет орать на меня за какую-либо ошибку, которую, по его мнению, я сегодня совершила.

Моя голова поникла. Я ненавидела свою жизнь. Ненавидела быть личным ассистентом, особенно ненавидела быть им у мистера ВанРайена. В жизни не знала более жестокого человека. Что бы я ни делала, этого было недостаточно – во всяком случае недостаточно, чтобы заслужить слова благодарности или хотя бы сдержанную улыбку. Вообще-то я была уверена, что он ни разу не улыбнулся мне за целый год, что на него работала. Я вспомнила день, когда Дэвид вызвал меня к себе в кабинет.

– *Кэти, – он в упор посмотрел на меня, – как вы знаете, Ли Стивенс нас покидает. Я собираюсь перевести вас в помощники к другому менеджеру – Ричарду ВанРайену.*

– *Ох. – Я слышала ужасные истории о Ричарде ВанРайене и его характере, поэтому занервничала. У него сменился уже целый ряд личных ассистентов. Тем не менее, перевод был лучше, чем увольнение. Мне наконец-то удалось найти место, где Пенни была счастлива, и не хотелось забирать ее оттуда.*

– *Зарплата выше, чем у вас сейчас и у других личных ассистентов, – он озвучил мне цифру, которая казалась невероятной, но эта сумма означала, что я могла организовать для Пенни отдельную комнату.*

Наверняка мистер ВанРайен не был настолько плох.

Как же я ошибалась. Он превратил мою жизнь в ад, и я терпела это, потому что у меня не было другого выбора.

Как и сейчас.

Мой интерком издал сигнал, и я взяла себя в руки.

– Мистер ВанРайен?

– Мне нужен кофе, мисс Эллиот.

– Что-нибудь еще, сэр?

– И пару минут вашего времени.

Я прикрыла глаза, задаваясь вопросом, что же сейчас последует.

– Сейчас буду.

Держа в руке его кофе, я с трепетом приблизилась к кабинету. Постучалась и зашла только после его разрешения. Однажды я совершила такую ошибку и больше никогда ее не повторю. Его едкие замечания после того раза еще несколько дней жалили меня.

Удостоверившись, что рука не дрожит, я поставила перед ним кофе и приготовила свой блокнот в ожидании инструкций.

– Присаживайтесь, мисс Эллиот.

Мое сердце бешено заколотилось. Неужели ему наконец-то удалось убедить Дэвида меня уволить? Я знала, что он пытался это сделать с первой же недели, как начала на него работать. Я старалась даже не дышать. Я не могла лишиться этой работы. Она была нужна мне.

Я присела, прежде чем мои ноги бы отказали, и прочистила горло.

– Какие-то проблемы, мистер ВанРайен?

Он жестом показал расстояние между нами.

– То, что мы обсуждаем в офисе, надеюсь, останется в тайне?

– Да, сэр.

Он кивнул и потянулся к чашке, молча отпив глоток.

– Мне нужно поговорить с вами о личном деле.

Я была смущена. Он никогда не говорил со мной о чем-то, разве что выкрикивал свои распоряжения.

– Все в порядке?

Он глянул по сторонам, выглядя при этом непривычно нервным. Я воспользовалась минуткой, чтобы изучить его, пока он собирался с мыслями. Он был невероятно красив. Ростом более шести футов, широкоплечий с узкой талией – он был примером того, как вынудить костюм хорошо сидеть. Преимущественно он был гладко выбрит, хотя иногда, как например сегодня, у него была одно- или двухдневная щетина, которая подчеркивала его уверенный профиль. Его светло-каштановые волосы по бокам были коротко стрижены, но более длинные на макушке, образуя чубчик, отчего на лоб спадала прядка. Несовершенство, которое делало его еще более совершенным. Он дергал за нее, когда был взволнован, как делал, например, в данный момент. Его рот был широким, зубы ярко белыми, а губы такими полными, что, уверена, им завидовали многие женщины. Он поднял на меня свои орехово-карие глаза, расправил плечи, вновь взяв себя в руки.

– Мне нужно кое о чем вас попросить. Данной просьбой я возлагаю на вас большую ответственность. Мне нужно знать, что вы заслуживаете моего доверия.

Я моргнула на него. Он хотел о чем-то меня попросить? Он меня не увольняет? По моему телу пробежала слабая дрожь облегчения, а я немного расслабилась.

– Конечно, сэр. Все, что в моих силах.

Его взгляд остановился на мне. Я никогда не замечала, как в его глазах переливались цвета в свете ламп – сочетание серого, зеленого и синего. Чаще они бывали очень темными от гнева, и его взгляд никогда не задерживался на мне дольше секунды или двух. Казалось, с мгновение он изучал меня, затем кивнул.

– Мне нужно, чтобы сегодня вечером вы пришли по этому адресу. Сможете быть там к семи?

Я посмотрела на карточку, отмечая, что, судя по адресу, это находилось недалеко от дома, в котором я буду навещать Пенни после работы. Однако, чтобы быть по указанному адресу к семи мне придется провести с ней меньше времени.

– Какие-то проблемы? – спросил он, при этом его голос был лишен привычной враждебности.

Я подняла на него взгляд и решила быть честной.

– У меня назначена встреча после работы. Не уверена, что успею к семи.

Я ожидала его ора. Взмаха руки и требования отменить все свои планы, чтобы быть там, где он сказал, к семи. Я была шокирована, когда в ответ он лишь пожал плечами.

– В семь тридцать? В восемь? Вам удобно?

– Семь тридцать подойдет.

– Ладно. Увидимся в семь тридцать. – Он встал на ноги, давая понять, что эта странная встреча подошла к концу. – Я позабочусь, чтобы мой консьерж знал о вашем приходе. Он направит вас прямо навстречу.

Я чуть не ахнула. *Его консьерж?* Он приглашал меня к себе домой?

Я растерянно встала со стула.

– Мистер ВанРайен, все в порядке?

Он посмотрел на меня со странным выражением на лице:

– С вашей помощью так и будет, мисс Эллиот. – Он взглянул на свои часы. – А теперь прошу меня извинить, мне нужно быть на встрече в час дня.

Он подхватил свою чашку:

– Спасибо за кофе и ваше время.

Он вышел, а я осталась таращиться ему в след, гадая, не попала ли в параллельную вселенную.

Ни разу за весь тот год, что я на него работала, он не говорил мне «спасибо».

Что, черт возьми, происходит?

Глава седьмая

КЭТРИН

Я СТОЯЛА НА ПРОТИВОПОЛОЖНОЙ СТОРОНЕ УЛИЦЫ от дома мистера ВанРайена, уставившись на возвышающееся передо мной высотное здание. Оно было пугающим и кричащем о богатстве – нависающее над городом строение полностью из тонированного стекла и бетона напоминало мне мужчину, живущего в нем. Такое же холодное, отдаленное, недостижимое. Взглянув на него, меня слегка передернуло, задумавшись, зачем я тут.

Это здание было в десяти минутах ходьбы от частного дома, поэтому я пришла вовремя. Визит к Пенни сегодня был не из лучших: она была расстроена и взволнована, отказываясь есть или говорить со мной, в итоге мне пришлось уйти раньше. Я была разочарована. Всю неделю она хорошо себя чувствовала, я надеялась, что и сегодня будет также; что у меня будет возможность пообщаться с ней как обычно, но этого не произошло. Наоборот, только добавилось еще нервозности в этот и без того странный день. Я покинула частный дом в подавленном состоянии, не понимая, зачем иду на встречу с мистером ВанРайеном.

Мистер ВанРайен.

Одним своим приглашением сегодня к себе домой он уже смутил меня. Весь остаток дня его поведение было не менее странным. Вернувшись со своей встречи, он попросил принести еще одну чашку кофе и сэндвич.

Попросил!

Не требовал, не иронизировал или же хлопал дверью. Он просто остановился у моего стола и вежливо попросил ланч. И даже сказал «спасибо». Снова. Оставшуюся часть дня он не выходил из своего кабинета до самого ухода, перед этим остановившись и спросив есть ли у меня его визитка. На мое промямленное «Да» он кивнул в знак благодарности и ушел, не хлопая дверью.

Я была совершенно озадачена, нервы натянуты, а живот скручен в узел. Я понятия не имела, что буду делать в его доме, а еще меньше зачем все это.

Сделала вдох и постаралась успокоиться. Был лишь один способ узнать. Я расправила плечи и пересекла улицу.

Мистер ВанРайен открыл дверь, и я постаралась не пялиться: мне никогда не доводилось видеть его в повседневной обстановке. Исчезли сшитый на заказ костюм и накрахмаленная белая сорочка, которым он отдавал предпочтение. У себя дома он ходил босиком и был одет в джинсы и теплую рубашку с длинными рукавами. Почему-то мне захотелось хихикнуть от вида его длинных пальцев ног, но я сдержала странную реакцию. Он жестом пригласил войти, отступив в сторону и пропуская меня в квартиру. Принял у меня пальто, и мы оказались стоящими напротив друг друга. Никогда не видела, чтобы он испытывал неловкость. Потерев затылок, он прочистил горло:

– Я ужинаю. Присоединитесь?

– Нет необходимости, – солгала я, умирая от голода.

Он поморщился.

– Сомневаюсь.

– Простите, что?

– Вы слишком тощая. Вам нужно больше есть.

Прежде чем я успела что-либо сказать, он взял меня под локоть и повел к высокой стойке, отделяющей кухню от гостиной зоны.

– Садитесь, – приказал он, указывая на высокие барные стулья.

Зная, что спорить с ним себе дороже, я подчинилась. В то время как он прошел на кухню, я бросила взгляд на огромное, открытое пространство вокруг. Полы из темного дерева, два широченных шоколадно-коричневых кожаных дивана и белые стены были основными элементами необъятной комнаты. На стенах не было никакого декора, за исключением массивного телевизора, разместившегося над камином – никаких личных фотографий или безделушек. Даже мебель была «голой» – без декоративных подушек или брошенной наспех накидки. Несмотря на свое величие, комната была холодной и безликой. Будто сошедшая со страницы журнала, она была хорошо обставленной и безупречной, при этом не давая никакого представления о человеке, который в ней живет. Я заметила длинный коридор и элегантную лестницу, которая, как я предположила, вела в спальню. Вновь развернулась к кухне – та была аналогичной по стилю и впечатлению: комбинация темного и светлого, не тронутая персональными деталями.

Я подавила дрожь.

Мистер ВанРайен поставил передо мной тарелку и с ухмылкой открыл крышку коробки с пиццей. Я почувствовала, как на моих губах непроизвольно заиграла улыбка.

– Это ужин?

Почему-то такое казалось слишком *нормальным* для него. Я уже сто лет не ела пиццы, от одного взгляда на аппетитные кусочки мой рот заполнился слюной.

Он пожал плечами.

– Обычно я ем вне дома, но сегодня мне захотелось поесть пиццы. – Он достал из коробки кусочек и положил его мне на тарелку. – Ешьте.

Слишком голодная, чтобы спорить, я молча ела, уткнувшись в свою тарелку и надеясь, что мои нервы не сдадут. Он ел стоя, приканчивая остатки пиццы, за исключением еще одного кусочка, который переложил мне на тарелку. Я не возражала против этого, как и против бокала вина, который он толкнул в мою сторону. Вместо этого я попивала напиток, наслаждаясь приятным вкусом темно-красного Мерло. Уже очень давно я не пробовала такого вкусного вина.

Окончив нашу странную трапезу, он встал выбросить коробку из-под пиццы и быстро вернулся. Подхватив свой бокал, тут же его осушил и пару минут мерил шагами комнату, в итоге остановившись передо мной.

– Мисс Эллиот, я повторю, что уже говорил сегодня утром: то, чем я собираюсь с вами поделиться, очень личное.

Я кивнула, не зная, что сказать.

Он склонил голову на бок и некоторое время изучал меня, я была абсолютно уверена, что он везде нашел у меня изъяны, но все равно продолжил:

– Я покидаю «Андерсен Инк».

У меня отвисла челюсть. Зачем бы ему уходить из компании? Он был одним из «золотых мальчиков» Дэвида – он не мог сделать что-то неправильно. Дэвид постоянно хвастался талантом мистера ВанРайена и тем, что он привнес в компанию.

– Почему?

– Мне отказали в партнерстве.

– Может, в следующий раз... – Я замолчала, осознав, что это означает. Если бы он ушел, и они решили не возобновлять со мной контракт, то я лишилась бы работы. Даже если бы они возобновили со мной договор, то все равно урезали бы зарплату. В любом случае, мне светил облом. Я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица.

Мистер ВанРайен поднял вверх руку.

– Не будет никакого следующего раза. У меня есть вариант, который я обдумываю.

– Зачем вы говорите мне это? – удалось вымолвить.

– Мне нужна ваша помощь с этим вариантом.

Я сглотнула.

– Моя помощь? – Я была в еще большем замешательстве, он никогда не хотел персональной помощи от меня.

Он придвинулся на шаг.

– Я хочу нанять вас, мисс Эллиот.

Мой разум пустился вскачь. Я была уверена, что если он уйдет из компании, то пожелает оборвать все мосты. Я ведь ему даже не нравилась. Прочистив горло, уточнила:

– В качестве ассистента на вашей новой работе?

– Нет. – Он замолчал, будто пытался обдумать слова, после чего выдал: – В качестве моей невесты.

Все, что я могла – это, замерев, уставиться на него.

РИЧАРД

Мисс Эллиот изумленно смотрела на меня, не шевелясь. Медленно она сползла со стула, оказавшись со мной лицом к лицу, в то время как ее взгляд метался по комнате.

– Думаете, это забавно? – сдавлено сказала она, ее голос дрожал. – Не знаю, в чем тут прикол, мистер ВанРайен, но уверяю вас – это *не* смешно.

Она прошагала мимо меня, подхватывая на ходу с дивана свое пальто и сумочку, а затем вновь развернулась в мою сторону:

– Вы что, все это записываете, чтобы позже просмотреть? Посмеяться надо мной? – По ее щеке скатилась одинокая слеза, которую она резко смахнула в порыве ярости. – Не хватает, что вы целыми днями относитесь ко мне как к дерьму, так теперь вы и во внерабочее время хотите повеселиться?

Она помчалась к входной двери, мне же удалось довольно быстро отойти от шока, вызванного ее вспышкой ярости, чтобы ринуться за ней и помешать уйти. Я склонился над ней, захлопывая дверь.

– Мисс Эллиот... *Кэтрин*... пожалуйста. Уверяю вас, это не шутка. Выслушайте меня. – Она стояла так близко, что я мог ощущать, как она вся дрожит. Я продумывал варианты ее реакции, но не предусмотрел гнев. – Пожалуйста, – вновь попытался я. – Выслушайте, что я скажу.

Ее плечи поникли, и она кивнула, позволив оттеснить себя от двери в сторону дивана. Я присел напротив нее и указал жестом, чтобы она последовала моему примеру. Она настороженно присела, и мне потребовалась вся моя выдержка, чтобы не рывкнуть на нее и не сказать ей перестать выглядеть как испуганный кролик. Что, по ее мнению, я собирался с ней сделать?

В моей голове эхом пронеслись ее слова: *«Не хватает, что вы целыми днями относитесь ко мне как к дерьму, так теперь вы и во внерабочее время хотите повеселиться?»*

Я немного поерзал на своем кресле – думаю, что заслужил ее настороженность.

Прочистив горло, я начал:

– Как уже сказал, я планирую покинуть «Андерсен Инк». Компания, в которую я надеюсь перебраться, значительно отличается от того, как управляет компанией Дэвид. Они ценят своих сотрудников – для них семья и честность превыше всего.

Она нахмурилась, но молчала.

– Даже чтобы просто ступить к ним на порог, мне пришлось убедить их, что я не тот, кем они меня считают.

– В смысле?

– Высокомерный, эгоистичный, – я сделал протяжный вдох. – Тиран на работе и плейбой в остальное время.

Она склонила голову на бок, а ее голос был тихим и твердым:

– Извините за прямоту, мистер ВанРайен – но вы именно такой.

– Я осознаю, – я встал и немного прошелся. – Но также я хорош в своем деле и устал, что Дэвиду на меня насрать. – Я снова опустился в кресло. – Разговаривая с Грехамом, я что-то почувствовал... нечто, чего не ощущал уже долгое время: волнение при мысли о новой кампании. Воодушевление.

Она вперила на меня взгляд.

– Грехам Гэвин? Вы хотите перейти в «Гэвин Групп»?

– Да.

– Они редко кого нанимают.

– У них открыта вакансия, и я хочу ее получить.

– Я по-прежнему не понимаю, в чем моя роль.

– Грехам Гэвин не наймет человека, пока не почувствует, что тот вписывается в созданный им образ: семья на первом месте. – Я чуть потянулся вперед. – Мне пришлось убеждать его, что я не тот плейбой, о котором он слышал. Я сказал ему, что покидаю «Андерсен Инк» из-за того, что влюбился и хочу изменить свою жизнь.

– В кого?

Я откинулся на подушки:

– В вас.

Ее глаза до смешного округлились, а рот беззвучно открывался и закрывался. Наконец она произнесла:

– Зачем... зачем вы это сделали?

– Мне указали на то, что вы именно тот человек, который позволит убедить Грехам Гэвина, что я изменился. Подумав об этом, я понял, что тот человек был прав.

Она покачала головой:

– Я же вам даже не нравлюсь. – Она сглотнула. – И в свою очередь, не испытываю к вам симпатии.

Я усмехнулся ее любезности.

– Мы можем над этим поработать.

– Что вы предлагаете?

– Все просто: так или иначе, я ухожу из «Андерсен Инк», и вам тоже придется уйти.

Она тут же яростно замотала головой.

– Я не могу позволить себе уйти, мистер ВанРайен. Поэтому мой ответ «нет».

Я вскинул вверх руку.

– Дослушайте меня. Я заплачу вам за это. Вам нужно будет бросить работу, а также квартиру и переехать жить со мной. Я оплачу вам жалованье плюс расходы за все то время, что это продлится.

– Зачем бы мне тут жить?

– Я вроде как дал понять Грехаму, что мы живем вместе.

– *Что* вы сделали?

– Это казалось разумным, когда он спросил. Я не планировал этого – все непроизвольно получилось. А теперь вернемся к моему предложению.

– Чего вы от меня ждете?

Я побарабанил пальцами по подлокотнику, размышляя. Мне нужно было обдумать это получше.

– Что вы будете жить здесь, сопровождать меня на любое мероприятие в качестве моей невесты, куда бы я ни пошел, и постоянно представлять себя таковой на людях, – пожал я плечами. – Я еще не продумал всего до мелочей, мисс Эллиот. Нам нужно все обговорить. Установить кое-какие основные правила, узнать друг друга, чтобы можно было сойти за пару. – Я сдвинулся вперед, переложив свои руки на бедра. – И это должно произойти быстро. Мне нужно отвести вас на вечеринку в эти выходные.

– В эти выходные? – пропищала она.

– Да. Вам не обязательно жить тут до того момента, но нам нужно согласовать наши рассказы и по крайней мере знать основные нюансы. Должно казаться, что мы близки... что нам комфортно друг с другом.

– Может, вам стоит начать с того, чтобы перестать называть меня «мисс Эллиот».

Я сухо рассмеялся:

– Полагаю, это показалось бы странным... Кэтрин.

Она ничего не ответила, опустив взгляд на свои колени и теребя пальцем нитку на рубашке.

– Я куплю вам новый гардероб и позабочусь, чтобы у вас были деньги на расходы. Если вы согласитесь на это, то не будете ни в чем нуждаться.

Она приподняла подбородок. До сих пор я никогда не замечал на нем упрямой ямочки.

– Сколько вы мне заплатите?

– Я дам вам десять тысяч долларов в месяц. Если спектакль продлится дольше шести месяцев, то удвою сумму, – усмехнулся я. – Если нам придется пожениться, то выплачу вам бонус. Когда мы сможем развестись, то я позабочусь, чтобы у вас были хорошие отступные и улажу все необходимые детали. Вы будете обеспечены на всю жизнь.

– *Пожениться?*

– Я понятия не имею, сколько времени потребуется, чтобы окончательно убедить Грехаму, поэтому мое прикрытие должно быть надежным. Это может занять два или три месяца. Не думаю, что на это уйдет больше шести. Если я решу, что это необходимо, то женюсь на вас в мэрии и мы разведемся, когда сможем.

Она всплеснула руками, ее итак бледное лицо было теперь белым, как у приведения. Неуверенность и шок вытеснили у нее все прочие эмоции.

– Есть вероятность, – тихо сказал я, – что даже если я не перейду в «Гэвин Групп», с моим уходом из «Андерсен Инк» Дэвид все же уволит вас. Если я получу там работу, то он обязательно это сделает. Он будет уверен, что каким-то образом вам были известны мои планы. Я знаю ход его мыслей.

– Почему вы не можете найти кого-то другого?

– Я больше никого не знаю. Женщины, с которыми я обычно встречаюсь, не... Они не подходят.

– А я? Почему я?

– Хотите на чистоту?

– Да.

– Вы прозаичная, тактичная... простая. Должен признать, в вас присутствует теплота, которая, похоже, притягивает людей. Сам я ее не вижу, но она очевидно в вас присутствует. Тот факт, что вы моя ассистентка прекрасное прикрытие для моего ухода. Я бы не мог встречаться с вами и продолжать работать в «Андерсен Инк». Не то чтобы при обычных обстоятельствах я бы когда-нибудь это сделал.

На ее лице промелькнула боль, и я пожал плечами:

– Вы сами сказали быть честным.

Она ничего не ответила на мои слова, разве что произнесла:

– Не представляю, как вы собираетесь все это проверить, когда испытываете ко мне такую неприязнь.

– Кэтрин, думаете, мне нравится большинство людей, с которыми я работаю... или клиенты, с которыми имею дело? Нет. Большинство из них на дух не переношу. Я улыбаюсь и

шучу, пожимаю руки и веду себя так, будто мне интересно. Я буду относиться к нашим отношениям также. Это бизнес. Я могу это сделать. – Я замолчал и поднял подбородок. – А вы?

Она не отвечала, и я продолжил.

– Все это зависит от вас. Сейчас я очень сильно вам доверился. Завтра вы могли бы помчаться к Дэвиду, или даже к Грехаму и все мне испортить... но надеюсь, вы этого делать не станете. Подумайте о деньгах и том, что они могли бы вам дать. Пару месяцев вашей жизни, за которые я вам заплачу, принесут вам больше выгоды, чем вы заработаете за весь год. По сути, я могу гарантировать вам шестьдесят штук. Сумма за шесть месяцев. Даже если мы разойдемся через три. Это будет вдвое больше, чем вы бы получили, работая год.

– И все что мне нужно будет делать...

– ...это вести себя так, будто вы меня любите.

Она устремила на меня взгляд, сказавший все, чего она не хотела произносить вслух.

– Это будет оформлено письменно?

– Да. Мы оба подпишем конфиденциальный договор. Я авансом выплачу вам двадцать тысяч. Остальное будете получать по окончании каждого месяца. Вдобавок я открою вам счет на оплату расходов. На одежду, какие-то мелкие траты и тому подобное. Я ожидаю, что вы будете одеваться в соответствии со своей ролью так же, как и играть ее.

С минуту она меня изучала:

– Мне нужно все обдумать.

– Вы не можете долго думать. Если вы согласитесь, то одежда вам понадобится уже к субботе, и нам нужно некоторое время провести вместе, чтобы узнать друг друга.

– А если я не соглашусь?

– Я скажу Грехаму, что вы заболели и не смогли прийти. После чего, надеюсь, он даст мне шанс проявить себя и все же наймет меня.

– А если нет?

– Я уеду из Виктории, но мне не хочется этого делать. Я хочу остаться здесь и прошу вас помочь мне в этом.

Она встала:

– Мне нужно идти.

Я последовал ее примеру, глядя на нее сверху вниз – она едва доставала мне до груди:

– Мне нужен ваш ответ в ближайшее время.

– Знаю.

– Где вы припарковались?

Она моргнула:

– У меня нет машины, мистер ВанРайен. Я пришла пешком.

– Уже очень поздно, чтобы ходить одной. Я распоряжусь, чтобы Генри вызвал вам такси.

– Я не могу позволить себе такси.

– Я заплачу за него, – фыркнул я. – Не хочу, чтобы вы шли пешком. Вы можете водить машину? Вы умеете?

– Да, просто я не могу позволить себе собственную машину.

– Я организую ее для вас. Если вы согласитесь на это предложение, я куплю вам машину. Вы можете оставить ее себе. Считайте это бонусом за подписание контракта.

Она прикусила губу, качая головой:

– Не знаю, что и думать обо всем этом.

– Думайте об этом, как о возможности. Очень выгодной. – Я блеснул ухмылкой. – Сделкой с дьяволом, если пожелаете.

Она лишь выгнула бровь.

– Спокойной ночи, мистер ВанРайен.

– Ричард.

– Что?

– Если я не могу называть вас «мисс Эллиот», то и вы не можете называть меня «мистер ВанРайен». Меня зовут Ричард. Вам придется привыкнуть к этому.

– Может, я буду называть вас как-то по-другому.

Могу представить, как она называла меня про себя. Мне на ум пришла парочка имен, которые были бы подходящими.

– Поговорим утром.

Кивнув, она покинула квартиру. Я позвонил Генри, распорядившись вызвать ей такси и записать на мой счет, после чего, налив себе скотча, разочарованно устроился на диване. Ранее, разговаривая с ней, я принял поспешное решение сделать мисс Эллиот своей невестой, а не просто моей девушкой. Так мое решение покинуть «Андерсен Инк» выглядело более убедительным. Это демонстрировало, что я был настроен серьезно и готов к настоящим

обязательствам. Я чувствовал, что Грехам оценит. Для меня не имело особого значения – подружка или невеста – но для такого как Грехам, это будет важно. Подружка означает кого-то временного, заменимого. Невеста подразумевает постоянство и доверие. Я был уверен, что к этому титулу он отнесется благосклонно.

В тревоге я дернул себя за волосы и залпом допил свой скотч. Я надеялся получить от нее ответ сразу же, но стало очевидно, что этого не произойдет. Так что теперь мисс Эллиот – женщина, которую я недолюбливал и которая, как выяснилось, испытывала ко мне аналогичное чувство – держала в своих руках мое будущее. Это было очень странное чувство.

Оно мне не нравилось.

Я откинул голову на диванную подушку и мои мысли поплыли. Сигнал телефона напугал меня, и я понял, что оказывается задремал. Поднял трубку, уставившись на два слова на экране.

Я согласна.

С ухмылкой, я откинул телефон на столик.

Мой план продвигался на всех парах.

РИЧАРД

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО МЫ ОБА вели себя как ни в чем не бывало. Мисс Эллиот принесла мне кофе и бейгл, осторожно поставив их на стол. Она прошла по моему расписанию, подтвердив две встречи вне офиса.

– Я не вернусь сегодня днем.

Она выглядела озадаченной, проверяя свой блокнот.

– В вашем расписании ничего нет.

– У меня личные дела. Оттуда сразу отправлюсь на встречу, назначенную на два часа. В целом я не вернусь сегодня днем. Возьмите отгул.

– Простите, что?

Я вздохнул.

– Мисс Эллиот, вы что, не понимаете по-английски? Возьмите днем отгул.

– Но...

Я пронзил ее взглядом.

– Возьмите днем отгул, – после чего понизил голос. – У меня в семь, ладно?

– Ладно, – выдохнула она.

– Если вам что-то нужно – связанное с делом – скиньте сообщением. Все прочее подождет.

Она кивнула.

– Понимаю.

Было общеизвестно, что «Андерсен Инк» просматривает электронные письма. Чтобы не рисковать, у меня имелся собственный мобильный, номер которого знали лишь парочка избранных. Я знал, что не имело смысла спрашивать у мисс Эллиот о наличие сотового, так как похоже она была ограничена в средствах, и планировал исправить это сегодня наряду с другими задачами. Также мне не хотелось рисковать, чтобы Дэвид мониторил мои звонки и текстовые сообщения.

– Можете идти, – отпустил я ее.

Она заколебалась, а затем вытащила конверт из своего толстого блокнота и положила его на мой стол. После чего вышла и, не сказав ни слова, затворила за собой дверь. Надкусив бейгл, я потянулся за конвертом и вскрыл его, выудив оттуда сложенные листы. Это был список о ней. Вещи, которые, она полагала, мне следует знать: соответствующие даты, ее любимые цвета, музыка, продукты питания, общие симпатии и антипатии.

Это была хорошая идея, которая позволит нам избежать вечером ряда монотонных разговоров. Чуть позже я напишу аналогичный список для нее.

Вновь положив листы в конверт, я опустил его в карман пиджака. Сегодня мне весь день то и дело придется сидеть в комнатах ожидания, так что будет чем заняться.

Мисс Эллиот была пунктуальной и прибыла в семь часов. Я открыл ей дверь, впуская в квартиру, взял ее пальто и повесил его на вешалку – все в молчании. В наших отношениях была такая жесткость и формальность, которые, как я понимал, нужно было изменить. Проблема была в том, что я не знал, как это сделать.

Проводил ее до барной стойки в кухне и протянул бокал вина.

– Я заказал китайскую кухню.

– Это было необязательно.

– Поверьте, вам не хочется, чтобы я готовил. Вы этого не переживете, – хохотнул я. – Не уверен, что и кухня переживет.

– А я люблю готовить, – сообщила она, ее губы изогнулись в слабой улыбке.

Это было хорошим поводом завязать разговор. Я сел и подтянул к себе файл.

– Днем я составил контракт. Вам нужно прочесть его.

– Ладно.

– Я подготовил вам список, похожий на ваш. Вы можете его просмотреть, и нам нужно поговорить о его содержимом. Убедиться, что мы оба знакомы с фактами.

Она кивнула и взяла протянутый конверт.

Я подтолкнул в ее сторону еще один поменьше.

– Ваша первая оплата.

Она медлила, не касаясь пальцами на взгляд безобидного конверта.

– Возьмите. Все оформлено документально.

Она по-прежнему не тронула его.

– Мисс Эллиот, пока вы его не возьмете, мы не можем двигаться дальше.

Нахмурившись, она посмотрела на меня.

Я подтолкнул к ней конверт.

– Это работа, Кэтрин. А тут ваша компенсация. Все просто. Возьмите.

Наконец она взяла его, даже не взглянув.

– Хочу, чтобы завтра вы уволились. Незамедлительно.

– Зачем?

– Если это произойдет, а я думаю, что так и будет, то вскоре я подам свое заявление об уходе и хочу, чтобы вас там не было в момент, когда польется дерьмо.

Она нервно и молчаливо теребила изнутри щеку.

– Что? – сорвался я, теряя терпение от такого ее поведения.

– Что если это не сработает? Вы... вы дадите мне рекомендательное письмо? Мне нужно будет искать другую работу.

– Я уже позаботился об этом. Поговорил в общих чертах с парочкой своих контактов, если дело не выгорит, и я покину Викторину, у меня есть две компании, которые, уверен, предложат вам работу. Если не желаете, то вам не придется беспокоиться о поисках. Тем не менее, отвечая на ваш вопрос, я дам вам блестящее рекомендательное письмо.

– Даже несмотря на то, что считаете меня никудышным помощником?

– Я никогда такого не говорил. В действительности, вы хороши в своем деле.

– Я могла бы принять это за чистую монету.

Стук в дверь спас меня от необходимости отвечать. Я встал с места.

– Ужин принесли. Прочтите контракт – он очень простой. Мы можем обсудить его и прочие детали после еды.

Когда она открыла рот, чтобы возразить, я стукнул рукой по столешнице.

– Прекратите спорить со мной, Кэтрин. Мы будем ужинать, и вы поедите. А после мы поговорим. – Развернувшись на каблуках, раздраженный я направился к входной двери. Почему она так противилась простой трапезе? Ей придется научиться соглашаться и принимать многое, чтобы все получилось. Я сунул руку в карман, нащупав спрятанную мной маленькую коробочку. Если она колебалась по поводу ужина, тогда возненавидит то, что я уготовил для нее после.

Ужин прошел тихо. Она прочитала контракт и задала несколько вопросов, на которые я ответил. Когда протянул ей ручку, она немного сомневалась, но подписала документы и проследила, как я сделал тоже самое.

– У меня два экземпляра, по одному для каждого из нас. Я положу их в сейф в квартире и дам вам от него код.

– А у вашего юриста есть копия?

– Нет. Это соглашение между нами. Он знает о нем, но связан адвокатской тайной. Копии есть только у нас двоих. Как только все закончится, мы сможем их уничтожить. Я составил их для вашего блага.

– Хорошо.

Я протянул ей коробочку.

– Это ваш новый сотовый. После увольнения вам придется сдать ваш, так что теперь у вас есть новый. Я забил в него мой личный номер, чтобы вы смогли мне звонить. На него можно свободно писать сообщения.

Она закусила губу, принимая коробку.

– Спасибо.

– Сколько у вас вещей для переезда?

– Немного.

– А как насчет прерывания договора аренды?

– Он помесечный. Наверно, я потеряю сумму за последний месяц.

Я махнул рукой.

– Я ее возмещу. Мне следует нанять для вас компанию по перевозке грузов?

Она покачала головой, потупив взор.

– Там всего пара коробок.

Я нахмурился.

– Никакой мебели?

– Нет. Немного книг, несколько личных вещей и моя одежда.

Я выпалил, не задумываясь:

– Вы можете пожертвовать свою одежду назад в «Гудвилл», как подозреваю, именно оттуда у вас и оказалась ее большая часть. Я куплю вам новый гардероб.

Ее щеки вспыхнули, глаза потемнели, сверкнув гневом, но она смолчала.

– Я заберу ваши коробки и перевезу сюда, когда мы двинемся дальше. – Протянул ей еще один конверт. – Это ваш новый банковский счет и дебетовая карта. Я позабочусь, чтобы на ней постоянно были соответствующие денежные средства.

Трясущейся рукой она приняла конверт.

– Мне нужно видеть вас здесь как можно больше времени, чтобы мы могли привыкнуть друг к другу и разговаривать. Завтра мы можем пройтись по спискам и задать вопросы, заполняя пробелы.

– Ладно.

– Хочу, чтобы в субботу утром вы были тут пораньше. Я устроил для вас встречу, чтобы вы подготовились к барбекю. Сделали прическу и макияж. Вообще-то, возможно, вы захотите остаться в пятницу на ночь, чтобы сэкономить время на поездке.

Ее пристальный взгляд встретился с моим.

– Остаться на ночь? – повторила она слегка дрожащим голосом.

Я поднялся на ноги.

– А теперь позвольте показать вам квартиру.

Во время обхода она не проронила ни слова. Я показал ей гостевые комнаты, рабочий кабинет и личный тренажерный зал, расположенный в другом конце кондо на первом этаже. Наверху она явно нервничала во время осмотра хозяйской спальни.

Я указал на гостевую комнату напротив.

– У этой есть собственная ванная комната. Предполагаю, вам понравится эта спальня.

Ее плечи казались расслабились.

– Вы не... ах...

– Что я не?

– Вы не ожидаете, чтобы я спала в вашей комнате, – произнесла она будто с облегчением.

Я усмехнулся на ее сомнения.

– Мисс Эллиот, это деловое соглашение. За пределами этих стен мы будем появляться как пара: держаться за руки, стоять рядом, делать все то, что делают другие пары, которые влюблены. – Я махнул рукой. – А в пределах этих стен, мы – настоящие. У вас ваше пространство, а у меня свое. Я не собираюсь вам докучать и ничего не ожидаю от вас. – Я не смог сдержать вырвавшийся сухой смешок. – Вы ведь не думали, что я захочу спать с вами?

Она вздернула голову и посмотрела на меня.

– Не больше, чем я захочу спать с вами, мистер ВанРайен. – Развернувшись на каблуках, она промаршировала вниз в холл, ее шаги отдавались гулким эхом по деревянному полу.

Я последовал за ней, по-прежнему усмехаясь. Когда мы достигли гостиной, она развернулась на месте, сверкая глазами.

– Вы просили меня сделать это, мистер ВанРайен, а не наоборот.

– А вы согласились.

Она скрестила руки вся так и кипя от гнева.

– Я делаю это, потому что в данный момент у меня нет выбора. Ваши решения напрямую влияют на мою жизнь, и я стараюсь держаться на плаву. Я ненавижу лгать и не ахти какая актриса.

– Что вы хотите этим сказать?

– Если вы даже не попытаетесь быть вежливым или хотя бы порядочным человеком, то ничего не выйдет. Я не могу так быстро заглушить свои эмоции.

Я в раздражении дернул свой непокорный чуб.

– Чего вы от меня хотите, мисс Эллиот?

– Не могли бы мы хотя бы попытаться поладить? Уж наверняка мы сможем найти что-то общее и вступать в диалоги без ваших завуалированных оскорблений и самодовольной снисходительности.

Моих губ коснулась улыбка, ведь я словил еще один проблеск хребта у мисс Эллиот.

Я склонил голову.

– Прошу прощения. Я постараюсь исправиться. И так как мы говорим все на чистоту, может, вы еще что-то хотите?

Она колебалась, ее пальцы от волнения теребили надетую на ней уродливую блузку.

– Выкладывайте.

– Вы не можете... э-э... путаться с другими, пока мы делаем... пока мы *вместе*.

– Путаться с другими?

Она смотрела куда угодно, только не на меня.

– Вы не можете спать с другими женщинами. Я не буду так унижаться.

– То есть вы хотите сказать, что я не могу никого трахать?

Ее щеки были такими пунцовыми, что мне показалась ее голова вот-вот взорвется, однако она расправила плечи и посмотрела прямо на меня.

– Да.

Мне было смешно до слез.

– Да, значит могу трахать?

– Нет!

– Никакого *траха*, – я сделал ударение на последнем слове.

– Нет.

– Вы ожидаете, что я все это время буду хранить целибат? – спросил я теперь уже недоверчиво.

– Я буду и ожидаю, что вы сделаете так же.

– Сомневаюсь, что для вас это что-то новое, – фыркнул я.

Она всплеснула руками.

– Ну все, довольно. Хочешь кого-то *трахать*? Иди и *трахни* себя, ВанРайен.

Я таращился на ее удаляющуюся фигуру, когда она схватила свое пальто и помчалась к двери.

Как последний идиот, я погнался за ней – уже во второй раз.

– Кэтрин! – я опередил ее, не давая возможности открыть дверь. – Я сожалею. Мое замечание было неуместным.

Она развернулась, ее глаза были яркими от слез.

– Да, было. Как и множество других вещей, которые вы говорите.

– Мне жаль, – повторил я. – В отношении вас это происходит почти инстинктивно.

– От этого не лучше.

– Знаю, – нехотя согласился я, а затем сменил тактику. – Я не буду.

– Что не будете?

– Не буду трахаться с другими и поддерживу ваше желание, – я сильнее прижался к двери – если она уйдет, то мне *на самом деле* пиздец. – Также я постараюсь не быть таким засранцем.

– Не уверена, что вы можете изменить свое ДНК, но удачи с попытками, – пробормотала она.

Я расслабился – кризис миновал.

– Я отвезу вас домой.

Она начала было качать головой, и я бросил на нее свирепый взгляд.

– Кэтрин, мы условились, что я буду меньшим засранцем. Я отвезу вас домой. Завтра будет охренительно долгий день.

– Ладно.

Я взял свое пальто и открыл перед ней дверь, осознавая, что моя жизнь вот-вот изменится так, как я никогда и не планировал.

Мне оставалось надеяться, что это будет того стоить.

РИЧАРД

ЕСЛИ НЕ СЧИТАТЬ РОБКИХ УКАЗАНИЙ КЭТРИН, поездка прошла в тишине. Чем дальше мы отъезжали от моего района, тем мрачнее становилось мое настроение. Когда мы подъехали к полуразрушенному дому, я развернулся к Кэтрин.

– Это ваш дом?

Она покачала головой.

– Нет. Я снимаю в нем квартиру.

Я заехал на парковку и отстегнул ремень.

– Покажите.

Я последовал за ней по неровной тропинке, дважды нажав на брелок и надеясь, что моя машина не останется без колес, когда я вернусь. Вернее, надеялся, что сам автомобиль будет на месте.

Я не пытался скрыть своего недовольства, когда осматривал то, что предположительно считалось однокомнатной студией. Лично я считал это помойкой. Футон, древний стул и письменный стол, который также служил обеденным – были единственными предметами мебели в комнате. Небольшой шкафчик с плитой и крошечный холодильник изображали кухню. У стены были сложены с полдюжины коробок. На вешалке висели безвкусные костюмы и блузки, которые носила Кэтрин.

Я подошел к единственной двери в помещении и распахнул ее. В крошечной ванной находилась душевая. Глянув туда, я в ту же секунду понял, что никогда бы не смог ей воспользоваться. Я закрыл дверь и развернулся к Кэтрин. Она наблюдала за мной беспокойным взглядом.

Ничего из этого не имело для меня смысла.

Я встал перед ней, возвышаясь над ее маленькой фигуркой.

– У вас есть какие-то проблемы, о которых мне стоит знать?

– Простите, что?

– У вас наркозависимость? Или какие-то другие пристрастия?

– Что? – ахнула она, прижав ладонь к своей груди.

Я вскинул руку.

– Почему вы живете словно... нищая церковная мышь? Я знаю, сколько вы зарабатываете и можете позволить себе приличную квартиру. На что вы тратите свои деньги?

Ее глаза сузились, и она пристально посмотрела на меня.

– У меня нет проблем с *наркотиками*. Для моих денег у меня другие приоритеты, а где я сплю, не имеет значения.

Я пристально посмотрел в ответ.

– Это имеет значение для меня, и здесь вы больше не останетесь. Собирайте свое барахло. Живо.

– Нет, – она уперла руки в бока.

Я шагнул вперед, но комната была очень маленькой, и когда она попятилась, то врезалась спиной в стену. Я грозно навис над ней и изучил ее лицо. Хотя в ее глазах пылал гнев, они были ясными. Удерживая взгляд, я схватил ее за запястье, задирая ей рукав. Она почти что зарычала, выдернув руку и подняв ее вверх вместе с другой.

– Никаких следов от иглол, Ричард, – выплюнула она. – Я не употребляю наркотики, не курю, не глотаю или не колю их себе. Удовлетворен? Или может, хочешь еще проверить? Может мне стоит пописать для тебя в стаканчик?

– Нет. Полагаю, мне придется тебе доверять, но если я узнаю, что ты лжешь, то вся эта сделка отменяется.

– Я не лгу.

Я отступил.

– Ладно. Это не обсуждается – ты сегодня же отсюда съезжаешь. Я не буду рисковать тем, что Грехам проведаст, что ты живешь в такой дыре.

– А если тебе не предложат работу? Что мне тогда делать? Сомневаюсь, что ты позволишь мне остаться у себя.

Из меня вырвался смешок. Она была права.

– Учитывая сколько я тебе плачу, ты сможешь позволить себе что-то приличное, – я вновь посмотрел по сторонам. – Эту мебель ты с собой не заберешь.

– Она не моя.

– Слава Богу.

– Ты такой сноб, знаешь ли? Она старая, но все еще исправная и чистая.

Должен признать крошечное помещение было прибранным и чистым – но все же по-прежнему отвратительным. Я проигнорировал ее остроту.

– Эти коробки забираешь?

– Неужели необходимо делать это прямо сейчас?

– Да.

– Да, – вздохнула она. – Забираю.

– Хорошо. Я положу их на заднее сиденье. Твой, эм, гардероб можно отправить в мусорку.

Что еще у тебя есть?

– Парочка личных вещей.

Я пихнул ей пустую пластиковую бельевую корзину.

– Положи их сюда и, если есть какие-то продукты, то выбрось их в урну.

На ее лице промелькнул странный взгляд.

– У меня ничего нет... кроме нескольких маффинов.

– Питание – это тоже проблема? Неудивительно, что ты такая чертовски тощая, – фыркнул

я.

Она вскинула голову.

– Ты собираешься хотя бы пытаться быть вежливым? Или будешь прилагать к этому усилия лишь на публике?

Я поднял первую коробку.

– Полагаю, ты сама это узнаешь. А теперь забирай свои вещи, ты сюда не вернешься.

Я отрыл дверь в гостевую комнату, шагнул внутрь и включил свет, положив коробки, которые прихватил с другого конца города. Сделав вместе несколько ходок, мы занесли в ее комнату все вещи. Я отступил на шаг и оценил ситуацию. Их было немного. Меня распирало узнать, почему их так мало, но затем я решил, что это не стоило очередной перепалки. По одному виду ее напряженных плеч и поджатых губ было понятно, что для одного вечера я итак был слишком напорист.

– Кэтрин, поверь, это к лучшему. Теперь, когда они у тебя спросят, ты можешь честно сказать, что мы живем вместе.

– А если твоя затея провалится, то моя жизнь разрушена.

– Если мой план сорвется, то в любом случае твоя жизнь кончена. Дэвид никогда уже не будет тебе доверять, чтобы оставить, он бы тебя уволил, и ты осталась бы ни с чем. А так у тебя хоть будет некоторая сумма денег в банке, ты можешь подыскать жилище получше, а я позабочусь, чтобы ты получила новую работу. Так или иначе, это уж точно будет в сотню раз лучше того, что у тебя было.

Она устала на меня.

– Вместе с тем, у тебя есть место, которое безопасней и гораздо комфортней. Когда мы двинемся дальше, ты сможешь декорировать комнату согласно своему вкусу. У тебя есть доступ ко всем помещениям в кондо. Рядом с моим тренажерным залом есть отличный бассейн, а ниже – зона СПА, и гарантирую, что твоя ванная просто роскошная.

– В ней есть ванна? – спросила она с долей тоски в голосе.

Я почувствовал удивительную радость от того, что мог ответить ей положительно, толкнул дверь, показывая ей массивную ванну. Впервые на ее лице я увидел настоящую улыбку, отчего выражение ее лица смягчилось, а глаза засветились. Они действительно были невероятного голубого оттенка.

– Она твоя, Кэтрин. Пользуйся, когда пожелаешь.

– Обязательно.

Я прошел к входной двери.

– Устраивайся и немного поспи. Завтра предстоит долгий и тяжелый день, и нам нужно подготовить тебя к выходным. – Я поколебался, но знал, что мне необходимо было начать *пытаться*. – Спокойной ночи, Кэтрин.

– Спокойно ночи, Ричард.

КЭТРИН

Я не могла заснуть. Как бы ни старалась, у меня не получалось. Я была истощена как морально, так и физически, к тому же мне не удавалось расслабиться. Странные события

последних дней постоянно прокручивались у меня в голове: неожиданное предложение Ричарда, мой еще более неожиданный ответ и его реакция на квартиру, где я жила. Он был вне себя от ярости и отвращения, в кипе с его обычной придирчивостью, включенной на полную катушку. Не успела я и глазом моргнуть, как часть моих вещей оказались в багажнике его большой, роскошной машины и меня везли назад в кондо – на долгосрочный период или пока он не закончит со своим глупым планом, в который я была втянута теперь так же сильно, как и мой босс.

В кондо стояла тишина, в нем в буквальном смысле не было никакого шума. Я привыкла к звукам, которые окружали меня ночью: шум проезжающего транспорта, других арендаторов по соседству, крики и постоянный звук сирен и разборок за окном. Эти звуки не давали мне спать, были порой пугающими, но сейчас их не было, и я не могла заснуть. Знаю, что находилась в безопасности, ведь это место было в сотню, нет в тысячу раз безопаснее той ужасной комнаты, в которой я жила весь прошлый год. Мне следовало расслабиться и мирно дремать.

Кровать была огромной – широкой и мягкой – простыни шелковыми и дорогими, а одеяло будто теплое перышко, накрывавшее мое тело. Однако тишина была слишком громкой.

Я выскользнула из своей кровати, подошла к двери и открыла ее, морщась от скрипа петель, недовольных, что их потревожили. Даже наострив уши, я по-прежнему ничего не могла различить. Для уличного движения мы были слишком высоко, к тому же у стен была хорошая звукоизоляция, так что даже из здания не доносилось никакого шума.

На цыпочках я прошла по коридору, притормозив у двери, которая, как я знала, вела в комнату Ричарда. Она была слегка приоткрыта, и я храбро толкнула ее, увеличивая открывшийся проем, и просунула голову в щель. Он спал посередине гигантской кровати – гораздо больше моей – с обнаженным торсом, на котором покоилась его рука. Очевидно, что события последних дней совершенно его не беспокоили. Его блестящие волосы контрастировали в тусклом свете с темным фоном простыней, и к моему удивлению он храпел. Звук был слабым, но постоянным. В покое и без вечной усмешки на лице он выглядел моложе и меньше походил на тирана. В приглушенном лунном свете он казался почти умиротворенным. Я никогда не связывала это слово с ним, и он бы не выглядел таковым, если бы проснулся и застучал меня в своем дверном проеме.

Тем не менее, мне нужно было слышать хотя бы звук его дыхания и храпа, чтобы знать, что я не одна в этом огромном, незнакомом месте. Пару секунд я слушала, после чего оставила его дверь открытой и вернулась в свою комнату, оставив и свою дверь приоткрытой.

Вновь устроилась на кровати и сосредоточилась. Звук был слабым, однако я его слышала. Его странные хрипы позволили почувствовать себя чуть уютнее, став спасательным кругом, в котором я отчаянно нуждалась.

Я вздохнула, подумав о том, что если бы он знал, что дарит мне ощущение комфорта, то наверно сидел бы всю ночь без сна, лишь бы лишить меня этого чувства безопасности.

Я уткнулась лицом в подушку и впервые за долгие месяцы расплакалась.

Когда утром я зашла на кухню, он был сдержан и пил из большой кружки, указав жестом, что я могу воспользоваться кофе-машиной на шкафчике.

В неловком молчании я приготовила себе кофе, не зная, что сказать.

– Я не ожидал компании. У меня нет сливок.

– Все в порядке.

Он толкнул в мою сторону лист бумаги.

– Я написал твоё заявление об уходе.

Я нахмурилась, подняв и прочитав текст, все было написано коротко и ясно.

– Не думаешь, что я могла бы и сама написать?

– Я хотел убедиться, чтобы все было лаконично, так как не хочу, чтобы ты вдавалась в подробности о причинах ухода.

– Я не понимаю, – покачала головой.

– *Что?* А теперь что ты не понимаешь? – он провел рукой по своему затылку.

– Если ты не доверяешь мне настолько, чтобы я сама написала заявление об уходе, то как собираешься доверить мне изображать будто мы... – слово застряло у меня в горле, – любовники?

– Единственное, что я точно знаю в отношении тебя, Кэтрин, это то, что ты усердно работаешь. Ты хорошо справишься с работой, потому что так оно и есть. Ты любишь угождать. И будешь все делать именно так, как мне нужно, чтобы ты делала, потому что хочешь заслужить те деньги, что тебе платят.

Он взял свой портфель.

– Я отправляюсь в офис. На столике в коридоре запасной ключ и пропуск в здание. Твое имя уже добавлено в список арендаторов, и консьержи не будут тебе досаждать. На всякий случай тебе все же следует познакомиться с ними.

– Как... каким образом ты все это успел? На часах еще даже нет восьми.

– Я вхожу в правление и получаю то, что хочу. Согласно записям, ты живешь здесь уже три месяца. Хочу, чтобы твое заявление об уходе было у меня в руке сразу после обеда, тогда же ты и покинешь офис. Я попросил доставить в мой кабинет несколько коробок для документов. У меня немного личных вещей, но сегодня утром ты можешь помочь мне их собрать и добавь в коробки свои. Я принесу все сюда.

– У меня не особо много вещей в офисе.

– Отлично.

– Зачем ты собираешься? Ведь тебя еще не уволили.

Он засветился улыбкой, одной из тех, что не несла в себе теплоты, из тех, от которых человеку, которому она предназначалась становилось крайне неуютно.

– Я решил уволиться. Это взбесит Дэвида и покажет Грехаму насколько я серьезен. Я приму твое увольнение и в три часа передам оба заявления Дэвиду. Жаль, что к тому времени как начнется шоу, ты уже уйдешь, но по возвращению домой я расскажу тебе все в мельчайших подробностях.

Я изумленно уставилась на него и не могла оторваться.

– Тебе нравится итальянская кухня? – он задал вопрос так небрежно, будто только что не произвел очередной эффект разорвавшейся бомбы.

– Эм, да.

– Замечательно. Я закажу ужин к шести, и мы можем провести вечер за беседой. А завтра с утра ты отправишься по магазинам, чтобы купить подходящий наряд для барбекю, также я записал тебя на макияж и прическу. Хочу, чтобы ты выглядела соответствующе.

Он развернулся на каблуках.

– Увидимся в офисе, – после чего раздался смех, от которого меня пробрала дрожь. – Душенька.

Когда дверь за ним закрылась, я присела на стул, чувствуя головокружение.

На что я согласилась?

КЭТРИН

УТРО ДЛЯ МЕНЯ БЫЛО НАПРЯЖЕННЫМ – даже Ричард это почувствовал. У него было мало личных вещей в кабинете, но я помогла ему сложить несколько наград, книг и парочку сорочек, которые он держал под рукой на экстренный случай. Я покачала головой, когда положила очередную, проведя пальцем по рукаву. Все его рубашки были сшиты на заказ, а на манжетах вышиты его инициалы «РВР» – в стиле декадентства, который только он мог воплотить. Его вещи уместились всего в двух коробках для документов. Его кабинет был таким же безликим, как и кондо. Оглядевшись по сторонам, я поняла, что они не особо отличались. Никто бы не заметил, если специально не приглядываться.

Внимание привлекла маленькая скульптура, и я потянулась, снимая ее с полки.

– Ричард, хочешь это забрать?

Он внимательно посмотрел на статуэтку, но прежде чем успел ответить, распахнулась дверь и в его кабинет зашел Дэвид. Он становился как вкопанный, уставившись на нас: Ричарда, который прислонился к столу, держа в руке свое заявление об уходе, и меня, стоящую со статуэткой у открытой коробки. Лицо Дэвида было похоже на грозовую тучу.

– Какого хрена здесь происходит?

Ричард оттолкнулся от своего стола и медленно подошел к тому месту, где стояла я, вырвал у меня из рук статуэтку и усмехнулся, бросив ее в коробку и накрыв крышкой.

– Думаю, мы здесь закончили, Кэтрин. Иди к своему столу и жди меня.

Я замерла на месте. Из ступора меня вывело ощущение пальцев, спускающихся вниз по моей щеке.

– Душенька, – пробормотал он. Его голос отдавался низким гулом в моих ушах. – Иди.

Я моргнула, глядя на него.

Душенька?

Что он делает?

Он склонился ближе, обдавая мою кожу теплым дыханием.

– Со мной все будет в порядке, иди к своему столу. Мы уйдем через минуту. – Его рука обхватила меня за талию, толкая вперед.

Совершенно сбита с толку я сделала как он сказал. Не успела пройти и двух футов, как Дэвид начал орать. Он выругался и завопил, потянувшись, чтобы схватить меня за руку.

Ричард оттолкнул его и встал между нами.

– Не тронь ее, Дэвид. Ты меня понял?

– Какого хрена! Ты что... ты ее *трахаешь*, Ричард? Хочешь сказать, что у тебя шашни с ассистенткой?

Я задержала дыхание, опасаясь, что за этим последует.

– Это не шашни, Дэвид. Мы влюблены.

Дэвид рассмеялся – сухим, ломким смехом, который не имел ничего общего с весельем.

– Влюблены? – глумился он. – Ты ее не выносишь. Месяцами пытался от нее избавиться!

– Хорошее прикрытие, на которое ты и повелся – целиком и полностью.

Голос Дэвида источал лед.

– Ты только что подписал свой смертный приговор в этой компании.

Ричард усмехнулся.

– Слишком поздно, – он пихнул в сторону Дэвида два плотных листа бланков компании. – Я увольняюсь, как и моя невеста.

Дэвид разинул рот.

– Твоя невеста? Ты рискнешь своей карьерой ради паршивой телки? Ради хренового, никчемного траха?

Это произошло так быстро, что я не успела его остановить. Вот Дэвид орал, а в следующую секунду Ричард уже стоял над его лежащим телом, его рука так сильно сжалась в кулак, что аж побелели костяшки. Он нависал над ним с вздымающейся грудью и всем своим видом воплощал образ человека, защищающего что-то или кого-то, кого он любил.

– Больше никогда не говори о ней так. Больше вообще о ней не говори. Мы уходим. Мне осточертело, что ты постоянно поступаешь со мной по-скотски, диктуешь где и в кого мне влюбляться. С меня хватит тебя и «Андерсен Инк».

– Ты об этом пожалеешь, Ричард, – выплюнул Дэвид, стирая с лица кровь.

– Единственное, о чем я жалею, что потратил столько своего времени, предлагая вам самые лучшие кампании, которые когда-либо создавала эта фирма. Удачи с вашей историей побед после моего ухода.

Он отступил.

– Душенька, бери свои вещи. Мы уходим прямо сейчас.

Я подбежала к своему столу, схватила сумочку и пальто. Те несколько вещей, которые ранее я нашла у себя в столе уже лежали в коробках Ричарда. Я удостоверилась, что в компьютере не осталось личных файлов, а на рабочем месте было прибрано. Знаю, что Ричард удалил все со своего жесткого диска, посмеиваясь пока что-то с ним делал и бормоча: «Удачи, ублюдки», после чего выключил компьютер. Я могла только гадать, что обнаружит IT департамент.

Он вышел из офиса, не обращая внимания на орущего матом Дэвида, угрожающего судебными исками и вопящего, что с ним покончено. Жестом он указал на выход, и я поспешила открыть дверь, после чего последовала за ним по коридору. Дэвид преследовал нас по-прежнему бранясь и бросаясь оскорблениями. Остальные сотрудники и руководство пялились на возникший переполох. Я продолжала концентрироваться на спине Ричарда, уверенная, что он шагал с самодовольным видом: его голова была высоко поднята, плечи расправлены, совершенно не смущенный вызванной им сценой.

Дойдя до лифта, он нажал на кнопку вызова и развернулся к небольшой толпе зевак, которые наблюдали за всем, не понимая, что происходит, но испытывая любовь к драмам как таковым.

– Было очень приятно, но теперь я ухожу. Удачи в вашей работе на кровопийцу, которого все мы знаем под именем Дэвид. – Дверцы раскрылись, и он опустил коробки в лифт, после чего широким жестом взмахнул рукой. – После вас, миледи.

Я зашла внутрь с вспыхнувшим от смущения лицом. Как только двери лифта начали закрываться, он выставил вперед руку, вынуждая их вновь открыться.

– Кстати, во избежание сплетен и пересуд, да, мы с Кэтрин вместе. Она лучшее, что для меня когда-либо сделала эта компания.

С этими словами он сгреб меня, прижал к себе и целовал все время, пока двери закрывались, отсекая нас от шокированных возгласов.

Ричард тут же отстранился. Я оперлась спиной о стену, учащенно дыша. Его поцелуй был жестким, нарочитым, с долей гнева.

– Зачем ты это сделал?

Нагнувшись, он поднял коробки и пожал плечами.

– Можно с таким же успехом уйти красиво. – Он хохотнул. – С учетом того, как быстро в этой индустрии распространяются сплетни, уже сегодня вечером об этом будет известно повсеместно. – Запрокинув голову, он разразился смехом. – Этот мушкетер сделал мне огромное одолжение и даже сам того не понял.

Двери открылись, и я пошла за ним к машине. Я подождала, пока не села рядом с ним, прежде чем спросить:

– Одолжение? Ты... ты все это спланировал?

Он ухмыльнулся, выглядя при этом почти по-мальчишески.

– Нет, я планировал сделать все иначе, но когда он ворвался в кабинет, то решил действовать по-другому. – Он подмигнул, надевая свои солнцезащитные очки. – И у меня хорошо получилось, Кэтрин. Когда клиент хочет что-то изменить, ты учишься придумывать на ходу. Стоило Дэвиду только увидеть эти коробки, как он уже понял, что происходит. Я решил, что устроить сцену будет хорошей идеей.

– Для кого хорошей? Было неловко.

– Это был пиар, который говорил сам за себя. За один этот ход не только вся компания увидела о разладе наших с Дэвидом отношений, но и узнала о нас с тобой. Завтра к моменту нашего прибытия в резиденцию Грехама он уже о нем проведает. Будет знать, что я врезал Дэвиду за то, что он говорил гадости о женщине, которую я люблю. Это идеально, даже если бы попытался, я бы не смог спланировать лучше.

Ошарашенная, я покачала головой, никогда бы не подумала о произошедшем как о чем-то «идеальном».

– Расслабься, Кэтрин, – фыркнул он, умело лавируя в транспортном потоке. – Ты молодец. Больше тебе не придется туда возвращаться. Я позвоню моему адвокату, чтобы обломать Дэвида и удостовериться, что наша подача будет первой.

– Наша подача первой?

– Дэвид ненавидит отрицательные статьи о своей фирме. Если он подумает, что я собираюсь обвинить его в нарушении обещаний и нездоровой рабочей атмосфере, то ничего не попытается предпринимать. Это лишь в качестве страховки.

Я вздохнула и прижалась головой к холодному стеклу.

– У тебя свободный день. Может, тебе стоит пройтись по магазинам.

– А мне нужно?

– Да. Я же говорил – мне нужно, чтобы ты выглядела соответствующе. У меня есть личный консультант. Я позвоню ей и договорюсь о вашей встрече сегодня днем. Мы можем подождать с нашими планами до вечера.

– Замечательно.

Он включил музыку и стал выбивать пальцами по рулю ритм, проигнорировав мой сарказм. Я ненавидела шопинг – в основном потому, что не могла позволить себе много чего купить. Может, если самой не придется платить, то будет весело.

Я на это надеялась. После такого утра мне было нужно что-то, чтобы отвлечься.

Вскоре после возвращения в кондо, Ричард расписался за конверт, а открыв его, протянул мне черную кредитку.

– Что это?

– Тебе на покупки.

Я глянула на кредитку – на ней серебряными буквами красовалось мое имя.

– Как ты?.. Нет, ничего. – Я вздохнула, ведь было очевидно, что Ричард получал все, что хотел.

Он присел, трогая кредитку.

– Распишись на ней и пользуйся. Я позвонил Аманде Келли – личному консультанту, о котором упоминал. Она ожидает тебя через час.

– Ладно.

– В чем дело?

– А она не могла бы просто прислать мне платье на завтра? Уверена, что ты уже проинформировал ее, что именно хочешь, чтобы я надела.

Он покачал головой.

– Это не только на завтра, Кэтрин. Я не шутил, когда говорил, чтобы ты избавилась от той одежды, что носила. Хочу, чтобы ты была в платьях, хорошо скроенных костюмах и нарядах. Приличной обуви. Совершенно новый гардероб.

– Мне нужно выбросить и мое нижнее белье? – даже я сама почувствовала в своем вопросе издевку.

С минуту он моргал, а затем разразился смехом.

– А ведь у тебя где-то там и впрямь есть что-то вроде хребта. Да. Избавься. Все должно быть новое, чтобы находиться в соответствии с той ролью, что будешь играть.

Я закатила глаза, беря в руки кредитку.

– Хорошо. Хотя вряд ли кто-то вообще увидит мое исподнее.

– Да что с тобой? – прорычал он. – Мне никогда не приходилось уговаривать какую-нибудь женщину потратить мои деньги. Обычно они ждут не дождутся, когда смогу добраться до моего банковского счета. Почему ты такая чертовски упрямая?

Я встала.

– Тогда пусть кто-то из них играет твою любящую невесту в этом нелепом фарсе. – Я начала уходить и была остановлена его длинными пальцами, вцепившимися в мою руку.

– Кэтрин.

Я одернула руку.

– Что? – выплюнула я.

Он поднял руки вверх.

– Не вижу проблемы в том, чтобы обеспечить тебя нарядами.

Я устало потерла руками глаза.

– Если завтра ты не получишь тех результатов, которых добиваешься, то выходит, что потратишь зря кучу денег. *Все это безумие* будет напрасным.

– Все это безумие?

Я сморгнула подступившие слезы.

– Притворство о нашей помолвке. Что забрал меня из моего дома, лишил нас обеих работы, вынужден был заставлять себя проводить со мной время. Даже Дэвид знал, как я тебе неприятна, Ричард. Как вообще это может сработать?

Он пожал плечами.

– Если – и это большое «если» – не сработает, у тебя будет куча новой одежды, чтобы носить на твоей очередной работе. Давай на чистоту – та лачуга не особо походила на дом, мы найдем тебе что-то намного лучше. Думай об этом в таком ключе. – Он сделал шаг вперед. – И честно говоря, Кэтрин, возможно, я осудил тебя слишком поспешно. Ты мне *не* неприятна. На самом деле, мне скорее доставляет удовольствие слушать, как ты со мной споришь.

Не знаю, что ответить на его неожиданное признание.

– Думаю, возможно, нам стоит объявить перемирие. В одном ты права: нам нужно выступить объединенным «фронтом», а это не получится, если мы будем друг с другом на ножах. Так что предлагаю следующее...

– Что? – спросила я, почти боясь того, что он собирался сказать.

– Ты отправляешься по магазинам тратить мои деньги. Потрать неприличную сумму. Считай это подарком за все те гадости, что я творил за прошедший год. Я тем временем сделаю пару звонков и назначу необходимые мне встречи. После твоего возвращения домой, мы проведем вечер, разговаривая и узнавая друг друга чуть больше, а завтрашний день встретим как пара. Ладно?

Я жевала щеку, параллельно изучая его.

– Ладно.

– Отлично. И еще кое-что.

– Что?

Он протянул руку, на ладони лежала маленькая коробочка.

– Хочу, чтобы ты это надела.

Я уставилась на коробочку, замерев на месте.

– Оно тебя не укусит.

– Что это? – прошептала я, уже зная ответ.

– Обручальное кольцо.

Когда я по-прежнему не двинулась, он разочарованно вздохнул.

– Ты ведь не надеешься, что я встану на одно колено?

– Нет! – ахнула я.

– Тогда бери.

У меня дрожала рука, когда я потянулась и открыла коробочку. На свету переливался большой бриллиант в оправе из белого золота, выполненный в винтажном стиле. Кольцо было изысканным.

Я подняла на него взгляд.

– Я описал тебя консультанту в магазине и сказал, что хотел бы чего-то простого, но потрясающего. Там были варианты и покрупнее, но по какой-то причине, я подумал, что тебе понравится именно это кольцо.

Его странные, добрые слова тронули меня.

– Так и есть.

– Что ж, надень его. Это часть образа.

Я надела кольцо на палец, не переставая на него смотреть. Оно идеально подошло, но все же странно ощущалось на руке.

– Я хорошо о нем позабочусь, пока не настанет время вернуть его.

Он фыркнул.

– Уверен, что ты постарайся. Учитывая твою неуклюжесть, я его застраховал.

Я закатила глаза, а момент, который тронул меня, испарился в тот же миг.

Он глянул на свои часы.

– Ладно, машина должно быть ждет тебя снаружи. Иди, приведи себя в презентабельный вид.

Он развернулся и вышел из комнаты.

Я взяла сумочку, кольцо играло на свету.

Ну вот, похоже теперь у меня был жених.

Я была обручена с человеком, которому не нравилась, но который пожелал не обращать на это внимание, чтобы иметь возможность получить новую работу и взбесить бывшего босса.

Безусловно, именно об этом женщина и мечтает.

КЭТРИН

ДЕНЬ ПРОЛЕТЕЛ КАК УРАГАН. Ричард и в самом деле сказал Аманде, что именно он хочет, а этот список, казалось, был бесконечным. Платья, брюки, юбки, блузки, костюмы – передо мной пронесся широкий спектр материалов и цветов. Были среди них и несколько новых купальников, нижнее белье и ночные сорочки. Я примеряла наряд за нарядом, и каждый либо отвергали, либо откладывали на растущую кучу одобренной одежды.

К счастью, понаблюдав за мной немного, она выбрала мне всю обувь на низком каблуке и заверила, что это все равно стильно, зато у меня было больше шансов остаться в вертикальном положении.

Последней каплей стала показанная мне одежда для тренировок. К тому моменту я была уже раздражена до крайности и не могла понять, когда бы мне понадобилась дорогушая спортивная одежда. Бога ради, да у него же собственный тренажерный зал в квартире. Когда она отметила, что это значится в списке Ричарда, я вскинула руки и сказала, чтобы добавила на свое усмотрение все, что сочтет подходящим. С меня довольно.

Я вышла из магазина, держа в руках наряд на завтрашний день, одетая в новые джинсы и шелковую рубашку насыщенного красного цвета. Ричард, очевидно, не хотел бы видеть меня вернувшейся в «старом барахле».

По дороге домой в машине я молчала, разбитая и уставшая. Подняла свои пакеты в кондо и открыла дверь своим ключом. Из глубины коридора доносилась музыка. Я знала, что Ричард был занят тренировкой, поэтому повесила свое новое платье в шкаф, отложила еще парочку привезенных с собой новых вещичек, после чего позвонила в частный дом узнать о Пенни. Ее главная медсестра сказала, что она спит, но день был не из удачных, поэтому мне не стоит ее посещать. Пока я сидела и смотрела в окно, меня охватила грусть. Я ненавидела дни подобные этому, однако она была права: визит только еще больше бы меня расстроил.

Вместо этого я спустилась вниз и пошарила по кухне. Она была хорошо оборудована, но продуктов было мало, разве что фрукты и несколько пряностей в шкафах и холодильнике.

– Что-то ищешь?

Вздвогнув, я выпрямилась. Ричард опирался о дверной косяк, вокруг его широких плеч было обернуто полотенце. Кожа блестела от мелких бисерин пота, волосы влажные, но он по-прежнему выглядел идеально.

– У тебя не так уж и много продуктов.

– Я понятия не имею, как готовить. Беру еду на вынос или моя домработница мне что-нибудь оставляет.

– Домработница? – Он не упоминал о наличии домработницы.

Он кивнул, сделав глоток из бутылки с водой, которую держал в руке.

– Мне нужно нанять. Последняя уволилась две недели назад. – Он отмахнулся – Они приходят и уходят.

Я скрыла улыбку. Эта новость не удивляла.

– Я готовлю.

– Ты говорила, – усмехнулся он.

Я проигнорировала его язвительный тон.

– Я могу содержать это место в чистоте, заниматься закупками и готовкой.

– Почему?

– А почему бы и нет?

– С чего бы тебе хотеть этим заниматься?

– Ричард, – начала я терпеливо, – теперь я не работаю и у меня куча свободного времени. Зачем тебе нанимать кого-то, если я все равно тут?

Он нахмурился, обдумывая это.

– Другим это будет казаться чем-то естественным, – на его непонимающий взгляд я объяснила, – то, что я буду следить за нашим домом. Что буду заботиться о... э-э... тебе.

Он почесал затылок, явно сомневаясь.

– Да?

– Да.

– Окей... пока что. Используй свою кредитку для оплаты всего.

Я кивнула.

– Купи все, что тебе нужно для поддержания квартиры в чистоте. Если нужна помощь, найми.

– Ладно.

Я почувствовала облегчение. Заниматься закупками и готовить еду будет чем-то обыденным. Займу себя делом, убирая кондо.

– Как прошел разговор с юристом?

– Хорошо. – Он осушил бутылку и выбросил ее в урну в углу. – А твой поход по магазинам?

Я закатила глаза.

– Ну и список ты ей дал.

– Я же сказал, что хочу для тебя все новое.

– Что ж, ты это получил.

Он шагнул ближе, потирая своими длинными пальцами рукав моей рубашки.

– Мне она нравится.

– Отлично. Ты ее купил.

– Ты потратила много моих денег?

– Тонну. Уверена, что довела тебя до богадельни.

К моему удивлению он улыбнулся. Настоящей улыбкой, которая осветила его глаза, отчего он стал выглядеть как мальчишка. – Наконец-то ты делаешь то, что я тебе говорю.

Я фыркнула.

Он потянулся мне за спину и взял конверт.

– Вот.

Я робко взяла его, пальцами ощущая какой он твердый и громоздкий.

– Что это?

– Ключи от твоей машины.

– Моей машины? – пискнула я.

– Я же сказал, что куплю тебе. Она стоит на стоянке, место 709 рядом с двумя моими. Там же и твой пропуск, с помощью которого сможешь попасть и выйти из гаража.

– Что?..

– Это Лексус. Безопасный. Надежный. Красный – как твоя рубашка.

– Не нужно было.

– Нет, нужно. Это все часть имиджа, Кэтрин. Мы продаем нас как пару – детали важны. Помни это. – Он пожал плечами. – Если что, по завершению всего этого у него будет хорошая цена при перепродаже. Если не захочешь оставить его, сможешь продать. В любом случае, он твой, как часть нашей сделки.

Я покачала головой.

– Как ты можешь себе все это позволить? Знаю, что тебе хорошо платили, но не *настолько*.

Его лицо потемнело.

– После смерти родителей я унаследовал много денег.

– О, мне жаль, Ричард. Я не знала. Они недавно умерли?

Его плечи сжались, а поза стала напряженной.

– Четыре года назад. Это не было большой потерей, так что побереги свое сочувствие.

Впервые их действия принесли мне пользу.

Я не знала, как ответить на это заявление.

– Так что не волнуйся по поводу денег.

Он развернулся и покинул кухню.

– Я иду в душ, а после закажу ужин. На столе я оставил для тебя список, можешь просмотреть. Пообщаемся, когда вернусь. Нужно пройтись по всему перечню.

– Дополнительная работа над имиджем?

– Именно. Найди за стойкой бутылочку хорошего красного вина. Думаю, она мне потребуется. – Он одарил меня очередной ухмылкой. – Ты узнаешь какое хорошее, когда увидишь, бери его.

На этой приятной ноте он удалился, оставив меня таращиться ему в след.

РИЧАРД

Когда я вернулся, Кэтрин сидела на одном из высоких стульев. Там же стояла открытая бутылка вина, она потягивала его из бокала, изучая лежащие перед ней бумаги. Я сделал глубокий вдох и пересек комнату. Ее список был при мне, чтобы мы могли обсудить детали. Нам нужно было за вечер запомнить столько информации друг о друге, чтобы суметь завтра всех обмануть. Нужно было убедить Грехама, что мы настоящая пара. Я знал, что предстоит долгий вечер.

Напряжение все еще не спало – так происходило каждый раз, когда я говорил о своих родителях, независимо от того, что о них рассказывал. Я ненавидел думать о них и моем прошлом.

Меня встретили яркие глаза Кэтрин. Ее волосы упали через плечо, и я не мог не заметить, как красный цвет подходил к их насыщенному оттенку и ее бледной коже. Я молча осушил бокал вина и сел рядом с ней, отгоняя эти странные мысли.

– Скоро привезут ужин. Я заказал тебе каннелони⁶. Надеюсь, тебе нравятся.

– Это одно из моих любимых блюд, – кивнула она.

– Знаю, – я с усмешкой достал свой список.

Сделал глоток вина, наслаждаясь ароматом. Она выбрала одно из моих любимых.

Я хлопнул ладонями по стойке.

– Приступим?

Несколько часов спустя налил в свой бокал остатки вина. Я был изможден. Мне никогда не приходилось говорить о своем прошлом или раскрывать так много личной информации, вечер был сущим мучением. К счастью, ввиду того что у нас было много тем для обсуждения, мне не нужно было сильно вникать во многие детали. Она знала, что я единственный ребенок в семье, мои родители умерли, и все соответствующие факты: когда пошел в школу, любимые занятия, цвета, предпочтения в еде, симпатии и антипатии. Отчасти я был удивлен узнать, что многие из этих вещей ей уже были известны – она была более наблюдательна в офисе, чем я предполагал.

Я узнал много информации о Кэтрин. В то время как она была наблюдательной в отношении моей персоны, для меня она была лишь тенью на краю моего мира. Так же, как и я, она неохотно говорила о своем прошлом, но рассказала достаточно, чтобы мне было с чем работать. У нее также не было братьев и сестер – ее родители умерли, когда она была подростком, а жила с тетей, которая сейчас находится в приюте. Она не окончила университет и временно пошла работать в «Андерсен Инк», но так там и осталась. Когда я спросил почему, она ответила, что в то время не могла решить относительно своего будущего и предпочла работать, пока не поймет, чего хочет. Не стал допытываться, хотя это и казалось странным. Я понятия не имел как работает ее мозг.

Со вздохом я опустил на диван. Кэтрин рядом со мной напряглась, и я откинул голову, глядя на нее с плохо скрываемым нетерпением.

– Думаю, мы закончили с основными фактами, Кэтрин. Если нужно будет, я даже знаю название твоего любимого крема для рук. – Ее список был более детальным, чем мой. – Но ничего из этого не сработает, если каждый раз при моем приближении ты будешь замирать.

– Я не привыкла к такому, – призналась она. – Обычно ты, э-э, заставляешь меня понервничать.

– Нам придется сблизиться, – сообщил я. – Как бывает у влюбленных. Они прикасаются и нежничают, шепчутся и обмениваются взглядами. У них появляется близость, которая приходит с интимными отношениями. У меня такое чувство, что семья Гэвинов – задушевная компания. Если я не могу тронуть тебя за руку без того, чтобы ты вздрогнула, то никакая куча фактов не спасет нас от наблюдательности Грехамов.

Она вертела свой бокал вина, неоднократно пробегая пальцами по ножке.

– Что ты хочешь сказать?

– Я собираюсь касаться тебя, шептать на ушко, держать за руку и даже целовать. Называть тебя душечкой и другими ласкательными. Как поступают другие влюбленные пары.

– Ты вроде говорил, что никогда не был влюблен?

Я заржал.

– Я подготовил достаточно кампаний на эту тему, так что могу притвориться. Кроме того, я достаточно много раз испытывал страсть и вожделение, а по сути это одно и то же.

– Секс без любви, это лишь части тела и трение.

– В таком трении нет ничего плохого. Именно секс без любви мне и нравится. Любовь сказывается на людях, она их меняет, делает слабее и все усложняет. Мне это не интересно.

– Это очень печально.

– Не в моем мире. А теперь вернемся к делу. Ты готова не пуститься наутек с воплями, когда я неожиданно прикоснусь к тебе или поцелую? Ты сможешь с этим справиться? – Я постучал

⁶ Каннелони (Cannelloni) – вид пасты в форме полых трубочек довольно большого диаметра (1–2 см), которые заполняются различными начинками.

костьшками пальцев по лежащим перед нами спискам. – Чтобы все получилось, нам нужно больше, чем факты.

– Да, – она вздернула подбородок.

– Ладно, нам нужно что-то попробовать.

– Что ты предлагаешь?

Я потер пальцем свой подбородок.

– Что ж, если вариант потрахаться ради самого траха снят с повестки дня и больше не рассматривается, полагаю, надо что-то придумать. Если конечно ты не хочешь все же попробовать?

Она закатила глаза, но ее щеки потемнели.

– Нет. Предложи что-то другое.

Я подавил смехок, порой она бывает забавной. Протянул руку ладонью вверх, приглашая.

– Поцелуй со мной.

Медленно она вложила свою руку в мою, и я накрыл ее маленькую ладошку. Ее кожа была прохладной и мягкой, с ухмылкой я сжал ее пальцы, прежде чем отпустить.

– Видишь, я не обжег тебя или что-то в этом роде.

Чувствуя себя беспокойно, я встал и начал прохаживаться.

– Нам нужно вести себя комфортно друг с другом. Если я целую тебя в щеку или приобнимаю за талию, ты должна вести себя так, словно это нормально. – Я одернул подол рубашки. – Тебе придется поступать также. Касаться меня, улыбаться, смеяться, когда я склоняюсь к тебе и что-то шепчу. Тянуться вверх на этих смехотворно коротких ногах, чтобы поцеловать меня в щеку. Делать что-нибудь. Ты понимаешь?

– Да, – затем она усмехнулась и на ее лице отразилось вороватое выражение.

– Что?

– Если ты зовешь меня «душенька», то мне тоже нужно называть тебя как-то, э-э, *по-особенному*?

– Я не из тех, кому дают прозвища. Что у тебя на уме?

– Что-нибудь простое.

Это я могу пережить.

– Например?

– Дик, – заявила она с серьезным лицом.

– Нет.

– Почему нет? Это сокращенная форма твоего имени и оно, э-э, *подходит* тебе во многих аспектах.

Бросил на нее острый взгляд. Я был уверен, она знала, что это прозвище дали мне в индустрии и пыталась высмеять.

– Нет, выбери что-то другое.

– Мне нужно об этом подумать.

– Так и сделай, но «Дик» больше не обсуждается.

Ее губы ехидно изогнулись.

Я закатил глаза.

– Забудь об этом, Кэтрин.

– Ладно. Хотя Дик отлично подходит, но я попробую.

Я проигнорировал ее очевидный подкол.

– Нет... хватит. – Я встал перед ней, встретившись с ее веселым взглядом. – Может, теперь попрактикуемся?

– Попрактикуемся?

Я взял пульт и нажал «воспроизведение», после чего менял музыку, пока из динамиков не зазвучала тихая, нежная мелодия.

– Потанцуй со мной. Привыкни к ощущениям близости ко мне. – Я протянул руку и сказал единственное слово, которое не использовал в отношении ее, за исключением последних пары дней. – Пожалуйста.

Она позволила мне поднять ее на ноги и неуклюже приблизилась. Со вздохом я обхватил рукой ее за талию, притягивая ближе, и втянул запах ее волос, витавший в воздухе. Мы начали двигаться, и я был удивлен, насколько естественным это казалось. Намного мельче тех женщин, к которым я привык, она едва ли доставала мне до плеча, ее голова устроилась у меня под подбородком. В моих руках она казалась легкой и хрупкой, но в тоже время хорошо подстраивалась под мою фигуру. Спустя пару минут напряжение в ее плечах исчезло, позволив мне без особых усилий вести ее по комнате. В движении она была неожиданно грациозной, учитывая, как часто мне доводилось видеть, как она путалась в собственных ногах.

В моей голове раздался голос, нашептывающий, что, возможно, ей всего лишь был нужен кто-то, кто бы стал ее опорой, а не изводил.

Это меня насторожило, и я отпрянул, уставившись на нее. Она моргнула в смятении, и я осознал, что она ожидает какого-нибудь гадкого замечания. Вместо этого я накрыл ей щеку ладонью и ее глаза округлились.

– Что ты делаешь?

– Целую тебя.

– Зачем?

– Тренировка.

Ее с придыханием «ох» достигло моего рта, в то время как мои губы коснулись ее. Те были на удивление мягкими и податливыми, легко соединяясь с моими. Это не было неприятное ощущение, на самом деле я почувствовал, как при прикосновении вниз по позвонку пробежало тепло. Я оторвался от ее рта лишь для того, чтобы опустить голову и еще раз поцеловать, только на этот раз едва коснувшись ее губ.

Отступил на шаг назад, освобождая ее из объятий. Воздух вокруг нас стал насыщенным, я усмехнулся.

– Видишь, не так уж и плохо. Ты не умрешь, если поцелуешь меня.

– Как и ты, – ответила она дрожащим голосом.

Я рассмеялся.

– Думаю, нет. Что не сделаешь ради дела.

– Верно.

Я подхватил пульт и выключил музыку.

– Молодец, Кэтрин. Для одного вечера мы достаточно поработали. Завтра важный день, так что думаю нам обоим нужно отдохнуть.

– Ладно, – прошептала она.

– Сегодня ты славно потрудилась. Спасибо.

Я развернулся на месте и удалился, оставив ее с изумлением смотреть мне в спину.

КЭТРИН

Я СНОВА НЕ МОГЛА ЗАСНУТЬ, поэтому тихонько прошла по коридору и приоткрыла дверь спальни Ричарда. Этой ночью он спал на животе, обхватив одной рукой подушку, а вторая свисала с края его широченной кровати. Он по-прежнему храпел – именно это низкое, хриплое сопение мне и нужно было слышать.

Я рассматривала его лицо в тусклом свете. Провела пальцем по своим губам, все еще шокированная тем фактом, что он меня целовал, держал в своих объятиях, и мы танцевали. Я понимала, что это все являлось частью его грандиозного плана, но были моменты, проблески мужчины, отличного от того, каким я привыкла его видеть. Вспыхнувшая улыбка, огонек в глазах, даже доброе слово – сегодня вечером все это застало меня врасплох. Хотелось бы, чтобы он почаще проявлял эту часть своей натуры, но он всегда сдерживал эмоции – те, что были позитивными – глубоко внутри. Это я уже поняла. Я знала, стоит мне что-то сказать, он еще больше закроется. Поэтому продолжала хранить молчание – по крайней мере, пока. Хотя вынуждена признать, что целоваться с ним было вовсе неплохо. Учитывая какой яд может источать его рот, губы у него были полными, теплыми и мягкими, а прикосновения – нежными.

Он застонал и перевернулся, забирая с собой одеяло и обнажая стройный торс. Я сглотнула, чувствуя частично вину за то, что так таращусь на него, а частично – от удивления. Он был красивым мужчиной – по крайней мере, внешне. Он пробормотал что-то несвязное, я отпрыгнула, оставив дверь приоткрытой, и шмыгнула в свою комнату.

Возможно, этим вечером моментами он был немного любезен, но сомневаюсь, что он спокойно воспримет, если подловит, как я плююсь на него, пока он спит.

Однако, его тихие рулады помогли мне погрузиться в мирную дрему.

Рано утром я покинула кондо и отправилась проведать Пенни. Она давно проснулась и была в хорошем настроении. Сегодня она меня узнала, ущипнула за нос, потом мы поболтали и посмеялись, пока она не заснула. В то время как она дремала, я пила кофе, глядя на некоторые из нарисованных ею маленьких рисунков. Она наблюдала за мной, затем подкатила ближе свое кресло, указывая рукой на картину.

– Мне нравится эта, – улыбнулась я. – Она напоминает мне о том, как мы ходили и собирали летом цветы.

Она кивнула, глядя отстраненной.

– Вам нужно уточнить у моей дочери, не продается ли эта работа. Я точно не знаю, где она.

У меня ком встал в горле. Она снова ушла. Моменты просветления наступали все реже и реже, и я предпочитала подыгрывать, чем расстраивать ее.

– Может, я возьму картину и поищу ее.

Она потянулась за кистью, разворачиваясь к мольберту.

– Попробуйте. Она может быть в школе. Моя Кэти – девочка занятая.

– Благодарю за ваше время, миссис Джонсон.

Она махнула рукой в сторону двери, отпуская меня. Я вышла из комнаты, сжимая ее картину и сдерживая слезы. Она не узнала меня, но все же в глубине сердца продолжала думать обо мне, как о своей дочери. Аналогично я думала о ней, как о моей семье.

Это было отрезвляющим напоминанием, почему я связалась с Ричардом: согласилась притворяться тем, кем не являлась.

Все ради нее.

Я вытерла глаза и отправилась назад в кондо.

Когда я открыла дверь, Ричард встретил меня с хмурым лицом.

– Где ты была? У тебя назначена встреча!

Я сделала глубокий вдох и досчитала до десяти.

– И тебе доброго утра, Ричард. Сейчас только десять утра, а встреча в одиннадцать. У меня достаточно времени.

Он проигнорировал мое приветствие.

- Почему ты не отвечаешь на телефон? Я звонил. И машину ты не взяла.
- Я навещала Пенни, а ее приют недалеко отсюда, так что я прошлась пешком.
- Склонившись, он потянул за небольшую картину, которую я прижимала к груди.
- Что это?

Моя хватка была несильной, и он взял холст в руки, начав его изучать.

- Здесь ты эту хрень не повесишь.

Я проглотила подступившую горечь.

- Даже не мечтала. Собиралась поставить ее в своей комнате.

Он пихнул мне картину назад.

– Пофиг. – Он пошел прочь, но затем оглянулся через плечо. – Твои наряды привезли. Я повесил их в шкаф в твоей комнате, а пакеты положил на кровать. Сожги все, что носишь сейчас. Больше не хочу это видеть.

После чего он исчез.

Вернувшись в кондо в середине того же дня, я чувствовала себя совершенно другим человеком. Меня отскребли, отшлифовали и прошлись по мне воском чуть не до смерти. Мои волосы вымыли каким-то питательным шампунем, потом кондиционером, подстригли и сделали филировку, затем высушили так, что они спадали длинными, роскошными волнами по моей спине. Когда закончили с макияжем, я едва ли могла себя узнать: глаза выглядели огромными, губы полными и пухлыми, а кожа словно фарфор. Я поспешила наверх и скользнула в новое белье и платье, которое мы с Амандой выбрали для сегодняшнего дня – она сказала, что оно идеально. Кремовое, с цветочной вышивкой, оно было красивым и легким, вызывало ассоциации с летом. Босоножки на низком каблуке были удобными, и я чувствовала уверенность, что смогу на них выстоять.

Сделала глубокий вдох, так как мои нервы начали напрягаться.

Пришло время узнать, одобрит ли Ричард.

РИЧАРД

В нетерпении я барабанил пальцами по столешнице. Услышал цокот каблуков и повернул голову на звук, стакан, из которого я как раз собирался выпить, замер у меня на полпути ко рту.

Эта женщина была не той Кэтрин, которую я привык видеть. Как я и предполагал, в правильном наряде, с хорошей стрижкой и парой штрихов макияжа – она была довольно симпатичной. Конечно не такой яркой, уверенной в себе как привычные мне женщины, ведь ей была присуща скорее сдержанная красота. Не свойственный мне типаж – однако, в данном случае это сработает.

Я опустил взгляд на ее руку и нахмурился.

- Где твое кольцо?

– Ой.

Она открыла свой клатч, вытащила коробочку и надела кольцо.

- Тебе нужно носить его постоянно. Оставь коробку здесь.

– Я сняла его, когда делала маникюр и забыла снова надеть, – она улыбнулась широкой, почти дразнящей улыбкой. – Спасибо большое, что напомнил мне, сокровище мое.

Я приподнял брови.

- Сокровище мое?

– Тебе же не понравилось «Дик», так что я выбрала другое ласкательное. Ну ты знаешь, как у влюбленных.

Я скрестил руки на груди и уставился на нее в упор.

- Думаю, ты надо мной смеешься.

– Да ни за что. – Она вскинула волосы и темные волны заструились по ее спине. – Так, что скажешь?

- Мои деньги были потрачены не зря.

Она подхватила свою сумочку.

– Ты так своеобразно выражаешься, Ричард. Так вкрадчиво и лирично. Я аж удивлена, что женщины не выстроились штабелями, притворяясь, что любят тебя.

Я усмехнулся от ее замечания. У нее было колкое чувство юмора, как раз какое мне нравилось.

Я сопровождал ее до двери, пропустив вперед. Она ждала, пока я закрою на ключ, после чего с ухмылкой предложил ей свою руку.

- Готова, душенька?
- Она закатил глаза, вкладывая свою ладонь в мою.
- С тобой хоть куда, сокровище мое.
- Так сделаем это.

Кэтрин приняла протянутую руку, позволив помочь ей выйти из моей машины, ее глаза стали огромными, когда она увидела невероятный дом и угодня. Даже я был впечатлен. Особняк Грехама Гэвина был роскошным.

– Постарайся контролировать свои эмоции, – пробормотал я, притягивая ее к себе и надеясь, что это выглядит естественно. Она не сопротивлялась и прижалась ко мне, когда парковщик отогнал машину. – Тебе нужно расслабиться.

Она, нахмурившись, посмотрела на меня.

– Может, тебе и не привыкать к такой роскоши, Ричард, но не мне. – Ее взгляд стал метаться, а на лице начала проступать паника. – Мне здесь не место, – прошептала она. – Они поймут это, несмотря на мою «упаковку».

Склонился, чтобы встретиться с ней взглядом.

– Нет, не поймут, – прошипел я. – Я буду рядом с тобой, и мы собираемся вести себя так, будто влюблены. Все тут решат, что я предпочел тебя и *нас* собственной карьере, а *ты*, черт подери, будешь вести себя так, словно чертовски *обожаешь* меня. Поняла?

Она запрокинула голову, на ее лице явно читалась неуверенность.

Я смягчил голос.

– Ты можешь это сделать, Кэтрин, знаю, что можешь. Нам обоим нужно, чтобы это сработало.

Она глянула поверх моего плеча.

– Сюда идет Грехам Гэвин.

– Значит, настало время шоу, дорогуша. Я собираюсь тебя поцеловать, а ты сделаешь вид, что тебе это нравится. Притворись, что я только что сделал тебе подарок. По сути, так и будет, если ты справишься с первым знакомством.

С секунду никаких изменений не было, затем ее взгляд стал решительным, и она просияла. От этого ее лицо преобразилось из заурядно симпатичного в *красивое*. Перемена застала меня врасплох, и я уставился на нее, удивляясь собственным мыслям.

– Ричард! – воскликнула она. – Ты слишком хорош для меня!

Сказать, что я был шокирован, когда она потянулась вверх, зарываясь пальцами мне в волосы и притягивая мой рот к своему – будет приуменьшением. Но я быстро пришел в себя, крепко прижал и поцеловал ее слишком страстно для такого публичного места. Услышав за спиной покашливание, я улыбнулся ей в губы и отступил. Она смотрела на меня, затем коснулась моих губ, словно это было самым естественным в мире.

– «Страстный розовый» не твой цвет, – подтрунила она, вытирая мне рот.

Я еще раз поцеловал ее в губы.

– Я же говорил тебе не мазать помаду, ведь в любом случае сотру ее при поцелуях, – обхватив ее одной рукой, я развернулся поприветствовать Грехама.

– Простите, Кэтрин легко взволновать, – усмехнулся я. – А кто я такой, чтобы сопротивляться?

Он хмыкнул, протягивая руку и знакомя меня со своей женой Лорой. Будучи почти такой же низкой как Кэтрин, со своими золотистыми волосами, уложенными в элегантный пучок, она являлась олицетворением изящества.

В свою очередь я представил Кэтрин как мою невесту и улыбнулся, когда она покраснела и поприветствовала их обоих.

– Вы должны рассказать мне, что вас так взволновало, Кэтрин, – улыбнулась ей Лора.

– Ричард только что поведал мне о неожиданном подарке. Он постоянно меня удивляет. Пожалуйста, зовите меня Кэти. Хотя Ричард настаивает на полном имени, но я предпочитаю Кэти.

Я покачал головой:

– Это красивое имя для красивой женщины.

Она закатила глаза, и Лора хохотнула:

– Вы никогда не убедите его в обратном, Кэти. Мужчины такие упрямые создания. – Она взяла Кэтрин под руку и потянула за собой. – Пойдемте, позвольте мне познакомить вас с моей семьей. Дженна умирает, как хочет с вами встретиться. Так что за подарок он вам преподнес?

Последовав за ними, я внимательно прислушивался, гадая, что она решит сказать. Ювелирное украшение? Путешествие? Именно такие экстравагантные подарки любили получать женщины, с которыми я встречался.

В очередной раз она меня удивила.

– Ричард сделал щедрое пожертвование приюту для животных, в котором я являюсь волонтером. Я рассказала ему о своих опасениях, что его могут закрыть из-за нехватки средств.

Лора с широкой улыбкой глянула себе через плечо.

– Какой прекрасный жест, Ричард. Грехам и я поддержим ваше пожертвование, мы оба питаем слабость к животным.

– О, Лора, вам не обязательно этого делать! – ахнула Кэтрин.

Лора взяла ее под руку.

– Отнюдь. Так долго вы там работаете волонтером?

– Три года, – ответил я, благодарный за составленные нами списки и мою хорошую память.

– Ее дважды называли «Волонтером года».

– Как чудесно! Грехам, не забудь выписать чек для Кэти, когда позже будешь беседовать с Ричардом.

Эти слова приободрили меня. Если он собирался побеседовать со мной в частном порядке, то надеюсь это означало именно то, что я думал.

Грехам улыбнулся Лоре.

– Обязательно, любовь моя.

Я планировал держаться рядом, но, казалось, мои планы путались на каждом шагу. Сразу после знакомства с Дженной, ее мужем Адрианом, а также их старшим сыном Адамом, его женой Джулией и двумя их детьми нас с Кэтрин разлучили. Дженна жаждала встретиться с Кэтрин, ее зеленые глаза, так похожие на отцовские, были широко распахнутыми и взволнованными. Она была привлекательной блондинкой среднего роста с дружелюбной улыбкой. Ее муж был брюнетом с темными глазами и напоминал полузащитника шириной своих плеч, которые были под стать его росту. Их взаимное обожание было очевидным – если не сказать даже немного тошнотворным.

Дженна вцепилась в Кэтрин, таская ее по гостям и знакомя с другими женщинами, в то время как Грехам представил меня нескольким ключевым членам своего коллектива. Намерения Грехам были очевидными и ни для кого не были секретом. Он позволял остальным своим ценным сотрудникам познакомиться со мной, и я знал, что их мнения будут важны, поэтому вел себя наилучшим образом, сделав ставку на обаяние. Первое время я поглядывал на Кэтрин, гадая не говорит или не делает ли она чего-то, что угрожало бы нашему разоблачению, но она выглядела на удивление спокойной и, похоже, справлялась со всем сама. Грехам заметил мою обеспокоенность и по-доброму подколот:

– Расслабься, Ричард. Обещаю, никто ее не похитит.

Я выдавил смешок.

– Конечно же, нет. Просто она, эм, довольно стеснительная, вот и все, – нерешительно поделился с ним, ведь я не мог сказать ему, почему мне нужно держаться рядом с ней.

– Ты ее опекаешь.

Правда? Так он решил?

– Последние пару дней были тяжелыми для нас обоих.

Он кивнул с серьезным выражением лица.

– Я слышал, что случилось.

Прекрасно.

– Я не мог позволить ему так ее ханить или поносить наши отношения. Пришло время уйти, несмотря на то, как это отразится на моей карьере, – убежденно заявил я. – Мне хотелось, чтобы о наших отношениях – настоящем положении дел – стало известно. Мне хотелось, чтобы весь мир знал, что мы помолвлены.

– Для тебя она в приоритете.

– Всегда.

Он хлопнул меня по плечу.

– Пойдем, Ричард, познакомлю тебя еще с парочкой ребят.

Спустя некоторое время я подошел к небольшой группе, стоящей с Кэтрин. Я наблюдал за Гэвинами и тем, как они общаются между собой, и оказался прав в своем предположении. Они были очень показательными: находясь рядом, пары постоянно касались друг друга. И Лора и Грехам вместе с тем были привязаны к своим детям и внукам. Я знал, что должен изображать такого же рода близость с Кэтрин, и надеялся, что она будет в состоянии ответить соответствующе.

Женщины смеялись и качали головами. Кэтрин произнесла:

– Знаю, что несмотря на то, что Ричард обычно так печется о своем здоровье, он ужасен. Ест слишком много красного мяса, буквально при каждом удобном случае, особенно в ресторане «У Финли». Всегда заказывает там двадцати четырех унцевый⁷ антрекот, – хихикнула она. – Я уже бросила попытки его остановить, ведь смысла нет. Во всяком случае сейчас, когда я ему готовлю, он лучше питается. То количество листовок из ресторанов на вынос, которые при переезде я у него обнаружила, было поистине кошмарным.

Встав позади нее, я обвил рукой ее талию, прижав спиной к своей груди, и оставил мимолетный поцелуй на шее, ощутив ее слабый трепет.

– А что на счет тебя, Кэтрин? – Я с широкой улыбкой окинул взглядом небольшую группку женщин, с которыми она беседовала. – Она постоянно об этом печется, хотя каждый день я застаю ее за поеданием бутерброда с джемом и арахисовым маслом, – качая головой, я вновь перевел на нее взгляд. – Я не перестаю повторять, душенька, что тебе нужно есть побольше протеинов. Ты слишком худенькая. Ей богу, ты могла бы поместиться у меня в кармане.

В группе женщин раздался коллективный вздох. Очевидно, я сказал что-то правильное.

– Не нужно ненавидеть такой бутерброд, сокровище мое, – настаивала Кэтрин. – Будучи твоей ассистенткой, я была счастливица, что мне вообще удавалось выкроить время, чтобы перекусить сэндвичем.

Я вновь ее поцеловал.

– Мой косяк, детка. Тебе не стоило быть для меня настолько неоценимой помощницей.

В то время как все женщины рассмеялись, Дженна с улыбкой похлопала одну из них по плечу.

– Берегись, Эми, тебя предупредили. Если Ричарда примут в команду, то обеденных перерывов тебе не видать.

Эми рассмеялась.

– Я узнаю у его невесты все секреты, чтобы держать его в узде.

Ах, это Эми Таннер, подруга Брайана и, судя по всему, моя будущая ассистентка. Я улыбнулся ей – она была именно его типажом: высокая, симпатичная и безупречная.

– Привет, Эми. На этих выходных Брайан в отъезде?

Она кивнула.

– Очередная поездка. Он просил напомнить вам о совместном гольфе по его возвращению на следующей неделе.

– Жду с нетерпением.

– Надеюсь после работы с невестой, я не разочарую вас в качестве ассистентки. Если конечно вас примут в штат.

Я немного напрягся, но Кэтрин рассмеялась, поглаживая мою руку.

– Ричард – блестящий специалист, – с восторгом воскликнула она. – С ним изумительно работать. Уверена, вы двое поладите.

Дженна подмигнула Кэтрин.

– Говоришь как влюбленная женщина.

Кэтрин с легким вздохом откинулась на меня. Она подняла на меня взгляд, на ее губах играла нежная улыбка. Ее рука прошла по моей скуле, голос был низким и хриплым:

– Так и есть.

Это было представление достойное Оскара.

День клонился к завершению. Мы ели, разговаривали и знакомились с кучей народа. Частенько, будучи с другими людьми, я искал взглядом глаза Кэтрин. Меня забавляло наблюдать за ее реакцией, поэтому я посылал ей воздушный поцелуй или подмигивал, просто чтобы увидеть, как ее щеки вспыхивают. Это происходило с ней каждый раз. Также было, когда я подходил, клал руку ей на талию и чмокал в плечо или щеку. Она хорошо играла свою роль, не

⁷ 1 унция=28,3 г

реагировала на это никак иначе, кроме как добродушно. Вообще-то пару раз она сама меня находила, тянулась на цыпочках, чтобы пошептать мне на ухо. Это было легко симитировать, глядя на то, как вел себя Адриан: со снисходительным выражением на лице склонял голову, чтобы услышать, что ему бормочет Дженна. Без сомнений те слова, что шептала Дженна были гораздо более интимного характера по сравнению с тем, что приходилось говорить Кэтрин, но другим это было неизвестно.

В какой-то момент Грехам отвел меня в сторону и спросил, смогу ли я прийти на еще одну встречу в понедельник. Я едва ли смог сдержаться, чтобы тут же не изобразить жестом ликование, ведь мы сделали это! Вместо этого я сказал, что в понедельник утром у нас с Кэтрин дела, однако я свободен после обеда. Мне не хотелось, чтобы казалось, будто я слишком охотно соглашаюсь, но когда он понимающе кивнул и сообщил, что регистрационная палата по понедельникам всегда загружена, так что нашу встречу стоит назначить после двух часов дня, я осознал свою ошибку.

Он решил, что мы собирались подать заявление на получение разрешения на брак. Вместо того чтобы исправить его, я согласился, что в два часа меня устроит, и пожал ему руку. Заметив, что несколько человек распрощались и уехали, я поблагодарил за его гостеприимство. Когда он напомнил мне о пожертвовании, я сказал, что этим мы можем заняться в понедельник – на самом деле, я понятия не имел как называется тот приют.

Когда я подошел, Лора беседовала с Кэтрин.

– Готова ехать, душенька? – спросил я. – Ведь сегодня ты еще хотела навестить свою тетушку.

– Да, верно. – Кэтрин развернулась к хозяевам. – Спасибо за чудесный день.

Лора просияла и притянула ее для объятия.

– Твоей тете очень повезло, что ты у нее есть. Была рада с тобой познакомиться, моя дорогая девочка. С нетерпением жду новых встреч. Помни, что я сказала о твоей свадьбе!

Кэтрин кивнула, принимая мою руку. Мне не было неприятно, когда Лора потянулась вверх и поцеловала в щеку.

– Очень рада познакомиться с тобой, Ричард. И с тобой буду рада еще встретиться, – она подмигнула. – И здесь и в офисе.

Я широко улыбнулся.

– Аналогично.

– Грехам дал тебе чек на пять тысяч?

Я моргнул, глядя на нее, а затем на Кэтрин.

Пять тысяч?

Видимо, я был щедр. Усмехнулся, решив, что оно того стоило.

– Он отдаст мне его в понедельник.

– Замечательно. Что ж, голубки, наслаждайтесь остатком дня.

Я издал тихий смешок, отчего щеки Кэтрин потемнели, а улыбка Лоры стала шире.

– Так и собираюсь сделать, – заверил ее, подмигнув, и повел свою невесту на выход.

Я посмеивался всю дорогу до машины, а в салоне автомобиля – праздновал.

Все сработало.

РИЧАРД

В ПОНЕДЕЛЬНИК УТРОМ КЭТРИН СМОТРЕЛА НА меня так, будто у меня две головы.

– Мы сделаем *что*?

Я вздохнул, складывая бумаги и кладя их на столешницу.

– Мне не хотелось показаться слишком нетерпеливым, поэтому я сказал Грехаму, что сегодня утром у нас с тобой есть дело. Он решил, что это получение разрешения на брак, а я не стал его переубеждать.

Она подхватила наши тарелки и отнесла их в раковину. Должен признать, она была чертовски хорошим поваром. Я не мог припомнить, когда в последний раз ел дома завтрак не из коробки. Вчера она поехала на своей машине «заняться делами», а когда вернулась, то мне пришлось сделать две ходки, чтобы помочь ей перенести все продукты, что она купила. Сначала я решил, что она чокнутая, но потом передумал. На ужин вчера было какое-то восхитительное блюдо из курицы, а ее сегодняшний омлет был бесподобен. Как и ее кофе. Я полностью одобрил покупку новой кофе-машины.

Она прислонилась к раковине, потирая лицо.

– Пусть он так думает, но мы не обязаны этого делать.

Я покачал головой.

– Неа. Мы это сделаем. Мне нужен бумажный след. Нам необязательно жениться, просто получим разрешение.

– Ричард.

Я поднял чек, который только что заполнил на столе.

– Считаю это справедливым обменом за мое пожертвование. – Я изогнул бровь. – За мое очень *щедрое* пожертвование.

У нее хватило такта выглядеть смущенной.

– Я же сказала, что понятия не имела, что в ваших финансовых кругах считается щедрым. Когда Лора об этом говорила, одна из женщин немного ехидно сказала, что не считает щедрым что-либо меньше тысячи. – Она пожала плечами. – И прежде чем сама это поняла, я ляпнула, что ты пожертвовал пять тысяч. Это явно ее заткнуло.

– Даже не сомневаюсь. Но все хорошо. Разве что теперь ты моя должница, поэтому взамен я получу настоящее-фиктивное разрешение на брак.

Она выплеснула свой кофе в раковину.

– Ладно. Пойду готовиться.

Она прошагала мимо меня, и из-за того, что мне захотелось ее позлить, я схватил ее за запястье и притянул к себе на колени. Она ахнула, отталкивая меня, а я рассмеялся ее бесполезным брыканиям.

– Хочешь, чтобы я потерял тебе спинку?

– Нет!

– Я сделаю еще одно пожертвование.

Она ткнула локтем мне под ребра, вынудив ослабить хватку, и вскочила на ноги.

– Осторожнее, Ричард, иначе я возьму тебя с собой в приют для животных и кастрирую!

Я расхохотался при виде ее возмущения, позволяя ей удалиться, бормоча что-то себе под нос.

Понятия не имею почему мне доставляло удовольствие ее негодование – но тем не менее, так и было.

Грехам пожал мне руку и предложил присесть за его личный стол для совещаний. Его офис, как и все остальное здание, являл собой пример элегантного богатства. Мебель была самой качественной, а художественные работы – изысканными и подобранными со вкусом. Большое количество наград и маленькие версии победных кампаний стояли на полках вдоль всей стены. Во мне вспыхнула потребность увидеть там и свою кампанию.

Мы подождали, пока его ассистентка принесла нам кофе и удалилась, прикрыв за собой дверь. Грехам улыбнулся мне, взяв печенье с тарелки.

– Как я слышал, они и рядом не стоят с теми, что печет твоя Кэти, тем не менее угощайся.

– Боюсь, меня разбаловали. Ее печенье восхитительное.

Он прожевал и проглотил свое, вытерев рот.

– Надеюсь, ваше дело прошло удачно, Ричард?

Я похлопал себя по карману, стараясь выглядеть самодовольным.

– Все бумаги готовы. Получу разрешение через три дня, – хохотнул я. – Осталось только убедить Кэтрин сбежать со мной в Вегас и оформить все официально.

Грехам нахмурился, отпив глоток кофе.

– Прости, что говорю это, но типаж твоей Кэти не кажется подходящим для Вегаса.

Я пил кофе и тянул время, ведь понятия не имел каким «типажом» она была, но не мог ему этого сказать. Решил отталкиваться от стеснительной стороны ее натуры, поэтому прочистил горло и кивнул:

– Ты прав, она не такая. Тем не менее, никто из нас не хочет большой свадьбы. Когда-нибудь мы сыграем ее в узком кругу. Кэтрин глубоко убеждена, что все должно быть скромно – только между нами.

– У нее никого нет, кроме тети?

– Верно.

– Лора упоминала, что та в приюте?

Я кивнул.

– Она уже в годах, и ей нездоровится, – кивнул я. – Кэтрин часто ее навещает.

– Ах, как жаль. – Он посмотрел мимо меня в окно. – Лоре и Дженне очень понравилась твоя девушка.

Я не знал, что сказать. Мне не особо хотелось говорить о Кэтрин, но похоже у меня не было выбора.

– Такое частенько происходит.

Он широко улыбнулся.

– Могу понять почему. Она обворожительна.

– Так и есть.

Он сменил тему, постукивая по лежащей перед ним папке.

– Я поделился с нашей командой твоей идеей по поводу кампании.

– И?

– Они согласились со мной и решили, что идея блестящая.

Я склонил голову, от его слов мне стало приятно.

– Я рад.

Он откинулся в кресле, изучая меня. Я чувствовал, как в отношении меня принимают окончательный вердикт, встретил его пристальный взгляд, ожидая, что он скажет.

– У меня ушло много лет тяжелого труда и самоотдачи, чтобы построить этот бизнес. То, чем мы тут занимаемся, для нас очень важно.

Я молча кивнул.

– Я редко нанимаю кого-то извне, Ричард. Те, кто не являются непосредственно членами семьи, были со мной долгие годы. Они стали частью моей семьи. Здесь, в «Гэвин Групп», мы заботимся о нашей семье.

– Это уникальная концепция, Грехам. Большинство нанимателей не относятся к своим сотрудникам так, как вы. Признаюсь, я никогда такого не видел.

– Знаю. Должен сказать, что беспокоился, когда услышал твое имя, Ричард. Твоя, э-э, репутация опережает тебя.

Приличия ради, я изобразил стыд.

– Я не могу изменить своего прошлого, Грехам, разве что сказать, теперь я хочу нечто иного. – Сгорая от нетерпения, я со всей решительностью подался вперед. – Я хочу здесь работать, хочу доказать вам, что мне тут место. Дайте мне шанс, позвольте продемонстрировать, что я могу привнести.

– Мы здесь работаем как команда, и празднуем победы и принимаем поражения тоже как одна команда.

– Знаю и не могу дождаться, когда увижу это воочию. Быть частью чего-то, а не только приносить деньги и сидеть заткнувшись.

– Когда ты передумал, Ричард? Это благодаря Кэти тебе захотелось чего-то другого?

– Да, – без колебаний ответил я. – Она послужила катализатором, и теперь я хочу большего. – Это, по крайней мере, было правдой.

Он потер пальцем подбородок.

– Думаю, что ты очень талантливый и можешь привнести новые перспективы, которые мы пропустили. У меня по-прежнему есть сомнения, но Лора лоббирует тебя с тех пор, как вы познакомились.

Это меня удивило.

– Да?

– Она думает, что такой замечательный человек как Кэти могла бы полюбить только кого-то с огромной отдачей. Полагает, что ты именно такой человек. Она что-то в тебе видит.

Мне нечего было ответить. Не уверен, что во мне вообще кто-нибудь когда-нибудь что-то «видел».

Он подвинул ко мне папку.

– У меня есть для тебя предложение, Ричард. Хочу, чтобы ты взял это с собой, просмотрел и вновь увиделся со мной в пятницу утром.

– Не хотите, чтобы я просмотрел это сейчас?

– Нет. Хочу, чтобы ты все тщательно просмотрел, прочитал все условия и задумался действительно ли это именно то, чего ты хочешь. Если ты согласишься, мы подпишем все в пятницу, и ты сможешь начать со следующего понедельника.

– Я могу начать с сегодняшнего дня.

Он погладил подбородок с легким смешком.

– Мне нравится твой энтузиазм. Только хочу быть тут в твои первые рабочие дни, но я увожу Лору. Она немного хандрит, поэтому я забираю ее на любимый маленький курорт немного отдохнуть и развеяться. Мы вернемся в четверг вечером, и я встречусь с тобой в пятницу.

– Мне жаль это слышать.

– Все хорошо. Ей нужно провести немного времени в одиночестве. Ведь именно это мы делаем для любимых женщин, я прав?

– Конечно.

Он раскинул руки, жестом указывая на комнату.

– Это мой бизнес, и я люблю его, Ричард, но Лора – моя жизнь. Убедись, что всегда знаешь разницу. Кэти будет рядом еще долгое время после завершения твоей карьеры. Удостоверься, что ты обращаешь тщательное внимание на ее потребности.

Я был настолько ошарашен, что мог лишь таращиться на него.

Он встал.

– Просмотри бумаги, сделай пометки, и мы поговорим в пятницу. Проведи пару дней со своей милой девушкой, а затем, я надеюсь, мы совместно начнем новый, интересный проект. Договорились?

Я пожал его руку.

– Договорились.

Я открыл дверь и нахмурился, услышав женские голоса. Очевидно у Кэтрин в гостях был кто-то, кого я не знал. Осторожно прислушался и, когда женщина рассмеялась, то понял.

Дженна Дэвис пришла в гости.

Интересно.

Я потянулся и еще раз открыл дверь, а затем с шумом захлопнул.

– Кэтрин! Где ты, душенька? Иди же, одари своего мужчину поздравительным поцелуем! – крикнул я с ухмылкой.

Она появилась из-за угла, выглядя испуганной.

– Ричард?

Я раскинул руки в стороны, шагнув к ней.

– Иди же сюда.

Она поспешила навстречу, и я схватил ее, закружив на месте. Она рассмеялась от неожиданности и прежде чем успела что-то сказать, я поставил ее на ноги, обхватил ладонями лицо и впился ей в губы.

Грудь заполнила странная теплота – без сомнений от признательности ей за подыгрывание – когда она повисла у меня на шее, склоняя ближе к себе. Она тихо заскулила, стоило моему языку скользнуть в рот и переплестись с ее, я не смог сдержать вырвавшийся стон. Целовать ее было неплохим бонусом.

Услышав покашливание у себя за спиной, я улыбнулся ей в губы и, изображая испуг, развернулся на месте.

– У нас компания? – спросил я, зная, что Дженна могла слышать все, что я говорил.

– Да.

– Может, мне нужно извиниться, но я не стану. Я был так взволнован, душенька. – Провел пальцем по ее щеке. – Не мог дождаться, когда приеду домой и смогу разделить это с тобой.

Она посмотрела на меня, выглядя полностью похожей на любящую, искреннюю невесту.

– Здесь Дженна, – выдохнула она.

Я развернулся и улыбнулся:

– Привет, Дженна.

Та усмехнулась.

– Простите, что прервала такой момент. Я могу уйти.

Я обвил рукой Кэтрин, прижимаю к себе.

– Нет, все в порядке. Просто я был...

– ...взволнован, – закончила она за меня. – Это волнение как-то связано с твоей встречей с моим отцом?

Я широко улыбнулся и кивнул.

– Мне нужно просмотреть кое-какие бумаги и поговорить с моей девушкой, но думаю, что мы будем работать вместе.

Она захлопала в ладоши и просияла, глядя на меня и Кэтрин. Иначе не скажешь – ее лицо светилося как утреннее солнце.

– Я так рада.

– И я тоже.

Кэтрин вытянулась в струнку, накрыла ладонью мою щеку, притягивая вниз к себе.

– Я горжусь тобой, – заявила она и нежно поцеловала в губы.

Даже я купился.

Дженна засмеялась.

– Мне пора. Думаю, вас надо оставить наедине.

– Тебе необязательно уходить, – настаивал я.

– Нет, все в порядке. – Она надела пальто. – Я хотела передать Кэти несколько журналов по декору. Она сказала, что теперь у нее есть время, и хотела бы дополнить квартиру парочкой штрихов. – Она, поморщившись, посмотрела вокруг. – Действительно, Ричард, тебе нужно ее поторопить. Эта квартира похожа на холостяцкую берлогу.

Я огляделся.

Серьезно? А мне казалась нормальной.

– Она может делать все, что пожелает. Я непрестанно ей это говорю, – надеюсь мой ответ звучал искренне.

– Замечательно. Кэти, просмотри журналы, и мы пойдем по магазинам, – она хихикнула,

– Может, и другие тебя вдохновят.

Щеки Кэтрин вспыхнули, вынудив меня гадать, почему ее могли смутить журналы.

С воздушными поцелуями и смехом Дженна нас покинула. Кэтрин и я стояли и смотрели друг на друга.

– Хочешь кофе?

– Было бы здорово.

Я последовал за ней на кухню и сел за стойку. От нечего делать взял стопку журналов и начал просматривать обложки. Мой взгляд остановился на последних двух. Они были объемными, глянцевыми и у обоих на самом видном месте было написано «Идеальная свадьба». перевел взгляд на Кэтрин, теперь поняв ее реакцию.

– Ничего не хочешь мне сказать?

– Она спросила о наших планах. Я ответила, что мы еще ничего не планировали, ведь нам было не до этого. Она подумала, что это может помочь.

Я с благодарным вздохом отпил из дымящейся кружки, которую она мне протянула. Она и впрямь делала восхитительный кофе.

– Грехам тоже спросил меня о наших планах.

– Что будем делать? Они продолжают задавать вопросы. Подача заявления на фиктивное разрешение на брак само по себе было неправильно, но я не планирую фиктивно выходить замуж.

Я потер руками лицо.

– Знаю, я этого не ожидал.

– Чего именно?

– Мне правда нравится Грехам. Я *хочу* на него работать. Заставить гордиться мной. По какой-то причине это для меня важно.

С мгновение она изучала меня.

– Что ты хочешь сказать?

– Я думал, что все будет проще, – признал я. – Он бы познакомился с тобой при случае и на этом все. Я не ожидал, что вы с его дочерью подружитесь – или что его жена станет тебя боготворить. – Я оттолкнул журналы, сваливая аккуратные стопки. – Я не предполагал, что они будут частью моей жизни вне офиса.

– И?

– Думаю, уговор придется продлить на чуть больший срок, чем я полагал. На три месяца не выйдет.

Она провела пальцем по одной из глянцевых обложек, описывая контур изображенной на ней этажерки.

– Как долго?

– Как ты относишься к тому, чтобы увеличить период минимум до шести месяцев, с возможностью пролонгации на еще шесть?

От шока у нее отвисла челюсть.

– Выслушай меня.

Она закрыла рот и кивнула.

– Грехам признался, что у него еще есть сомнения. В машине я быстро пробежался по бумагам. Предложение хорошее, за исключением испытательного срока в пять месяцев. Думаю, он будет наблюдать. Если ты уйдешь до этого или сразу после, то это покажется подозрительным.

– Полагаешь, шести месяцев хватит?

– Возможно, хотя думаю, что может потребоваться и больше. Я должен быть уверен, что ты останешься.

Она ничего не говорила и не встречалась со мной взглядом. Я почувствовал, как в груди зарождается паника. Я не смогу все проверить без Кэтрин. Мне хотелось рассмеяться от ироничности ситуации: мне так давно хотелось от нее избавиться, а сейчас она была нужна мне сильнее, чем я когда-либо мог вообще предположить. Карма и впрямь та еще сука.

– Мы можем пересмотреть условия, – предложил я, сквозь сжатые губы.

Наконец она подняла взгляд.

– Твои условия меня устраивают. Я не требую больше денег.

– Ты согласна остаться?

– На год.

– Хорошо. С этим я могу работать. К концу года Грехам уже увидит, чего я стою и не будет так озабочен моей личной жизнью. – Я беспокойно барабанил пальцами по холодному граниту столешницы. – Мне нужно спросить еще кое о чем.

– О чем?

– Я бы хотел прикрыться со всех сторон. Удостовериться, что для сомнений не осталось места.

– Я не понимаю тебя.

С минуту я изучающе на нее смотрел, а затем произнес слова, которые не думал, что когда-либо произнесу.

– Ты выйдешь за меня, Кэтрин?

РИЧАРД

ОНА ЛИШИЛАСЬ ДАРА РЕЧИ, ЕЕ ГУБЫ двигались, но не издавали ни звука. А затем она сделала самую странную вещь.

Она рассмеялась. Громко и раскатисто. Она шлепнула себя рукой по губам, но это не остановило поток ее сдавленного смеха. По ее щекам уже текли слезы, а она продолжала смеяться.

Я никогда не слышал от нее такого звука, и хотя пришлось признать, что ее смех был весьма заразительным, меня совсем не забавляло то, над чем она смеялась.

Я откинулся на стуле и скрестил руки на груди.

– Я не вижу в этом повода для смеха, мисс Эллиот.

Я думал, что формальное обращение прекратит ее истерику, ведь это была именно она. Но единственный эффект, который на нее это произвело – она рассмеялась пуще прежнего.

Я стукнул рукой по столешнице.

– Кэтрин!

Она села напротив, вытирая глаза. Взглянула на меня, и все началось по новой. Новые взрывы смеха.

Я отпихнул стул и направился в ее сторону, не решив, что сделаю, когда дойду до нее. Встряхну ее? Дам пощечину? Я схватил ее за руки и, ничего не придумав, впился ей в губы, эффективно останавливая ее психоз. Когда я дернул ее на себя, крепко прижав, и поцеловал, по спине прошла та же странная теплота. Чтобы наказать ее и призвать к молчанию, я использовал каждую толику разочарования, что она заставила меня почувствовать.

Разве что это не ощущалось как наказание. Скорее, как удовольствие.

Жаркое, пульсирующее удовольствие.

Со стоном я отстранился, моя грудь вздымалась.

– Ты закончила? – прорычал я.

Она взглянула на меня, наконец замолкнув, и кивнула.

– Рискую вызвать у тебя очередной приступ, Кэтрин, ты выйдешь за меня?

– Нет.

Я слегка встряхнул ее.

– Ты сказала, что сделаешь это, если нам придется.

Вздохнув, она вновь меня удивила. Взяла в ладони мое лицо, ее пальцы поглаживали мою кожу.

– Тебе когда-нибудь говорили, какой ты импульсивный, *сокровище мое*?

– Спонтанность часто служила мне хорошую службу.

– Я бы назвала это горячностью, но ты можешь называть это, как тебе заблагорассудится.

– Почему ты отказываешься?

– Ричард, сам подумай. Поразмысли хорошенько. Если твой инстинкт тебя не подводит и Грехам сомневается, а ты женишься на мне *прямо сейчас*, то это наоборот вызовет еще больше подозрений.

Я смотрел в ее голубые глаза, а сказанные ею слова проникали мне в мозг. Сделал шаг назад, она убрала руки от моего лица, и тут до меня дошло, что она права.

– Вот же, *черт*.

– Я права, и ты это знаешь.

Мне было ненавистно это признавать, но она определенно была права.

– Да, все верно.

– Прости, что ты сказал? – поддразнила она.

– Не испытывай удачу.

Она усмехнулась, и до меня дошло, что она больше меня не боялась. Я не был уверен хорошо это или плохо.

– Мы пересмотрим этот вопрос, Кэтрин.

Она оттолкнулась от стойки и обошла меня.

– Тогда мы поговорим об этом позже, – она подхватила журналы и сунула себе под мышку.

– Мне нужно кое-что почитать. Хочу найти парочку идей для своей комнаты.

Она собралась уходить, и я протянул руку, чтобы остановить ее.

– Пока этим занимаешься, вызови коменданта. С дверью моей спальни какие-то проблемы.

Она заколебалась, широко распахнув глаза.

– Что?

Я потянулся к фруктовой вазе за яблоком и потер его о свою рубашку.

– Я никогда ее плотно не закрываю, но когда просыпаюсь утром, она распахнута настежь. Не знаю, что с ней такое. Пусть это исправят.

– Ой, я э-э...

Я нахмурился. Она вся покраснела, а не просто ее щеки покрылись своим обычным румянцем. Грудь и шея были красными, а лицо стало почти багровым.

– Что?

– Твоя дверь не сломана, – выпалила она скороговоркой.

– Откуда тебе знать?

– Потому что я ее открываю.

Настал мой черед впасть в шок.

– Зачем бы тебе это делать?

– Здесь, э-э, тихо.

– Я не понимаю.

Она осторожно приблизилась, ее пальцы теребили края журналов.

– Я не могла заснуть в первую ночь. Там, где я жила, всегда было шумно от звуков сирен, людей, машин или еще чего-нибудь. А здесь было так тихо, что казалось почти пугающим. Я проходила мимо твоей двери и слышала тебя – э-э, ты храпел.

Я сузил глаза.

– У меня искривление носовой перегородки. Я не храплю – это сопение.

– Если открыть твою дверь и оставить приоткрытой мою, то я могу слышать твое, э-э, *сопение* и так знаю, что не одна. Это... ну, это успокаивает.

Я не знал, как реагировать на ее застенчивое признание. *Я успокаивал?*

– Что ж, тогда, не бери в голову.

– Я больше так не буду.

Я махнул рукой.

– Как угодно. Я не возражаю.

Она развернулась и вышла, а я смотрел вслед ее ретировавшейся фигуры. Она не сказала, чтобы я не целовал ее, хотя и не стала разбираться с тем фактом, что я тоже этого не сделал. Вместо этого она призналась, что нервничала, и я, сам того не ведая, помогал ей заснуть. Также она указала на упущение в моем плане жениться на ней прямо сейчас. Каждый из нас оказал другому услугу. Мы были в расчете.

Тем не менее, позднее тем вечером, выключив свет в своей комнате, я открыл дверь, избавив ее от необходимости приходить самой. Бог знает какой сварливой она будет, если ей не удастся поспать.

На следующий день я внимательно просмотрел документы. Предложение было хорошим, пакет – щедрым. Единственное, что меня смущало – пятимесячный испытательный срок. Обычно он составлял три месяца, и меня не покидала мысль, что в данном случае было что-то еще. Я встал и зашагал по комнате, в итоге остановившись у окна и уставившись на расстилающийся город. Мне он нравился. Мне нравилось, что это был оживленный город, но тем не менее в нем остались еще незастроенные территории. Мне нравилось, что тут можно без проблем сесть на самолет, а также находиться рядом с водой. Сам не знаю почему, но мне это нравилось.

Мои мысли прервал раздавшийся стук, и я повернул голову. В дверях стояла Кэтрин с чашкой кофе в руках.

– Я подумала, тебе захочется.

Я принял кружку и сделал глоток.

– Спасибо.

– Просмотрел предложение?

Я сел и жестом пригласил последовать моему примеру.

– Да.

– Не выглядишь счастливым.

– Нет, все хорошо. Щедрый базовый пакет, куча дополнительных льгот и бонусов, которые зависят от производительности, обычные надбавки – все туда включено.

– Но?

– Меня беспокоит испытательный срок.

– Потому что он дольше, чем принято?

– Мне кажется... я не уверен, что он убежден, – признал я. – Он даже сам это сказал.

Она вздохнула.

– Что ты намерен делать?

Я одарил ее многозначительным взглядом.

– Назначить дату.

– Ты уверен, что он за тобой наблюдает? Полагаешь, он бы нанял тебя, если бы думал, что ты с ним играешь? Он не кажется таким человеком.

– Согласен с тобой, но чутье подсказывает, что мне нужно – *нам* нужно – двигаться вперед.

– Я глубоко вздохнул. – Огласи свои условия, Кэтрин. Сейчас мое будущее полностью в твоих руках.

С мгновение она изучала меня. Я ждал, что же она скажет. Какую баснословную сумму денег затребует. Я мог себе это позволить, но тем не менее было любопытно.

Она лишь молча водила пальцем по узору на моем письменном столе. Наконец я не выдержал.

– Просто скажи.

– Если я соглашусь выйти за тебя, – начала она, – ты хочешь, чтобы это продлилось год?

– Да. Возможно, восемнадцать месяцев. – Когда ее глаза округлились, я поспешил добавить. – Максимум два года.

– *Два года*, – повторила она одними губами.

– Может, и не так долго. Я сказал на вскидку.

– И минимум на год?

– Да.

Она откинула волосы, на ее лице появилось упрямое выражение.

– Тогда я хочу несколько вещей.

Я закатил глаза.

– Я не удивлен. Тебе все карты в руки, Кэтрин. Давай же, выкладывай все на стол.

– Хочу сделать тут парочку изменений.

– Изменений?

– В гостиной, в своей комнате. Добавить немного цвета, немного мягкости. Сделать уютнее.

Я кивнул, соглашаясь.

– Хорошо. Делай с квартирой что пожелаешь, но никакого чертового розового. Ненавижу розовый. Что еще?

– Стол на пустом пространстве в кухне смотрелся бы неплохо.

– Купи его.

– Я могу купить вафельницу? Мне всегда хотелось вафельницу.

Я моргнул. Она хотела чертову вафельницу? *Этого* она хотела?

– Не возражаю против всякой мелкой хрени. Что ты *на самом деле* хочешь, чтобы согласиться на это? Еще денег? Дом после того, как мы расстанемся?

Она нахмурилась.

– Я же говорила, что не гонюсь за деньгами. Твои, э-э, условия подходят.

– Ты явно чего-то хочешь. Нервничаешь и суетишься. Просто скажи это.

– Я хочу того же, что и раньше – никаких измен.

Я шумно фыркнул. Я знал, чего она хотела – моего celibата.

Облокотившись подбородком на руки, я изучал ее. Она была противоречием. Любая из знакомых мне женщин потребовала бы у меня большую сумму денег. Дом. Украшения. То, что я легко мог бы дать. Она же хотела того, что не имело материальной ценности, однако требовало с моей стороны огромной жертвы. Я задался вопросом, каково будет ударить ее тем же оружием.

– Я попрошу того же и от тебя.

Она вскинула подбородок.

– Это не проблема.

– Ты не будешь скучать по двухгодичному отсутствию секса?

Ее щеки покраснели, однако она не отвела взгляда.

– Нельзя скучать по тому, чего у тебя никогда не было, Ричард.

Шок лишил меня дара речи. Я не ожидал этого откровенного признания.

– Ах, – все что мне удалось квакнуть.

– Ты сможешь с этим справиться? – потребовала она ответа с надрывом в голосе. – Я не потерплю измены.

Я встал, а затем присел на краю своего стола прямо перед ней.

– Уверена, что не хотела бы получить вместо этого симпатичный домик? Или, может, щедрую сумму денег, достаточно большую, чтобы впредь никогда не беспокоиться о том, что придется работать на засранца вроде меня?

– Нет.

Я вздохнул.

– Может, я дам тебе что-то другое в качестве альтернативы?

– Нет.

Я сдался. У меня на самом деле не было выбора.

– На двух условиях.

– Каких?

– Ты выйдешь за меня в эти выходные, после того как я подпишу бумаги с Грехамом. Я скажу ему, что на радостях мы поженились. Он купится на это.

– А второе?

Я усмехнулся ей.

– Мы будем женаты, Кэтрин. Официально. Мне бы хотелось знать, не желала бы ты обсудить, э-э, некоторое расширение границ наших отношений.

Ее глаза стали огромными.

– Ты сказал, что не хочешь спать со мной.

– Два года большой период для такого мужчины, как я.

– У тебя есть руки.

Я рассмеялся на ее очевидное замечание.

– За что я уже благодарен. Не говорю, что это данность. Я *лишь* спрашиваю, можно ли будет это обсудить, – я подмигнул ей, – в случае возникновения необходимости.

– Ты не находишь меня привлекательной. Я тебе даже не нравлюсь! Зачем бы тебе хотеть со мной спать?

– Вроде я уже говорил, что мог тебя недооценивать. Ты мне нравишься. Ты меня смешишь. Что касается привлекательности, и тут я ошибался. Ты довольно симпатичная, когда не одета в лохмотья и не носишь прическу как у пожилой женщины.

Она закатила глаза.

– Спасибо. Продолжай свои сладкие речи, тогда, возможно, я не смогу контролировать себя рядом с тобой.

Я усмехнулся.

– Не все будет так ужасно, знаешь ли. Я симпатичный мужчина, знаю, как вести себя в спальне, и могу позаботиться о том, чтобы и ты получила удовольствие.

– Вау. Трудно поверить, что я единственная, кого ты когда-либо убеждал выйти за тебя. Ты описываешь это *так* восхитительно, *так* романтично.

Я хохотнул. Мне нравилось, как она порой спорила со мной.

– Ты согласна на мои условия?

Она поджала губы.

– Если ты согласен на мои.

– Тогда, мисс Эллиот, полагаю, в субботу мы женимся.

– В субботу?

– Завтра нам дадут официальное разрешение, а в пятницу я подпишу бумаги – все как раз вовремя. Мы пойдем в мэрию, произнесем слова, сделаем пару фоток и дело сделано.

– Свадьба моей мечты, – саркастически пробормотала она.

Я пожал плечами.

– Надень красивое платье. Я купил тебе много таких.

– Что ж, с таким-то предложением как я могу отказать?

Я протянул руку.

– Приятно иметь с тобой дело.

Нерешительно она приняла мою руку и ахнула, когда я притянул ее ближе, обхватил руками и прижался губами к ее уху.

– Гарантирую получения удовольствия, Кэтрин. Помни это.

Отпустив ее, смеясь, я снова устроился за своим столом, когда она пулей вылетела из кабинета.

По крайней мере, ближайшие два года не будут совсем уж скучными.

Учитывая, в чем она призналась... они могут оказаться очень даже интересными.

РИЧАРД

В ЭТОТ ВЕЧЕР БЫЛ ПОВОД для празднования. Мне это удалось. Я стал полноправным сотрудником «Гэвин Групп»: встретился с Грехамом, подписал его предложение и, к великой радости последнего, сказал, что хочу остаться в офисе и приступить к работе прямо сейчас. Мой кабинет был уже готов, я официально познакомился со своей ассистенткой Эми, к тому же Грехам успел уже положить мне на стол пару папок. Я с рвением углубился в их изучение, делая предварительные заметки, записывая идеи и приходящие на ум мысли.

Когда он сказал, что после закрытия офиса будет небольшой сабантуй, я написал Кэтрин сообщение, информируя о том, что дома меня не будет, поэтому был очень удивлен, увидев, как она входит в зал, неся в руках не что иное, как поднос с печеньем. Бросив взгляд на обильный «шведский стол», мне захотелось закатить глаза. Она притащила домашнее печенье на мероприятие подобного рода? И зачем вообще она тут? Я не просил ее приходить.

Ответ я узнал довольно быстро. Дженна всплеснула руками и поспешила навстречу Кэтрин.

– Ты пришла! И как я просила, принесла печеньки! Ты – самая лучшая! – после чего Дженна принялась ее обнимать, создавая огромный ажиотаж по поводу присутствия тут моей невесты.

Обуздав свои порывы, я пересек комнату, хотя и знал, что их взгляды устремлены на меня. Я обвил рукой талию Кэтрин, притягивая ее к себе, и уткнулся носом в ее волосы, прежде чем промурлыкать:

– Ты ничего мне не говорила, душенька. Если бы я знал, что ты придешь, то встретил бы тебя внизу на входе. – Я усилил хватку на ее талии. – Ты даже не ответила на мое сообщение.

Она посмотрела на меня, и я увидел в ее глазах тревогу.

– Дженна настаивала, чтобы я сделала тебе сюрприз.

– Я боялась, если ты узнаешь, что она должна принести твои любимые печеньки, то украдешь и ее и их, – подтрунила Дженна.

Я усмехнулся ее ехидному тону.

– Я бы скорее поделился печеньками, чем ею.

Дженна хихикнула, и я понял, что сказал правильную вещь. Она схватила Кэтрин за руку.

– Прекращайте, вы оба. Мама хочет снова повидаться с Кэти, а я хочу расспросить ее о ваших планах по поводу свадьбы. – С этими словами она ее утатила. Я напоказ стал дуться, после чего пошел за еще одним стаканом скотча. И прихватит также парочку печенек.

Вечер продолжал разворачиваться в таком же ключе. Казалось, меня там вообще нет. Я перемещался от группы к группе, болтал с Грехамом, Адрианом и Адамом, каждый из которых подтрунивал над моими попытками заговорить о работе, настаивая, что это светское мероприятие. Грехам усмехнулся, хлопнув меня по плечу, и сказал, что ему приятно видеть мое воодушевление, но стоит потерпеть до понедельника. Я слушал их планы на выходные, как они говорили о своих женах и своей жизни, задумываясь, как можно быть настолько привязанным к другому человеку. Казалось, что это характерно для каждого из них. Они смотрели на своих жен полными обожания взглядами. Отчего меня слегка затошнило, но я последовал их примеру, бросая на Кэтрин взгляды, когда она перемещалась по комнате, разговаривая с людьми, чаще всего сопровождаемая Дженной или Лорой. Она казалась звездой вечера. Каждый хотел побеседовать с моей невестой. Ее печеньки произвели фурор, исчезнув гораздо раньше всех прочих десертов.

Когда она успела стать важнее меня? Она была аутсайдером. Это я был звездой. Я всегда был тем, кто царил в зале. Как это могло измениться? Я нахмурился, задумавшись об этом. На прошлой неделе было то же самое. Когда она была подле меня, люди со мной разговаривали, втягивали в беседу. Когда мы были порознь, то они были вежливы, но отстранены – никаких светских разговоров или личных обсуждений. Напротив, все темы вращались вокруг бизнеса. В этом я разбирался лучше всего. Кэтрин привносила в разговоры тепло и легкость в общение. Каким-то образом благодаря ей я больше нравился, ее мягкость делала именно то, чего от нее и добивался.

Именно это мне было нужно, но в то же время, почему-то это меня злило – вынуждало чувствовать, будто я нуждался в ней.

Я ни в ком не нуждался.

Грехам усмехнулся.

– Ну же, Ричард, хватит свирепо смотреть на бухгалтерию. Они просто выказали дружелюбие твоей милой Кэти. Не нужно метать молнии в их сторону.

Я опустил взор. Я ничего не метал *в них*, а обнаружил, что меня раздражает Кэтрин, хотя она и делала именно то, что я просил. И все-таки, это также лишало меня внимания, что совсем не нравилось моему эго.

Я выдавил смешок.

– Она притягивает их словно мотыльков на пламя.

– Она восхитительна. Ты счастливчик, а мы довольно долго держим вас порознь. Иди к своей невесте и что-нибудь поешь.

С улыбкой, которая, надеюсь, была настоящей, я направился к Кэтрин. Она заметила мое приближение, и к ее чести, казалось, была рада меня видеть. Когда я протянул ей руку, она приняла ее и позволила прижать к себе. Я уже порядком выпил, так что склонился к ее рту и уткнулся в губы, промурлыкав в них:

– Душенька, ты так долго была вдали от меня.

Она тихо рассмеялась, слегка погладив меня по лицу. Было очевидно, что она и сама выпила пару бокалов вина и чувствовала себя в моих руках свободно и раскованно.

– А я все гадала, когда же ты подойдешь.

– Не беспокойся, моя милая, я за тобой наблюдал. – Я зарылся лицом в ее шею. Должен признать, она всегда пахла завлекательно – аромат был легким и женственным, без перебора.

И это было правдой – по какой-то причине, даже когда я сам того не желал, мой взгляд перемещался по залу, отыскивая ее в комнате.

Дженна рассмеялась.

– Вы двое просто не можете держать свои руки подальше друг от друга.

Я приподнял голову.

– Разве меня можно за это винить? Мне так долго пришлось скрываться и теперь очень приятно, что могу демонстрировать свои чувства.

Ее лицо нахмурилось.

– Видимо, тебе пришлось тяжело.

Кивнув, я крепче прижал Кэтрин.

– Ты себе даже не представляешь.

– Что ж, мне неприятно так поступать с вами, но есть еще люди, которые хотят познакомиться с тобой, милая леди.

Я не смог сдержаться.

– Они не хотят познакомиться со мной?

Дженна покачала головой.

– Они знают, кто ты, Ричард. И ты можешь присоединиться к нам, но Кэтрин сегодня – звезда вечера.

Она потянула Кэтрин за руку, и я послушно, но молча последовал за ними. Мое настроение от раздражения перешло к полной взбешенности. Дженна прекрасно все резюмировала.

Игнорируя предупредительный взгляд Кэтрин, я дал знак принести мне еще скотча. Если ей суждено быть звездой, то я буду подле нее.

Влюбленный жених, который не может удержать руки при себе.

Она это возненавидит.

– Ричард! – предупредила Кэтрин, в очередной раз убирая мои руки со своей задницы. – Люди же смотрят!

Я оскалился в нежную кожу ее шеи. Она и впрямь хорошо пахла.

– Пусть смотрят.

Она развернулась, глядя на меня. Встала на цыпочки и наклонила мою голову, чтобы я мог услышать, что она говорит. Любой, кто смотрел на нас в этот момент, посчитал бы, что мы обмениваемся секретами, как влюбленные шепчем друг другу сладкие словечки. Но истина была очень далека от этого.

– Ты платишь мне недостаточно, чтобы позволять тебе весь вечер прилюдно себя лапать, – прошипела она мне на ухо.

Я ухмыльнулся и крепче прижал ее к своему боку, моя рука железной хваткой обвивала ее талию.

– Я плачу, чтобы ты вела себя как влюбленная невеста – так что играй свою роль. Если мне хочется тебя лапать, то я буду.

– Ты уже получил работу. Зачем же так усиленно стараешься?

Я сдавил ее сильнее.

– Я хочу сохранить ее – веди себя так, будто не можешь дождаться момента, когда сможешь отвезти меня домой и затрахать до смерти, и тогда мы сможем скорее уйти.

Ее голова откинулась, в глазах стоял испуг. Вблизи меня поразили золотистые ободки, окаймляющие ее голубые глаза, эти маленькие крапинки солнечного света в голубизне моря. Ее волосы сегодня вновь были распущены, и я зарылся рукой в густые пряди.

– У тебя прекрасные волосы, – пробормотал я.

– Ч-что?

Я склонился ниже и буквально ощущал устремленные на нас взгляды окружающих.

– Я собираюсь тебя поцеловать.

Не дав ей возможности ответить, впился в ее губы, крепко удерживая рукой за голову и жестко целуя. Будучи зол, а она была тому причиной, я усилил поцелуй, скользнув языком ей в рот и переплетаясь с ее.

Чего я не ожидал, так это всплеска жара, возникшего между нами – или того как ее руки скользнули по моим предплечьям и обхватили шею, удерживая меня с не меньшей силой. Ничто не подготовило меня к вспышке желания или отчаянной мысли оказаться с ней наедине, а не в окружении группы людей, наблюдающих за тем, как я целую свою невесту. Поспешно я отстранился и увидел на лицах Адриана и Дженны изумленные выражения. Я пожал плечами и поцеловал кончик носа Кэтрин, после чего отступил на шаг, высвобождая ее из мертвой хватки. Она оступилась и чуть слышно вздохнула, я вскинул руку, удерживая ее прямо. Помог ей сохранить равновесие, глядя на нее сверху вниз с заботливым, как я надеялся, выражением на лице.

– Душенька?

Она подняла взгляд, ее рот порозовел и увлажнился от моего языка, щеки залились румянцем, а в глазах читалось потрясение. При виде моего довольного выражения лица она одернула свою руку, приглаживая волосы.

– Думаю, нам нужно отправляться домой.

Я подмигнул ей.

– Я все ждал, когда же ты это скажешь.

Она свирепо зыркнула, и мне захотелось рассмеяться. Не знаю, поняла ли она сама или нет, но только что она позволила всем подумать о том же самом.

Мой план сработал.

– О, нет, вы не уйдете в ближайший час, – покачала головой Дженна. – Еще нет и девяти. Мы с мамой пока не закончили говорить с Кэти о свадьбе. Она ни в чем не признается! Готова поклясться, что она что-то скрывает!

– Хорошо, – согласился я. – У тебя есть час, а после – она моя. Целиком и полностью. Понятно?

Она пробурчала что-то об эгоистичных, нетерпеливых сволочах и утащила Кэтрин за собой. Я смотрел им в след, чувствуя себя немного странно.

Адриан поймал мой взгляд и подмигнул. Я ответил ему тем же и вернулся к бару.

Скотч был выходом.

Я не мог сесть за руль. Мне хватило мозгов понять это. Кэтрин собиралась взять такси, так что Грехам настоял на том, чтобы отправить нас домой на своей машине, а я не возражал. Я не был пьян, но находился в хорошем подпитии.

Я выпил слишком много скотча. Он помогал успокоить раздражение, которое я ощущал каждый раз, когда слышал смех Кэтрин. Видел ее улыбку. Наблюдал, как она моментально обзаводилась – очередным – новым знакомством.

Я не понимал, отчего это меня волнует или почему беспокоит. Она очаровывала людей. Если она им нравилась, то это означало, что они дадут мне шанс, ведь никто не поверит, что такой хороший и добрый человек может любить такую известную сволочь, как я.

Однако, это было так.

Всю дорогу до дома она была молчаливой, но внимательной. Она проследила, чтобы я без происшествий вышел из машины, и обхватила меня за пояс. Когда мы зашли в дом, она помогла снять пиджак, при этом выглядела обеспокоенной.

– Ты почти ни к чему не притронулся на вечеринке, Ричард. Давай я приготовлю тебе что-нибудь перекусить.

– Нет, я в порядке. Я поел парочку твоих печенек.

– Это не еда и даже не закуска. Я сделаю тебе сэндвич и немного кофе. Ты почувствуешь себя лучше.

Я отмахнулся.

– Перестань вести себя так, будто тебе есть дело до того, как я себя чувствую или чего хочу. – Я направился к бару и схватился за скотч. – Я же сказал, что в порядке. Выпью еще порцию.

– Это неудачная мысль.

– Почему?

– Потому что тебе уже хватит. Нужно что-то поесть. – Она забрала у меня бутылку и направилась на кухню.

Не задумываясь, я схватил ее за руку и развернул на месте.

– Ты не принимаешь за меня решения. Если я хочу выпить, то выпью.

Она вздохнула, покачала головой и отпустила бутылку, к которой я тянулся.

– Зачем ты столько пьешь, Ричард? Ты должен радоваться! Ты одурачил Гэвинов, получил работу и отыгрался на Дэвиде! Почему ты ведешь себя так, словно кто-то помочился на твой завтрак?

И меня прорвало. Я начал выплескивать все, что чувствовал весь вечер. Свою досаду на то, как легко они приняли ее к себе в семью. Свое разочарование от того, что именно я оказался аутсайдером. Свою странную реакцию на ее близость – как если бы мне это нравилось.

Мне не должно это нравиться. Это мне не нравилось. Она мне не нравилась.

– Скажи-ка мне, Кэтрин, что ты получаешь от этого? У тебя какое-то извращенное понятие пыток?

Она уставилась на меня, округлив глаза, голубые радужки поблескивали в тусклом свете.

– У тебя какие-то нездоровые мысли о том, что ты лучше меня? Ты целый год мирилась с моим дерьмом и, практически не моргнув глазом, согласилась на этот маскарад. – Я придвинулся ближе, моя ярость выплескивалась на поверхность. – Думаешь, твоя жертва сделает меня лучше или какое-то дерьмо вроде этого? – выплюнул я. – Думаешь, я каким-то волшебным образом влюблюсь в тебя и жизнь станет постелью из *гребанных* роз? – Я схватил ее за руку, встряхнув сильнее, чем следовало. – Ты об этом думаешь?

Она яростно покачала головой.

– Тогда почему ты согласилась? Зачем ты делаешь это для меня?

Она хранила молчание, ее зубы так сильно впились в щеку, что я подумал, раздерет ее до крови. С проклятьем я оттолкнул ее.

– Вали с глаз моих долой.

Не глядя, я подхватил бутылку со скотчем, щедро плеснув себе в стакан. Опрокинув в себя спиртное, я почувствовал, как оно обожгло горло и грудь. Налив еще, отошел к окну, устремив взгляд на погруженную в темноту Викторину, огни города ярко горели в чернильной мгле.

Кэтрин стояла у меня за спиной не шелохнувшись. Я уже собирался еще раз сказать ей, чтобы ушла, когда она вдруг заговорила.

– Пенни Джонсон не моя настоящая тетя. Я просто называю ее так, чтобы каждый раз не объяснять наши отношения. Когда мне было двенадцать, мои родители погибли в автокатастрофе. У меня не было других родственников, так что в итоге я оказалась в приюте.

Это известие меня удивило, хотя я и хранил молчание. Я знал, что ее родители умерли, но она никогда не упоминала о приюте.

– Двенадцатилетних девочек не особо горят желанием удочерить или хотя бы взять на попечение, и я побывала в нескольких приютах. Последний был, э-э, не очень хорошим местом.

Что-то в ее голосе вынудило меня обернуться. Она стояла там же, где я ее оставил, опустив голову, отчего волосы скрывали лицо, не давая возможности ее видеть.

– Я убежала и жила на улице, пока однажды не повстречала Пенни Джонсон. Она была очень доброй пожилой женщиной и забрала меня к себе домой, отмыла и почему-то приняла решение, что я останусь с ней. Она обратилась к руководству провинции с петицией, чтобы стать моим приемным родителем. Она была для меня всем – мамой, папой, другом, учителем. У нее было немного, но из того, что было, мы извлекали всевозможную пользу. Я развозила газеты, мы собирали бутылки и алюминиевые банки – вещи, которые позволяли раздобыть чуть больше денег на пропитание. Ей удавалось каждую нашу работу превращать словно в игру, отчего та не казалась такой тяжелой. Она любила рисовать, и мы часами сидели в маленькой комнате, которую она обустроила для этого – она рисовала, а я читала. Это была умиротворенная жизнь, и впервые с тех пор как умерли мои родители, я чувствовала себя в безопасности и любимой.

Ее пальцы бегали по спинке стоящего перед ней дивана. Неустанно, вверх-вниз, пока наконец не остановились.

– Я даже могла поступить в университет. У меня были почти все отличные оценки в старшей школе, и я получила стипендию.

– Ты ее не закончила, – напомнил я о факте из ее списка.

Ее голос был тихим и печальным, когда она произнесла.

– Пенни заболела. Я жила с ней, пока училась в школе, и она начала странно себя вести. Ей диагностировали Альцгеймера. А потом она упала и сломала шейку бедра, после чего ее состояние стало резко ухудшаться. Ей нужен был постоянный уход. Дом, куда ее поместили, был ужасным – она была брошенной и несчастной. Я воевала, чтобы ее перевели, и следующее место было таким же плохим.

– Это ничего не объясняет.

Она подняла голову и сузила на меня глаза.

– Не будь таким нетерпеливым, Ричард. Я *как раз* и пытаюсь тебе все объяснить.

Я вскинул руки.

– Прости, просто хотел удостовериться, что во всем этом есть смысл.

– Смысл в том, что я поняла, ей нужно было больше ухода. В приличном месте. Я знала, что мне нужно бросить школу, получить работу и обеспечить ее этим. Мой друг рассказал мне о временной работе в «Андерсен Инк» в качестве личного ассистента – деньги платили хорошие, и если я смогу быть внимательной и найду еще одну работу, то удастся перевезти Пенни в место получше. Так что я взялась за работу, и она стала постоянной. Как-то раз мистер Андерсен вызвал меня к себе и предложил должность твоего личного ассистента – с увеличением оклада, так как с тобой было сложно сработаться – ведь ты «Дик» и все такое.

– Деньги решают все.

Она покачала головой.

– Как правило, для меня нет. Разве что повышение зарплаты означало, что я смогу перевезти Пенни в личную палату. Деньги все решили, когда я пошла навестить ее и увидела, что она окружена своими картинами и холстами, которые каким-то образом все еще были ей знакомы. За ней хорошо ухаживали, и она была в безопасности. Я дала ей именно то, что она дарила мне все эти годы. Не имело значения насколько паршивым был мой день – по большей части из-за тебя – ведь по его окончанию я отправлялась повидать женщину, которая так хорошо обо мне заботилась и получала это же в ответ.

Я ошарашено моргнул.

– Я не тратила деньги на одежду или модные туфли, потому что у меня их не было. Как бы то ни было, вся моя зарплата уходила на оплату комнаты для Пенни. Я жила в крошечной, ужасной квартирке, потому что только ее могла себе позволить. Я закупалась в дешевых магазинах и секонд-хендах, потому что иначе не могла. Я заботилась о том, чтобы каждый день выглядеть для тебя опрятной и презентабельной. Сносила все те ужасные вещи, которые ты говорил и делал, и игнорировала их, чтобы сохранить свою работу, потому что тем самым я обеспечивала для Пенни безопасность.

– Я согласилась быть твоей невестой, потому что деньги, которые ты мне платишь *гарантируют*, что до самой ее смерти ей *никогда* не будет страшно или холодно и что о ней будут заботиться должным образом. Мне плевать, что ты говоришь или делаешь, потому что твое мнение *ничего не значит*. Для меня это просто работа. Как бы ненавистно мне это ни было, приходится позволять тебе быть такой задницей, потому что как ни печально, но в данный момент ты нужен мне так же сильно, как я тебе.

Она развернулась, чтобы уйти, но остановилась.

– Надеюсь ли я на то, чтобы сделать из тебя человека получше или лелею ли какие-то фантазии, что ты влюбишься в меня? Такая мысль ни разу даже не приходила мне в голову, Ричард. Чтобы любить нужна душа... а даже такое «отощавшее пугало» как я видит, что ее у тебя нет. – Она глубоко вздохнула. – И когда этот фарс подойдет к концу, я уйду и начну все заново где-нибудь на новом месте. Когда мне больше не придется быть объектом твоих жестоких насмешек и бесчувственных поступков, моя жизнь станет намного лучше.

С этими словами она поспешила вверх по лестнице, а я остался стоять потрясенный.

РИЧАРД

Я ПРОСНУЛСЯ В ЗАМЕШАТЕЛЬНОСТИ. СПУСТЯ мгновение осознал, что лежу на диване. Я сел, сморщившись и держась за гудящую голову. Конечно я заслужил это, но все же чувствовал себя дерьмово. Осторожно поднял взгляд, с удивлением увидев на столике перед собой бутылку воды и тайленол. Дотянувшись до них, я проглотил две таблетки и осушил бутылку. Когда я встал, одеяло, накинутое мне на торс, упало на пол. Наклонился его подобрать, и тогда на мой вялый мозг снизошло осознание.

После того, как Кэтрин умчалась, я выпил еще скотча, ее слова постоянно крутились в моей голове. Должно быть, в какой-то момент я отключился, и она, очевидно, пришла и укрыла меня, оставив на столе воду с лекарством, зная, что с утра у меня будет похмелье.

Несмотря на то что я был с ней еще большей сволочью чем обычно, она по-прежнему приглядывала за мной. У меня тряслись ноги, когда я присел, вспоминая брошенные ею прошлой ночью слова – почему она согласилась помочь мне. Почему она сэкономила и собирала деньги – чтобы заботиться о женщине, которая приютила ее и подарила безопасное место и дом. Я не смотрел дальше своего носа и унижал ее за это, ни разу не удосужившись спросить о подробностях. Никогда по-настоящему не замечая, каким хорошим человеком она была внутри.

На меня накатил рвотный позыв, и я рванул вверх по лестнице, освобождая желудок от все еще содержавшегося в нем обильного количества скотча. После чего принял душ и выпил еще тайленола. В голове по-прежнему отдавались ее слова и боль скрытая за ними. В голове неустанно проигрывалось мое поведение в течение прошлого года. Мои жестокие насмешки, резкие слова и невоспитанные манеры. Несмотря на мои третирования, она поставила потребности другого человека превыше всего, держа высоко голову. Она выполняла свою работу и, должен признать, делала это хорошо, с гордостью и без капли поощрения с моей стороны.

Я рассматривал свое лицо в зеркале, рука слишком сильно тряслась, чтобы поднести бритву к щетине на подбородке. Впервые в жизни я почувствовал, как меня окатила волна стыда, и потупил взгляд.

У меня было два выхода.

Проиигнорировать то, что случилось прошлой ночью, и надеяться, что Кэтрин продолжит придерживаться нашего соглашения. Я знал, что если не стану об этом упоминать, то и она тоже. Решит, что я не помню случившегося.

Или вести себя как зрелый человек, найти ее, извиниться и постараться двигаться дальше. Чтобы это сделать, мне нужно было приложить усилие и хотя бы понять ее. У меня не было сомнений, что свадьба теперь в любом случае отменялась, но мы все еще могли продолжать изображать обрученную пару.

Я отошел от умывальника, не обращая внимания на стук в голове.

Пришло время узнать побольше о моей невесте.

– Ричард, я не ожидал тебя сегодня увидеть. Или, во всяком случае, не так рано.

Я оторвал взгляд от экрана компьютера.

– А, Грехам, – я дернул за свой чуб и нервно провел рукой по затылку. – Я хотел взять пару вещей и, э-э, забрать свою машину.

Он зашел ко мне в кабинет и сел перед моим столом. Я сложил руки на темном дереве, пытаясь унять дрожь в пальцах.

– Должен извиниться за прошлый вечер. Я перебрал с выпивкой. Поверь, это не было привычным поведением для меня.

Он рассмеялся, махнув рукой.

– С кем из нас не бывало, Ричард. После всего, через что вам пришлось пройти там, начал работать с нами и, конечно же, твой сегодняшний большой день, думаю, ты заслужил возможность расслабиться.

– Надеюсь, я не сделал ничего неподобающего.

Он покачал головой.

– Нет, все было в порядке. Думаю, ты немного вывел из себя бедную Кэти. Забавно было на это смотреть.

Я вспомнил о нашем с ней разговоре и поморщился.

– Она была недовольна мной. – Затем я нахмурился, когда его слова дошли до меня. – Прости, Грехам, но что ты имел в виду говоря «большой день»?

Он усмехнулся.

– Ты проговорился, что сегодня днем женишься, Ричард.

– Я-я так сказал?

– Да. Кэти не переставала пытаться тебя зашикать, но ты видимо решил выдать секрет.

– Не удивительно, что она была готова меня убить. Я даже не помню этого.

– Думаю, она тебя простит, – он подмигнул. – Однако, не уверен, что моя жена и Дженна поступят также. Они хотели помочь Кэти со свадьбой.

– Мне стоит извиниться? – предложил я.

– Все в порядке. Они рады довольствоваться ужином, на который ты согласился по такому случаю.

Я сглотнул. *Черт возьми.* Как я мог помнить весь разговор с Кэтрин и совершенно ни слова из того словесного поноса, который устроил перед Гэвинами? *Что, черт подери, я еще сказал?*

– Ужин?

– Кэти объяснила, что вам обоим хотелось, чтобы церемония была очень личной. Ты был таким красноречивым, когда дополнил ее слова своими мыслями о том, почему желаешь, чтобы на ней присутствовали лишь вы двое, что Лора аж прослезилась.

Я моргнул. *Я это сделал?*

– После того как они согласились не нарушать вашего уединения в такой день, ты согласился позволить нам присоединиться к вам на ужине сегодня вечером. – Он провел руками по своим бедрам. – Ты уверен, что не хочешь взять отгулы на следующей неделе для медового месяца?

– А, нет. У нас другие планы. Кэтрин хочет заняться обустройством моей, э-э, нашей квартиры, чтобы придать ей больше уюта. Я свожу ее куда-нибудь, как только мы устроимся.

Он кивнул, встал и протянул руку.

– Поздравляю, Ричард. Надеюсь сегодняшний день будет для тебя идеальным.

Я крепко пожал его руку в ответ.

– Спасибо.

– Думаю, сегодняшний день – это начало новой, прекрасной жизни для тебя. – Он сверкнул улыбкой. – Я рад быть частью нового направления.

Он вышел, оставив меня пялиться ему вслед.

После прошлой ночи я не был уверен, что Кэтрин вообще хоть слова мне скажет, не говоря уже о замужестве. Когда я ушел, ее не было дома, а она не отвечала на телефон, когда пытался до нее дозвониться.

Я вернулся к своему компьютеру, продолжил поиски и был уверен, что нашел частный дом, где проживает сейчас Пенни Джонсон. Он был недалеко от моего дома, частный и – судя по информации с веб-страницы – дорогой. Я взял трубку и набрал номер.

– «Золотые дубы».

– Доброе утро, – ответил я. – Я хотел бы принести тете моей невесты букет цветов, когда навещу ее сегодня утром, и хочу удостовериться, что у нее нет на что-нибудь аллергии. Я забыл уточнить это у Кэтрин до ее ухода.

– Имя постоялицы?

– Пенни Джонсон.

– Простите, вы сказали вашей невесты, Кэти?

– Да.

– Я не знала, что Кэти помолвлена.

Я прочистил горло.

– Это довольно недавнее событие.

– Что ж, нужно будет ее поздравить. У Пенни нет аллергии на цветы, но если вы на самом деле хотите заслужить ее благосклонность, прихватите лакомство для Джои.

– Джои?

– Ее попугая.

– О, а позвольте спросить, что лучше всего принести попугаю?

– Любимое лакомство Джои – манго, но он любит любые свежие фрукты или попкорн.

У меня было ощущение, что я оказался в *Сумеречной Зоне*. Даже в самых своих диких фантазиях я не ожидал, что проснусь одним субботним утром с планами жениться на мисс Эллиот, после того как остановлюсь прикупить фрукты и попкорн для птицы, принадлежащей женщине, которую я никогда не встречал.

– Манго и попкорн. Все понял.

– Сиделки любят шоколад, мистер... э-э?..

- ВанРайен. Ричард ВанРайен. Кэтрин уже была сегодня?
 - Пока нет. Но полагаю, скоро придет.
 - Ладно. Спасибо, э-э, мисс?..
 - Тами. Меня зовут Тами. Пенни одна из моих любимых постояльцев.
 - Рад это слышать. До скорой встречи.
- Я повесил трубку. Мне нужно сделать несколько покупок.
Наряду с кучей лебезений.

Я остановился в дверях комнаты Пенни Джонсон, рассматривая ее внешность. Она была маленькой, пухленькой женщиной с белоснежными волосами и пухлыми щеками, которые были испещрены морщинами вплоть до глаз. Она подняла глаза на мой стук, с подозрением осматривая меня.

- Могу я вам чем-нибудь помочь?

Я зашел в комнату, держа в руке огромный букет.

- Здравствуйте, Пенни. Я – Ричард ВанРайен, друг Кэтрин.

– Правда? – она потянулась принять цветы. Из угла захлопал крыльями пестрый попугай, громко кудахтая. – Меня зовут Пенелопа. Я пока не давала вам позволения называть меня Пенни.

- Прощу меня простить, Пенелопа.

Я чуть поморщился на шум, издаваемый птицей, и вытащил свою вторую покупку.

- Я принес Джои лакомство.

- Что вы принесли?

Я порылся в пакете.

- Я принес ему манго. Положить его в клетку?

Она поджала губы, посмотрев на меня снизу-вверх.

- А вы умом не блещете, да?

- Простите, что?

- Он не может есть целое манго, молодой человек. Его нужно нарезать.

Я посмотрел на манго, потом на птицу.

– Ой. – Из пакета я вытащил упаковку с попкорном для микроволновки, которую забрал из шкафа. Кэтрин ела много попкорна. – Полагаю, мне и это следовало приготовить.

Она начала смеяться. Громкие раскаты веселья эхом отдавались от стен.

- Должно быть Кэти вы нравитесь за ваш внешний вид, ведь вряд ли из-за мозгов.

Я не смог сдержать ухмылки от ее острого языка. Кого-то она мне напоминала – женщину, которую я когда-то называл Нэна. За то небольшое время, что я знал Нану – она была единственным человеком, который обо мне заботился. Она была резкой, прямолинейной и без проблем выражала свое мнение.

Потянувшись слева от себя, она нажала на стене кнопку вызова сиделки.

– Тами положит их в воду и нарежет манго для бедного Джои. А если я ее любезно попрошу, то принесет нам кофе.

Я поковырялся в пакете и протянул шоколад. По крайней мере, с этим я справился.

- Возможно, это поможет.

Она выгнула бровь.

– Может с вами еще не все потеряно. А теперь присаживайтесь и расскажите, как вы познакомились с моей Кэти... и почему вы зовете ее Кэтрин. – Она улыбнулась, когда я достал вторую коробку шоколада. – Если это для меня, то разрешаю называть меня Пенни.

Пенни Джонсон была яркой, умной и, как я узнал, полна историй о Кэтрин в подростковом возрасте. Однако, как оказалось, ее краткосрочная память была шаткой.

Не единожды я подмечал пелену, застилавшую ее взор, и она начинала запинаться, если я задавал какие-то вопросы о настоящем. Тогда я вернул ее к более связным временам, спросив о том, как она повстречала Кэтрин. Она просияла и рассказала подробную версию услышанной мной вчера истории. Она описала худую, напуганную девчущку, которую обнаружила роящейся в мусорном контейнере в поисках еды. Она рассказала о боли и нужде, которую увидела в голубых глазах Кэтрин, и как поняла, что ей суждено было найти ее в тот роковой день. Я

почувствовал ту любовь, которую она испытывала к юной Кэтрин, и обнаружил, что мне нравилось слушать о ее жизни.

После этого Пенни выбралась из плена своих воспоминаний, попросив принести что-нибудь попить. К тому моменту, пока нашел Тами, та показала мне кухню и я вернулся в комнату, Пенни уже дремала в своем кресле. Ее птица все еще сидела в углу, махая крыльями, а музыка, которая лилась из проигрывателя, когда я только приехал, создавала в комнате нежный фон.

Оглядевшись, было легко понять, почему Кэтрин хотела, чтобы она оставалась тут и почему так усердно работала, чтобы это длилось подольше. Комната Пенни была светлой и просторной, с большими окнами и наполненной мольбертами, коробками с грифельными мелками, карандашами и акварелью. На полках стояли книги и фотографии, а на стенах висело множество ее работ.

Меня окатило непривычным чувством вины, когда я вспомнил маленькую картину, которую Кэтрин принесла домой в ту первую субботу. Тогда, с присущей мне язвительностью, я сказал, что она не может повесить ее в кондо. Волна вины и стыда превратилась в цунами, заполонив мой разум, а ее колючие щупальца впились мне в кожу. Я заерзал на стуле от несвойственных мне странных эмоций.

– Ричард? – потрясенный возглас Кэтрин напугал меня. – Что ты тут делаешь?

Я встал на ноги, голову захлестнуло еще больше вины. Она выглядела обессиленной, и я знал, что это из-за меня.

– Я пришел познакомиться с Пенни.

– Зачем?

– Я почувствовал, что это важно.

– Не ожидала увидеть тебя уже на ногах.

Я прочистил горло, испытывая еще больший дискомфорт.

– О том...

Она вскинула руку.

– Не здесь.

Я мелкими шажками приблизился к ней.

– Ты дашь мне возможность поговорить с тобой? Я задолжал тебе извинения. – Я вздохнул.

– Думаю, много извинений.

– Мне не нужна твоя жалость.

– Этого и не будет. Все, о чем я прошу – это возможность цивилизованно поговорить.

– А ты *можешь* быть цивилизованным?

– Я хочу попытаться. Пожалуйста, Кэтрин.

Она поджала губы.

– Это как-то связано с тем, что должно произойти сегодня днем?

– Я не жду, что ты все-таки выйдешь за меня сегодня.

– Серьезно?

– После того как я вел себя прошлой ночью, нисколько. – Я протяжно вдохнул, потирая затылок. – Я буду признателен, если ты это сделаешь, но ничего не жду.

– Ты вроде как объявил об этом вчера. Я пыталась тебя остановить. – Она махнула рукой.

– Но ты видимо был настроен решительно.

– Знаю. Я слишком много выпил и, похоже, бездумно трепал языком. Я разберусь с этим. – Я провел рукой по раскалывающемуся виску. – На данный момент я счастлив, что ты вообще со мной разговариваешь.

Она закусила щеку, как делала, когда нервничала. Прежде чем она вновь заговорила, Пенни пошевелилась и открыла глаза.

– Здравствуй, моя Кэти.

Кэтрин прошла мимо меня и поцеловала Пенни в щеку.

– Как ты себя чувствуешь сегодня?

Пенни потянулась и ущипнула ее за нос.

– Я в порядке. – Она дернула подбородком в мою сторону. – Почему я не слышала об этом до сегодняшнего дня?

Кэтрин улыбнулась и покачала головой.

– Думаю, что-то я все же упоминала.

– Не очень умен, но приятен глазу и у него хороший вкус в выборе шоколада и цветов.

Я хмыкнул на шокированное выражение лица Кэтрин и был благодарен, что Пенни по-прежнему была с нами и осознанно. Тами сказала, что ее сознание дрейфовало, она часто приходила в замешательство и терялась, когда просыпалась после дремы. Мне не хотелось быть тем, кто застал ее сегодня в сознании и лишил Кэтрин такого шанса. Я не был уверен, что смогу вынести еще больше вины.

Я взял свое пальто.

– Я покину вас, дамы.

Склонившись, взял Пенни за руку и поцеловал тыльную сторону ладони, ее вены как синяя паутина просвечивали через тонкую, белесую кожу.

– Пенни, это было честью.

– Если принесете еще шоколада, то можете вернуться.

– Так и сделаю. – Я положил ее руку обратно ей на колени. – Кэтрин, можно тебя на секундочку?

Мы вышли в коридор.

– Ты приехала на машине? – спросил я, подумав, что дождусь ее, если она пешком.

– Да.

Я посмотрел на ее руку.

– Где твоё кольцо?

– Я не надеваю его, когда прихожу сюда. Это смутит Пенни. Оно в безопасности, в моей сумочке.

Это имело смысл. Я испытал облегчение, когда она не сказала, что это потому что наш уговор отменяется.

– Ладно. Хорошо. Увидимся позже в кондо?

Она колебалась, храня молчание.

– Что?

– Если я... если я соглашусь выйти за тебя сегодня, ты дашь мне кое-что? Считай это свадебным подарком.

– Чего ты хочешь?

– Я хочу узнать твою историю. О твоём детстве.

– Я не говорю о своём прошлом. – Твердость в моём голосе намекала, что это не обсуждается.

Она вся вытянулась в струнку, распрямив плечи.

– Тогда сам на себе и женись, ВанРайен. Увидимся позже в кондо.

Я схватил ее за руку, прежде чем она успела уйти.

– Кэтрин, – начал я устало.

Наши взгляды встретились, и я увидел ее решимость.

– Ладно. Выходи за меня сегодня, и я тебе расскажу.

– Обещаешь?

– Да.

– Хочу, чтобы ты носил кольцо.

– Ладно, – фыркнул я. – Ничего вычурного.

– Можешь сам выбрать.

– Хочешь еще чего-нибудь в качестве подарка? – мой голос был пронизан сарказмом.

– Нет, твою историю и кольцо.

– Схожу сейчас же и куплю.

– Тогда я выйду за тебя сегодня.

На мгновение я был ошеломлен. Я ожидал воплей, обвинений и споров. Возможно, даже слез и что на этот раз она пошлет меня на самом деле. Ее согласие меня удивило.

– Спасибо. В три часа?

– Встретимся дома. – Она развернулась и зашла в комнату Пенни, оставив меня ошарашено пялиться ей в спину.

Когда это мисс Эллиот стала силой, с которой приходится считаться?

Я понятия не имел, но впервые испытал благодарность, что она на моей стороне.

РИЧАРД

Я ЖДАЛ НА КУХНЕ, вышагивая из стороны в сторону и теребя свой галстук. Чертова шутовина не ложилась ровно, что бы я ни делал, словно забыл, как правильно завязывать Виндзорский узел. Это было не из-за того, что я якобы нервничал. Мне незачем было переживать – мы с Кэтрин просто произнесем пару слов, оставим подпись на клочке бумаги и на этом покончим с брачными формальностями. Это был еще один этап моего плана. Все просто. И ничего не значит.

Я снова дернул за шелк. Почему этот чертов галстук не ложится ровно?

– Продолжишь так дергать, и скоро от него ничего не останется, Ричард. Чем тебе галстук-то не угодил?

Вздвогнув, я поднял голову. Кэтрин стояла в дверях и выглядела такой же нервной, однако гораздо симпатичнее меня.

– Ого!

На ней было простое платье кремового цвета, которое обтягивало ее узкую талию и струилось пеной до колен. Верхняя часть была кружевной и подчеркивала ее тонкую шею и руки. Волосы были заколоты и спадали на одну сторону каскадом из кудрей. Оттенок ее платья цвета шампань выгодно акцентировал цвет ее волос. Я опустил взгляд вниз, с улыбкой глянув на ее туфли – миниатюрные на маленьком каблучке, они были идеальными. Уже привыкнув к тому, как она вписывается мне под руку, сейчас мне не хотелось, чтобы она была выше.

Я приблизился к ней, взял ее руку и поцеловал.

– Выглядишь чудесно.

Она потупила взгляд, а затем расправила плечи.

– Спасибо.

– Нет. Спасибо тебе.

– За что?

– С чего мне стоит начать? В первую очередь за то, что согласилась на эту сделку. За то, что держишь слово, хотя у тебя было полное право послать меня к черту. – Потянувшись, я закрутил длинный локон вокруг пальца, потеряв мягкую прядь ее волос, после чего отпустил, позволив вновь принять свою волнистую форму. – За то, что являешься лучшим человеком, чем я, – добавил я совершенно искренне.

Ее глаза сияли.

– Это самое лучшее, что ты когда-либо мне говорил.

– Знаю. Я не очень-то и пытался не быть таким +засранцем, верно? – я встретился с ней взглядом, не желая отводить его. – Я буду стараться сильнее.

Она яростно прикусывала внутреннюю часть щеки.

– Эй. Хватит, – хохотнул я, проведя пальцем по ее щеке. – Никакого кровопролития в день нашей свадьбы.

Уголки ее губ изогнулись в улыбке. Я склонился, подобрал маленький презент, который для нее подготовил, и протянул букет цветов.

– Это тебе.

– Ричард!

– Я подумал, что они тебе понравятся, – сказал я, чувствуя себя неловко.

Она зарылась носом в маленький букетик.

– Я их обожаю. – Она нахмурилась. – А как же ты?

– Я не понесу букета, – ухмыльнулся я, желая разбавить серьезный тон, возникший между нами.

Она с усмешкой покачала головой и отошла порыться в ящиках. Кэтрин взяла свой букет и выдернула из него одну розу, после чего аккуратно прикрепила ее к моему лацкану, при этом ее маленькие пальчики подрагивали. Она пригладила мой галстук и похлопала по материалу с довольным видом.

– Вот так. Теперь ты готов.

– А ты готова? – спросил я, чуть ли не боясь ее ответа.

– Да.

Я подставил локоть.

– Давай поженимся.

Это была простая церемония. Только мы вдвоем и свидетели, которых никто из нас не знал. Были произнесены слова, произведен обмен короткими клятвами, и нас объявили мужем и женой. Я надел ей тоненькое колечко с бриллиантом и, как она потребовала, позволил надеть себе на палец скромное платиновое кольцо. Я уставился вниз на свою руку, размял пальцы и сжал кулак, прикосновение холодного металла ощущалось на коже как нечто инородное. Кэтрин наблюдала за мной, и я ей улыбнулся.

– Метка уже стоит, так что полагаю теперь все официально.

Мировой судья усмехнулся:

– Только после того, как поцелуете свою невесту.

Я склонил голову, наши взгляды соединились. Я слегка провел губами по ее губам, скользнул рукой ей на затылок, крепче прижимая к себе, и глубоко поцеловал. В конце концов, я имел на это право – она была моей женой. Когда я отстранился, она открыла глаза, и я был поражен подлинной добротой ее взгляда. Ее улыбка была искренней, и я ответил ей тем же, оставляя еще один быстрый поцелуй на ее полных губах.

– Мы женаты, Ричард.

Я не понимал, почему эти слова порадовали меня, и все же это было так.

– Да, женаты. А теперь надо отправляться на ужин с семейством Гэвин. Какова вероятность, что все пройдет скромно?

– Практически никакой... но именно ты на это согласился.

– Знаю. Не напоминай. Давай подпишем бумаги и отправимся расхлебывать эту кашу.

– Ладно.

Мы притормозили перед их домом. Я припарковался и огляделся, вздохнув с облегчением.

– Никаких других машин.

– Слава Богу.

Я бросил взгляд на мисс Эллиот.

Кэтрин.

Миссис ВанРайен.

Мою жену.

Срань господня. Я был женат.

– Ричард? Что такое? Ты побледнел.

Я потрянул головой.

– Спасибо тебе. Серьезно, Кэтрин. Я действительно тебе благодарен.

– Знаю.

– Не думаю, что могу...

– Нет.

– Ты же не знаешь, что я собирался сказать.

– Ты пытался заставить меня забыть о том, что я собираюсь послушать историю твоего детства.

– Это обычная отроческая хрень, Кэтрин. Зачем ее ворошить?

– Я чувствую, что это важно.

Я со стоном опустил голову на руки при виде того, как она использовала мои же слова против меня.

– Пожалуйста, Ричард.

– Ладно, – фыркнул я. – Позже.

– Я подожду.

– Хорошо. Давай заканчивать с этим дерьмом.

Она закатила глаза, раздраженно фыркнув.

– Вообще-то всё заняло от силы три минуты.

Я потел свой затылок.

– Для меня это непростое дело.

– Я так и поняла, но в данный момент мы говорим не об этом. Прямо сейчас твой новый босс со своей семьей устраивает в нашу честь праздничный ужин. Так что вытащи свою голову из задницы, улыбнись и веди себя так, словно чертовски обожаешь меня, – заявила она, вновь возвращая мне мою же фразу.

С этими словами, она вышла из машины и склонилась к окну.

– Ты идешь?

Обалдевший, я мог лишь кивнуть.

Вероятно, все было сделано настолько скромно, насколько Гэвины смогли сделать. В задней части гостиной был накрыт экстравагантный стол с тюлем, маленькие лампочки, цветы и свечи, мерцавшие от легкого бриза, обрамляли помещение. В углу стоял небольшой столик со свадебным тортом. У Кэтрин были просто огромные глаза, когда она посмотрела на меня.

– Как они сделали это за один день?

– Плоды наличия связей и денег, – пробормотал я. Должен признать, я был впечатлен.

Наши хозяева сияли улыбками, когда мы приехали, Лора крепко обняла Кэтрин. Грехам хлопнул меня по плечу, поздравляя, и дальше понеслись объятия и рукопожатия от остальных членов семейства. Они были определенно показательной семьей. Я отступил назад, хватая руку Кэтрин как талисман. Может, если бы я коснулся ее, они все перестали бы меня обнимать.

Ужин был экстравагантным, шампанское лилось рекой, но на этот раз я себя сдерживал. Лишь пригубил немного вина и большую часть вечера пил воду. Может, во время церемонии и не было никаких фотографий, но Дженна и Лора восполнили это своими мобильными, постоянно щелкая ими и требуя поцелуев. К счастью на этот раз Кэтрин была достаточно пьяна, чтобы не особо возражать. Вообще-то она даже с нетерпением приподнимала голову, улыбаясь и принимая мои ласки. Копируя прочие пары за столом, большую часть времени я обнимал ее одной рукой, пробегая пальцами по ее оголенной коже. При случае я разворачивался, чтобы оставить поцелуй на ее мягком плече или шее и прошептать какую-нибудь бессмысленную реплику ей на ушко, вызвав ее улыбку или смех. Мы являли собой образ счастливой влюбленной пары.

В какой-то момент Дженна развернулась к ней.

– Ой, Кэти! Чуть не забыла. Я преподаю йогу и новые классы начинаются со следующей недели! Пожалуйста, приходи! Тебе понравится.

Джулия кивнула:

– Адам присматривает за детьми, а я хожу на все классы – даже для начинающих – мне очень нравится. Дженна замечательный учитель.

В глазах Кэтрин вспыхнул интерес.

– О, с радостью! Я всегда хотела попробовать. Когда?

– Вечерами по вторникам – это восьминедельный курс для начинающих. А перед переходом на следующий уровень предусмотрен перерыв.

Свет в ее глазах померк.

– Я не смогу – по вторникам в частном доме вечера музыки. Приезжают местные группы и развлекают постояльцев. Я вожу Пенни на все такие вечера, ей это нравится. Мне бы не хотелось пропускать их, она может не пойти без меня.

Во время своего визита я заметил список на доске объявлений у Пенни. На этой неделе был вечер джаза. Я любил джаз. От факта того, что Кэтрин хотела пойти на йогу, мне захотелось дать ей такую возможность, поэтому произнес:

– Я схожу с ней.

– Что?

– А ты иди на урок. Ты же говорила, что хотела попробовать йогу. Я поужинаю с Пенни и отведу ее на лаунж. – Слегка поддел ее локтем. – Ты же знаешь, я люблю джазовую музыку. – Я подмигнул, поддразнивая ее. – Может, она научит тебя держать равновесие.

– Как здорово! – с восторгом воскликнула Дженна.

– Это *каждый* вторник, – с нажимом сказала Кэтрин.

– Все нормально. – Я любил любую музыку, за исключением хеви-метал, и сомневаюсь, что этот жанр будет включен в их перечень. – Полагаю, что некоторое время у нас с Пенни по вторникам будут свидания.

Она наклонилась ближе и прошептала:

– Ты уверен?

– Да, – пробормотал в ответ. – Я бы хотел провести с Пенни чуть больше времени. – Я встретился с ней глазами. – Честно.

Она поцеловала меня в щеку.

– Спасибо, – выдохнула она мне на ухо.

Повернувшись, я поймал ее рот.

– Пожалуйста.

Со вздохом я откинулся. Мне было приятно, что я мог что-то для нее сделать. Я увидел, как Грехам смотрит на меня, одобрительно кивая, и опустил голову, почти смущенный его молчаливой поддержкой.

Какой странный, эмоциональный день.

После ужина Лора заставила нас передвинуть стол в сторону, освобождая пространство, и настояла на том, что нам нужно станцевать. Слава богу мы практиковались, я протянул руку, улыбаясь Кэтрин:

– Готова станцевать со своим мужем?

Ее улыбка была робкой, но настоящей, когда она вложила в нее свою ладонь.

– Да, сокровище мое. Только не потратить на танцполе всю свою энергию.

Я подмигнул.

– Об этом не волнуйся, душенька.

Я повел ее на танцпол под всеобщий смех. Она подстроилась под меня, когда мы задвигались под музыку. И вновь меня поразило, как хорошо она мне подходит – ее голова была на идеальной высоте, чтобы доходить как раз мне до подбородка. Я вдыхал ее приятный запах, наслаждался шелковистостью ее волос на моей коже. Когда мы кружились по залу, синхронно делая шаги, я просто сиял.

Я выбрал идеальную фиктивную жену.

Последовали еще объятия, добрые пожелания и улюлюканья, когда мы уезжали. В машине мы оба хранили молчание. Я продолжал поглядывать на Кэтрин.

– Ты в порядке?

– Хmmm.

– Голова не болит?

Откинувшись на подголовник, она кивнула.

– Я в порядке. Был хороший день.

– Нормальный для скорой свадьбы на мудаке?

– Вошел прямым в мою лучшую десятку.

Я усмехнулся. Свойственный ей юмор проявлялся с каждым днем все больше, и мне это нравилось.

– Насколько Адам старше Дженны?

– Думаю лет на десять. Она сказала, что была своеобразным сюрпризом.

– Всеобщая малышка.

– Думаю, зажигалочка. Адам гораздо более степенный.

– Как Грехам, – задумчиво изрекла она. – Они все мне нравятся. Замечательные люди.

– А ты нравишься им.

– Я стараюсь не испытывать вины, – призналась она. – Они были так добры.

– Никто при этом не пострадает, Кэтрин. Я собираюсь полностью выложиться для Грехама. Он получит такого же преданного человека, как любой член его семьи, заботящегося о процветании его компании.

– И все же, после...

– Давай об этом мы будем беспокоиться позже. Впереди еще долгие месяцы. Не зацкливайся на этом.

Некоторое время она молчала.

– Спасибо, что предложил провести время с Пенни.

Я пожал плечами. Я был благодарен, что она это позволила.

– Как я уже говорил, она мне понравилась. Мне нужно узнать ее получше. В качестве твоего мужа, даже следует. Это было бы естественно.

Она хмыкнула, соглашаясь.

– Думаю, ты их убедил. Даже Грехама, – добавила она. – Он наблюдал за нами, и думаю, ему понравилось то, что он увидел.

– Согласен. Спасибо тебе. Очередное прекрасно выполненное задание, мисс Эллиот.

– Уже миссис ВанРайен благодаря тебе.

От ее слов странная пульсация прошла у меня в груди.

– Признаю свою ошибку. Миссис ВанРайен.

Она отвернулась к окну.

– И это не было лишь работой, – прошептала она так тихо, что я едва смог разобрать.

На это мне нечего было ответить. И все-таки по какой-то причине я нашел в темноте ее руку и сжал ее.

И не выпускал всю дорогу до дома.

Она уснула прежде, чем мы подъехали к нашему дому. Я знал, что она устала после вчерашней ночи и сегодняшних событий, поэтому решил не будить. Открыл дверцу, взял ее на руки и отнес в кондо. В моих руках она была такой маленькой, ее голова покоилась на моем плече. Я обнаружил, что не могу отвести от нее глаз, пока лифт поднимал нас вверх. Оказавшись в ее комнате, я уложил ее на кровать, не зная, как поступить с платьем. Она чуть встрепенулась, и с моей помощью нам удалось стянуть платье ей через голову, затем она откинулась назад и уже глубоко заснула.

Я присел на край кровати, впитывая ее спящий образ. Кружева под стать платью прикрывали ее грудь, треугольник аналогичного шелка скрывал от моих глаз ее нетронутое лоно. Хотя я всегда считал, что она не моего типа, к собственному удивлению я находил сексуальными деликатные изгибы и выпуклости ее тела. Осторожно я провел пальцем по ее ключице, вниз по ее груди и животу. На ощупь ее кожа была словно атлас. Во сне она поежилась и повернулась на бок, бормоча что-то бессвязное. Она свернулась калачиком и поджала пальчики ног, продолжая спать.

Я откинул назад темные пряди ее волос и стал изучать лицо, которое раньше называл невзрачным. Оно было каким угодно, но уж точно не невзрачным. Ее скулы были ярко выраженными, и она по-прежнему была слишком худой, зато теперь я знал, что она в безопасности, у нее есть возможность правильно питаться и теперь меньше забот, все это поспособствует возвращению веса. Признаки усталости исчезнут из-под глаз, и скрытая, искренняя красота, которую видели другие и, наконец, обнаружил я, полностью засияет.

Я тряхнул головой от странных мыслей возникших о Кэтрин. Сегодняшний день был полон эмоций, которые я редко, если вообще когда-либо, испытывал. Я знал, что без сомнения это из-за женщины, лежащей сейчас передо мной. И все равно по-прежнему не понимал *почему*.

От ее вида мое тело всколыхнулось, и меня окатила новая волна стыда. Каким бы притягательным не был ее полуобнаженный вид, мне не следовало пялиться на нее, пока она спит. Наспех я натянул одеяло ей до подбородка и выключил свет. Оставив приоткрытой ее дверь, я пошел к себе готовиться к ночи беспокойного сна. Усталость, которая вынудила ее уснуть в машине, послужила лишь небольшой отсрочкой. Я знал, что поутру она потребует причитающуюся ей историю. Еще знал, что расскажу ей, потому что самое главное то, что я был у нее в долгу.

Приняв душ, я уставился на свое отражение в зеркале. Внешней оболочке завидовали многие. Той, что скрывала пустого, потерянного человека. Я игнорировал и хоронил его в течение долгих лет, а теперь Кэтрин собиралась вывести его наружу.

Я вздрогнул и уронил полотенце на пол. Я боялся этого разговора.

Пройдя через комнату, я широко распахнул свою дверь, хотя и знал, что сегодня ночью для нее не будет никаких успокаивающих посапываний.

Я скользнул в постель, а в голове промелькнула странная тоска.

Желание, чтобы она лежала тут, ожидая меня.

РИЧАРД

В ВОСКРЕСЕНЬЕ УТРОМ Я сидел за стойкой на кухне, приканчивая свою третью чашку кофе, когда она спустилась вниз. Налила себе кружку – я до сих пор не пробовал пользоваться кофе-машиной, которая вдруг появилась на прошлой неделе, так что ей пришлось его делать. Я ощущал ее украдкой брошенные взгляды, пока она ждала как «Keurig» сотворит свою магию.

– Что? – вздохнул я.

– Я заснула.

– Ты была утомлена.

– Я проснулась в своей кровати. Без платья.

Я изогнул бровь.

– По традиции муж переносит свою жену через порог и снимает с нее свадебное платье в ночь их бракосочетания.

Ее щеки загорелись темно-пунцовым цветом, подчеркнув изящные скулы.

Я усмехнулся и покачал головой.

– Ты помогла мне, Кэтрин, и уснула, а я накрыл тебя и вышел из комнаты. Подумал, что в противном случае тебе будет неловко.

– Оу.

Она села рядом со мной и сделала глоток кофе, прежде чем обратить внимание на свернутый пакет на столешнице.

– Что это?

Я пододвинул к ней коробку.

– Подарок.

– Мне?

– Да.

Она оказалась потрошителем, а не той, кто трепетно отклеивает скотч и аккуратно снимает бумагу. Она схватилась за угол и сорвала упаковку с ликованием ребенка в рождественское утро. От этого на моем лице появилась слабая улыбка. Она уставилась на коробку.

– Что? – я ухмыльнулся ее замешательству.

– Это вафельница.

– Ты сказала, что хочешь такую, вот я и купил. В качестве свадебного подарка, – усмехнулся я. – Я не смог запихнуть стол в подарочную упаковку. Полагаю, тебе придется самой его выбрать.

Она подняла на меня глаза.

– Подарок, который я хотела, стоит не больше, чем толика твоего времени.

В этом она ошибалась. Я знал, что она хотела того, что я пообещал ей за брак со мной.

– Ты не отступишься, не так ли?

– Нет. Ты знаешь мою историю, а я хочу узнать твою, – она приподняла упрямый подбородок, выпятив вперед ямочку. – Ты обещал.

Моя кофейная кружка стукнулась о гранит столешницы с чуть большей силой, чем следовало.

– Ладно.

Я слез со стула, испытывая напряжение и волнение. Подошел к окну, взглянув на город, на крошечные и далекие фигурки – такие же как мне хотелось бы, чтобы были те воспоминания.

Но Кэтрин желала вытащить их на поверхность.

– Мой отец был плейбоем. Богатым, испорченным и настоящим ублюдком, – у меня вырвался смешок, и я повернулся, чтобы посмотреть на нее напряженным взглядом. – Каков отец, таков и сын.

Кэтрин переместилась к дивану и устроилась на нем, сохраняя молчание. Я вновь развернулся к окну, не особо желая пересекаться взглядами.

– Он был недоступным, много путешествовал, в основном творил, что хотел, пока мой дед не упрекнул его в этом. Он сказал ему вырасти и пригрозил, что финансово его ограничит.

– О боже, – пробормотала она.

– Вскоре они с моей матерью поженились.

– Ну, твой дедушка должно быть был рад.

– Не особо рад. Ничего по сути не изменилось. Теперь они кутили вместе, по-прежнему путешествовали и тратили кучу денег. – Я переместился и сел на оттоманку напротив нее. – Он был в ярости и поставил ультиматум: если в течение года он не будет на коленях качать внука,

то перекроет им обоим кислород. Он также пригрозил изменить завещание, полностью вычеркнув из него моего отца.

– Твой дедушка кажется немного властным.

– Это я унаследовал от него.

Она закатила глаза и дала знак, чтобы я продолжал.

– Итак, я родился.

Я встретился с ней глазами.

– Я не был плодом любви, Кэтрин. А был рожден из жадности. Я не был желанным. Меня вообще *никогда* не хотели заводить.

– Твои родители не любили тебя?

– Нет.

– Ричард...

Я вскинул руку, останавливая ее.

– Все свое детство, всю свою *жизнь* я слышал, какой был помехой – для них обоих. Как я был у них для того, чтобы обеспечивать бесперебойное поступление денег. Меня растили няни и гувернантки, а как только достаточно подрос, меня отослали в школу-интернат.

Она начала в волнении теревить внутреннюю сторону щеки, не произнося ни слова.

– Всю мою жизнь меня поучали, что единственный человек, на которого можно положиться – это ты сам. Даже когда я возвращался домой на каникулы, мне были не рады.

Наклонившись вперед, я стиснул руками колени.

– Я старался. Очень сильно старался, чтобы они полюбили меня. Я был послушным. Преуспевал в школе. Делал все что мог, чтобы они меня заметили. Но ничего не вышло. Те подарки, что я делал в школе на День Папы и Мамы были отвергнуты. Мои рисунки выброшены в мусор. Я не припомню ни одного объятия или поцелуя перед сном, или чтобы родители прочитали мне книжку на ночь. Не было никакого сочувствия по поводу исцарапанных коленок или неудачных дней. Мой день рождения отмечался конвертом с деньгами. Рождество было аналогичным.

По ее щеке скатилась слеза, при виде которой я вздрогнул.

– Я очень рано в жизни понял, что любовь – это эмоция, которая меня не интересует. Она делала меня слабым. Поэтому я перестал пытаться.

– И никого не было? – прошептала она.

– Лишь один человек – воспитательница, когда мне было шесть. Ее звали Нэнси, но я звал ее Нэна. Она была в возрасте, доброй и вела себя со мной по-другому. Она читала мне, разговаривала, играла, слушала мою детскую болтовню. Она говорила, что любит меня. Противостояла моим родителям и пыталась уговорить их обращать на меня больше внимания. Она продержалась у нас дольше чем прочие, поэтому я помню ее лучше, чем других. Но в итоге она ушла, как и все остальные. – Я тяжело выдохнул. – Думаю, мои родители решили, что она плохо на меня влияет и уволили ее. Я слышал, как она спорила с матерью о том, что они держат меня в изоляции и что я заслуживаю большего. А спустя пару дней я проснулся и рядом была новая няня.

– Это ее тебе напоминает Пенни?

– Да.

– А с тех пор?

– Никого.

– Ты не был близок с дедом, да? Похоже, он больше всех тебя хотел.

Я покачал головой.

– Он хотел меня в качестве продолжателя рода ВанРайен. Я редко с ним виделся.

Она нахмурилась, но хранила молчание.

Я встал и зашагал по комнате, живот скручивало в узел по мере того, как я продолжал вспоминать.

– В конце концов, дошло до того, что мои родители едва могли выносить друг друга, не говоря уже обо мне. Дед умер, и они разъехались. Они два года перекидывались мной туда-сюда, – я схватился за затылок, боль в груди грозила сокрушить меня. – Ни один из них не хотел меня. Я переезжал с места на место, только чтобы меня можно было игнорировать. Моя мать постоянно порхала, путешествуя и ведя светскую жизнь. Множество раз я просыпался рядом с нянчащими меня незнакомцами, пока она отправлялась по своим увеселительным делам. Мой отец менял женщин как перчатки, я никогда не знал с кем столкнусь в коридоре или на кухне, – лицо исказила гримаса. – Я даже был по-настоящему благодарен, когда они отослали меня в интернат. По крайней мере, там я смог забыть.

– Правда смог?

Я кивнул.

– Я рано в жизни научился все раскладывать по полочкам. Я ничего для них не значил. Они довольно часто говорили мне об этом и демонстрировали своим пренебрежительным отношением. – Я шумно выдохнул. – У меня к ним тоже не было чувств. Они были людьми, которые платили за необходимые мне вещи. Наш контакт почти всегда ограничивался лишь обсуждением денежных сумм.

– Это ужасно.

– Так было всю мою жизнь.

– Никто из них повторно не женился? – спросила она, вновь нарушив тишину.

Я резко и горько рассмеялся.

– Мой дед поставил в своем завещании условие: если они разведутся, то отец будет на содержании. Мать не имела доступа к деньгам, поэтому официально они оставались женатыми. Отцу было плевать, у него было много ресурсов. Он трахался направо и налево, пока они были женаты, и продолжил это делать, когда они разъехались. Они договорились о ежемесячных выплатах, и она жила так как хотела, он поступал также. Обоюдовыгодный вариант.

– А ты потерялся в перетасовке.

– Кэтрин, я *никогда* не участвовал в этой перетасовке. Я был сброшенным Джокером в колоде. Как бы там ни было, в итоге это не имело значения.

– Почему?

– Когда мне было почти восемнадцать, мои родители были вместе на торжестве. Уже не помню, что именно это было – какое-то общественное мероприятие. Они были там важными фигурами. По какой-то причине уехали они вместе, полагаю, он подвозил ее домой, и пьяный водитель устроил им лобовое столкновение. Оба погибли мгновенно.

– Ты грустил?

– Нет.

– Ты же должен был что-то испытывать?

– Единственное, что я испытывал – это облегчение. Мне не нужно было ехать туда, где меня не хотели видеть, но посылали ради приличия. А что более важно, мне не нужно было притворяться, что мне есть дело до двух человек, которым было на меня плевать.

Склонив на мгновение голову, она издала непонятный тихий горловой звук. Ее реакция показалась мне странной. Она выглядела очень расстроенной.

– Так как они были все еще официально женаты, а их завещания никогда не подвергались изменениям, я унаследовал все, – продолжил я. – Все до последнего цента, что довольно иронично, учитывая, что единственный раз, когда они сделали для меня что-то хорошее, был в результате их смерти.

– Так ты позволяешь себе такой образ жизни?

– Не совсем. Я редко притрагиваюсь к своим активам. Использовал их лишь на важные вещи: на покупку этой квартиры и оплату моего образования. Я никогда не хотел жизни как у моих родителей – легкомысленной и расточительной. Я получаю удовольствие от работы и осознания, что могу самостоятельно выжить. Что никому ничем не обязан.

– Ты из тех средств платишь мне?

Я потер затылок, ощущая легкую испарину накатившего стресса.

– Я считаю, что ты важна, да.

Она вновь склонила голову, ее волосы упали вперед, скрыв лицо. Я сел рядом с ней и посмотрел на нее в упор.

– Эй, посмотри на меня.

Она подняла голову. Ее щеки были мокрыми от слез, глаза широко распахнуты, а руки так сильно вцепились в подушки дивана, что побелели костяшки.

– Почему ты так расстроена?

– Ты ожидаешь, что я останусь спокойной, услышав, как тобой пренебрегали всю твою жизнь?

Я пожал плечами.

– Это в прошлом, Кэтрин. Я же говорил тебе, что будет мало приятного. Однако это не относится к настоящему.

– Не согласна. Думаю, относится, Ричард.

Я качаю головой.

– Ничего не изменится от того, что я рассказал тебе свою историю.

– Возможно не для тебя.

– Я не понимаю.

– Да я и не удивлена.

– Что, черт возьми, это значит?

– Это многое для меня объясняет. Почему ты именно такой, когда общаешься с другими. Почему в жизни ни с кем не сближаешься. И почему не подпускаешь к себе людей.

Я вперил в нее взгляд.

– Не надо меня анализировать.

– И не собиралась. Я говорю то, что думаю, вот и все.

– Мне не нужны твои слезы или сочувствие.

– Это очень плохо, Ричард – потому что они есть. Твои родители были ужасными людьми, а ты – как и все дети – не заслужил, чтобы с тобой дурно обращались или игнорировали. – Она печально улыбается. – Но сейчас ты сам выбираешь, как тебе жить. Ты думаешь, что отпустил прошлое, но это не так. То, как ты видишь окружающий мир, как относишься к людям, лишь отражение того, как обращались с тобой. – Она встала и вытерла свои щеки. – Если ты позволишь себе попытаться, думаю, обнаружишь, что люди не всегда такие отвратительные, как ты о нас думаешь. Некоторые из нас действительно порядочные.

От ее слов я замер как вкопанный.

– Я не думаю, что ты отвратительная, Кэтрин – вообще-то совсем наоборот. Это я презренный человек.

– Нет, Ричард. Ты не презренный. Думаю, ты потерянный. Ты не позволяешь себе чувствовать. Но стоит это изменить, стоит только позволить себе связаться с кем-то, думаю, ты обнаружишь, что мир гораздо лучшее место. Любовь не делает тебя слабым. Настоящая, искренняя любовь делает тебя сильным.

С этими словами она наклонилась и оставила у меня на щеке легкий поцелуй. Я ощутил следы ее грусти на своей коже, влажность, оставшуюся после ее слез.

– Спасибо, что рассказал. И кстати сказать, я не думаю, что ты хоть как-то похож на своего отца. Ты просто так думаешь, потому что не знаешь, как вести себя по-другому. Мне кажется, если ты попытаешься, то можешь быть замечательным человеком.

Она развернулась и покинула комнату, оставив меня с богатой пищей для размышлений.

РИЧАРД

Я НЕ ЗНАЛ, ЧЕМ себя занять после разговора с Кэтрин. Ее слова продолжали эхом звучать в моей голове, заставляя усомниться в истинах, которых я придерживался все эти годы. Я ощущал себя выжатым, и нужно было остановить шквал мыслей, что я и сделал, отправившись в свой тренажерный зал. Усиленно потренировавшись и приняв душ, направился прямиком в свой кабинет. Я ожидал, что ко мне подойдет Кэтрин, желая продолжить разговор, которого мне хотелось избежать, но она была занята на кухне и даже не удосужилась взглянуть в мою сторону, когда я проходил мимо.

На столе меня ожидала тарелка с сэндвичами и термос с кофе. С минуту я таращился на подношение, после чего пожав плечами, зарылся в принесенные домой документы. Был уже ранний вечер, когда я увидел ее снова.

– Ужин готов, если ты проголодался.

Щурясь, я поднял взгляд.

– Ричард, тебе нужно больше света, – она подошла и, качая головой, щелкнула по моей настольной лампе. – И, возможно, очки для чтения. Я заметила, как близко при чтении ты подносишь к лицу предметы.

Я посмотрел вниз, понимая, что она права.

– Запишу тебя на консультацию, – предложила она, ее губы тронула улыбка. – Сомневаюсь, что это входит в должностные инструкции твоего ассистента.

Я хмыкнул, хотя и закатил глаза. Когда в пятницу я встретился с Эми и огласил список моих ожиданий, она удивила меня наличием собственного перечня. Личные помощники в «Гэвин Групп» разительно отличались от «Андерсен Инк». Она была там, чтобы подготавливать и копировать документы, решать организационные вопросы и даже, *при случае*, приносить мне ланч, но не для того чтобы варить мне кофе, делать бейгл или забирать мои вещи из химчистки. Сказать, что меня поставили на место, будет преуменьшением. Она была достаточно любезна, чтобы показать мне большой лаундж для сотрудников, как пользоваться кофе-машиной и где найти бейглы и другую разнообразную еду, которую Гэвин предоставлял для своего персонала.

Когда я рассказал об этом Кэтрин, ей пришлось выскочить из комнаты, чтобы скрыть свой смех.

– *Это не смешно!* – прокричал я ей вдогонку.

– *Однако это так,* – раздался из коридора ее сухой ответ.

Должен признать, она была права. Если подумать, меня бы не убило встать и самому взять кофе. Это была хорошая возможность размять ноги. В любом случае, у меня было такое чувство, что Эми поскупилась бы обильно намазать на мой бейгл сырного крема. Кэтрин всегда готовила его именно так, как мне нравилось.

– Господи, я старею, – пробурчал я. – Очки для чтения.

Она рассмеялась.

– Да, тридцать два – древний просто. С тобой все будет в порядке. Уверена, что они тебе пойдут.

Я изогнул бровь.

– Ах, так? Хочешь сказать, что в очках буду еще сексуальнее?

– Я ничего не говорю. Твое эго итак довольно большое. Если хочешь ужин на кухне.

Со смехом я выключил свет и все еще настороженно последовал за ней на кухню. Некоторые из моих самых ярких воспоминаний из детства касались постоянных разногласий между родителями. Моя мама была как собака с костью, отказываясь уступать хоть на йоту. Она пилила отца, который в конечном итоге взрывался. Я беспокоился, что Кэтрин попытается ухватиться за нити нашего предыдущего разговора, но она ничего не сказала. Напротив, когда мы ели, она всунула мне образец краски.

– Что думаешь?

Я рассматривал зеленоватый цвет.

– На мой вкус немного женственный.

– Это для моей комнаты.

– Если тебе нравится, то дерзай.

Она протянула мне еще один пробник, я взял его в руки. Насыщенный бордовый оттенок был глубоким и ярким. Он мне понравился.

– Для какой?

– Я подумала о стене вокруг камина. Чтобы расставить акцент в комнате.

Расставить акцент в комнате? Это еще что, черт подери, означает?

– Только одну стену?

– Я подумывала окрасить остальные в насыщенный кремовый.

С этим я мог бы ужиться.

– Хорошо.

Далее возник образец материала. Он был для диванов, из твида с вкраплениями того же бордового цвета на темно-коричневом.

– Это для чего?

– Несколько кресел для комнаты.

– Мне нравится моя мебель.

– Мне тоже, она довольно удобная. Я думала добавить, может немного видоизменить. Они будут красиво смотреться у камина.

– Что еще?

– Пару подушек и несколько других штрихов. Ничего существенного.

– Никаких излишеств или девчачьего дерьма. В своей комнате делай, что хочешь.

Она усмехнулась.

– Никакого девчачьего дерьма. Обещаю.

– Кто занимается покраской?

– Что?

– Кого ты наняла?

– Я сама делаю.

– Нет.

– Почему?

Я развернулся на своем стуле, жестом указывая на обширное пространство.

– Эти стены двенадцать футов в высоту, Кэтрин. Не хочу видеть тебя на раскладной лестнице.

– В моей комнате обычная высота потолков. Я люблю красить. Мы с Пенни делали это вместе, и я довольно хороша в этом.

Я постукивал по столешнице одним из образцов красок. Как мне заставить ее понять, что ей больше не нужно заниматься такими вещами? Терпеливым тоном я попытался еще раз.

– Тебе не нужно красить. Я заплачу, чтобы это сделали.

– Но мне нравится этим заниматься. Я буду осторожна.

– Давай договоримся. Ты красишь свою комнату и когда придет время, мы обсудим это.

– Ладно.

В глаза бросился еще один образец ткани. Наклонившись, я взял его в руки, ощупывая толщину плетения. Насыщенный темно-синий и бриллиантовый зеленый переплетались в «шотландку» на ярком фоне. Я поднял его, изучая. Он не казался подходящим для какой-либо из комнат.

– Тебе нравится?

– Да, бросается в глаза. Для чего это?

Она опустила глаза в стол, к ее коже начала приливать кровь.

– Что?

– Я подумала может тебе захотелось бы переделать свою комнату, когда закончу с остальными. Я увидела этот образец и подумала про тебя.

– Я похож на ткань в клетку?

– Нет, – ответила она со смешком. – Цвета, они похожи на твои глаза. Смешение зеленого с синим – удивительная комбинация.

Мне нечего было сказать, но по какой-то причине я почувствовал, что теперь уже сам покраснел. Я подвинул в ее сторону образец и встал.

– Посмотрим, как получатся другие. Что-нибудь еще?

– Мне, э-э, мне нужно убрать вещи из шкафа. Не хочу, чтобы на них попала краска.

– У меня большая гардеробная. Я даже половиной не пользуюсь. Перевесь свои вещи туда. Там есть несколько очень высоких вешалок, на которые можно повесить твои платья.

– Ты не будешь возражать?

– Все в порядке.

– Спасибо тебе.

Я качнул головой и вернулся в кабинет. Я посмеивался, вновь проигрывая весь разговор в своей голове, когда понял, как по-домашнему все это выглядело: обсуждение с собственной женой образцов красок и тканей за ужином. Мне следовало ненавидеть это.

Тем не менее, почему-то, я этого не делал.

Раздались раскаты грома, над головой нависли тяжелые и низкие тучи. Я развернул кресло, глядя на потемневшее послеполуденное небо за окном. Морщась, потер затылок, ощущая явные признаки головной боли. Она бывала редко, но я всегда чувствовал ее приближение, а неожиданный шторм был определяющим фактором.

В тот день в офисе было спокойно, не наблюдался привычный гул активности. Адриан уехал в срочную командировку, Адам был с клиентами, а Дженны не было. Грехам забрал Лору на уикэнд-сюрприз, все остальные сотрудники занимались делами на своих рабочих местах.

Находясь в «Гэвин Групп», я открыл для себя совершенно новую атмосферу в деловом мире. Энергия по-прежнему была ключом, помещение гудело голосами, встречами и стратегиями, но разительно отличалась от «Андерсен Инк». Она была позитивной, почти благоприятной. Как мне и говорил Грехам, они работали вместе как команда: администраторы, личные помощники, дизайнеры – все были задействованы и вовлечены на равных. Эми была таким же ценным сотрудником, как я. Мне потребовалось немного привыкнуть к этому, но я начал акклиматизироваться.

Вздохнув, я осознал, что акклиматизировался и в других вещах. До Кэтрин я работал до поздней ночи, присутствовал на множестве деловых ужинов и встречался с кучей женщин. Находясь в кондо, я пользовался тренажерным залом, смотрел наобум программы по ТВ и заходил на кухню только ради того, чтобы взять кофе или тарелку для принесенного ужина «на вынос». В остальное время я просиживал в кабинете за работой или чтением. Изредка у меня бывала компания: редко я приводил домой женщину. Моя квартира была моим личным пространством. Если требовалось, мы либо шли к ней домой, либо я брал номер в отеле. В редких случаях мои отношения длились дольше пары свиданий, я приглашал их на ужин, но в конце вечера они отправлялись к себе домой и никогда не добирались до второго этажа моего кондо.

Теперь же на тех деловых ужинах, которые я посещал, рядом со мной была Кэтрин, а за столом сидели мои коллеги со своими женами и, конечно, семейство Гэвинов.

На одном из таких ужинов я поднял глаза и встретился с леденящим взглядом Дэвида на другом конце комнаты.

Я знал, что Дэвид слышал о моей женитьбе, а мое имя не следовало произносить в священных стенах «Андерсен Инк». Я нашел его гнев забавным. Сильнее сжал рукой плечо Кэтрин, вынуждая ее посмотреть на меня.

– Что? – прошептала она.

– Дэвид, – пробормотал я.

Развернувшись ко мне, она украдкой бросила взгляд в его сторону.

– Думаю, сейчас мне нужен поцелуй.

– Ты читаешь мои мысли.

С шаловливой улыбкой, я склонил голову. Ее пальцы вцепились в волосы на моем затылке, в то время как она притянула меня ближе, прижимаясь к моим губам. Это был жесткий, глубокий и слишком быстрый поцелуй, достаточный, чтобы еще сильнее разозлить Дэвида, но не смутить Грехам. Когда мы разорвали поцелуй, Дженна хихикала, а Дэвид направлялся к выходу. Я оставил еще один поцелуй на губах Кэтрин.

– Молодчина.

Большинство вечеров я ужинал с Кэтрин и обнаружил, что рассказываю о том, как прошел мой день, делюсь с ней своими проектами, желая услышать ее мнение. Она знала меня лучше, чем кто-либо в офисе и частенько придумывала словечко или концепцию, которые я до этого не рассматривал. Вместо того, чтобы сидеть в кабинете, я часто приносил ноутбук в гостиную и работал, пока она смотрела телевизор или читала. Я обнаружил, что мне нравится ее тихая компания.

Дважды к нам приходили на ужин Дженна и Адриан, и мы пользовались новым столом, который теперь размещался на когда-то пустовавшем месте. Кэтрин заверила меня, что именно так поступают нормальные пары – они общаются с другими парами. Я обнаружил в ней азартную сторону, когда Дженна заявила, что принесет какие-то настольные игры, так сказать развлечься после ужина. Я закатил глаза при мысли о проведении вечера за играми, однако обнаружил, что наслаждаюсь возникшей в процессе товарищеской атмосферой. Мы с Адрианом победили их в «Счастливом случае», но они утерли нам нос в «Рисумей» и «Скраббл». После пары бокалов вина Кэтрин становилась болтливой и любила устраивать словесные «перепалки», которые я нашел весьма забавными. Это напомнило мне Пенни.

На данный момент у меня было четыре «свидания» с Пенни, пока Кэтрин посещала йогу. В первый вторник она была удивлена увидеть меня, но стоило мне блеснуть вишней в шоколаде, которые по словам Кэтрин она обожает, и меня приняли с радостью. Джазовое трио было на удивление хорошим, и мы оба насладились музыкой, прежде чем вернуться в ее комнату, выпить чая и поболтать. Мне нравилось слушать, как она рассказывает и делится своими воспоминаниями. Она оброняла занимательные моменты о себе и Кэтрин, которые я мог приберечь на будущее. В следующий четверг я выбрался повидаться с ней за ланчем, тайком пронеся ей чизбургер, к которым, как призналась, она испытывала тягу.

На следующих двух свиданиях были местные хоры, и мы пораньше ушли ради чая, еще историй о Кэтрин и сладостей, которые я выбрал для нее в те дни.

В прошлый вторник была группа, исполнявшая классику, но Пенни была беспокойной, встревоженной и гораздо более забывчивой. Посреди представления я отвел ее назад в комнату, надеясь, что знакомая обстановка ее успокоит. Она немного притихла, но по-прежнему казалась расстроенной. Когда я выловил Тами, она сказала, что такое происходит уже довольно часто и обычно лучше всего ее могла успокоить Кэтрин. Я позвонил ей, и она приехала, тут же покинув свой урок йоги. Когда она приехала, Пенни дремала в своем кресле и проснулась, услышав голос Кэтрин.

– О, моя Кэти! Я искала тебя!

– Я здесь, Пенни. Ричард позвонил мне.

– Кто?

– Ричард.

Я высунулся из-за Кэтрин:

– Привет.

Она нахмурилась:

– Я вас знаю?

Я почувствовал легкий укол в сердце, но протянул руку.

– Я друг Кэтрин.

– Ой, рада познакомиться. Я бы хотела побыть наедине со своей дочерью, если вы не против.

– Конечно. – Я встал.

Кэтрин печально мне улыбнулась.

– Скоро увидимся.

Даже зная, что это часть болезни, произошедшее взволновало меня до такой степени, что на следующий же день я отправился проводить Пенни. Я купил букет ее любимых цветов – ромашек – и с поклоном преподнес их ей. Ее темные глаза замерцали над пухлыми щечками, и она позволила поцеловать мягкую руку.

– Я понимаю, почему моя Кэти так увлечена вами, Ричард.

– Правда? Так я же обаяшка. – с облегчением подмигнул ей.

Она поджала губы.

– Думаю, дело не только в этом.

Не обратив внимания на ее слова, я пробыл у нее, пока она не заснула. Ушел уже отчасти успокоившимся. Представляю, если меня так расстроило то, что она не узнала мое лицо, как же сильно такое действует на Кэтрин.

Мне показалось странным, что я волновался по такому поводу. Тем не менее, я переживал и решил, что мне нужно начать чаще увязываться за Кэтрин, когда она будет ее навещать, а также ходить самому.

Я вернулся к лежащему передо мной файлу. Рекламная кампания «Кеннер Футвэар», которую я предложил Грехаму, была встречена клиентом с огромным энтузиазмом, и я по-прежнему прорабатывал различные варианты концепций. Потер виски, желая иметь возможность получше сконцентрироваться. Когда ранее сегодня я говорил с ним по телефону, Грехам сказал уйти пораньше, поэтому я закрыл файл и выключил ноутбук. Может, я и последую его предложению. Я мог бы пойти домой и посмотреть, какие изменения произошли сегодня – посмотреть, что сделала моя жена.

Моя жена.

Кэтрин.

Каким-то образом после обмена клятвами, мы пришли к негласному перемирию. Те вещи, что я всегда находил раздражающими, больше меня не беспокоили. Может, это из-за того, что я понял, откуда они возникли. Может, был более терпелив, потому что она поняла *меня*.

Где-то между нашими разговорами, Пенни, йогой, образцами краски, ужинами и играми, мы стали... союзниками. Возможно, даже друзьями. У нас была общая цель и вместо того чтобы драться и пререкаться, мы почти наладили совместную жизнь. Я знал, что мой язык уже не был

таким острым. То, что раньше было противно, теперь стало поддразниванием. Мне нравилось слышать ее смех. И я с нетерпением ожидал, когда смогу поделиться новостями о том, как прошел мой день. Когда она грустила о неудачном дне с Пенни, мне хотелось подбодрить ее. Несколько раз я водил ее на ужин, просто чтобы она принарядилась и получила удовольствие.

Я обнаружил, что мне хочется быть с ней ласковым. Казалось естественным держать ее за руку, целовать в лоб или касаться ее губ, проявляя нежность – и не всегда это происходило на публике. Она часто целовала меня в голову, когда направлялась наверх, а бывали времена, когда я обхватывал ее руками в стремлении обнять или поцеловать в мягкую щечку, благодаря за ужин или желая доброй ночи. Это были непроизвольные порывы – все просто часть теперешнего нахождения рядом с ней.

Может, сегодня я устрою ей сюрприз. Предложу сходить куда-нибудь, если она захочет. Мы могли бы заехать проведать Пенни и привезти ей какое-нибудь из ее любимых лакомств – или могли бы заказать еду на дом. После чего я мог бы расслабиться, а она посмотреть одно из своих любимых шоу, или мы могли бы посмотреть фильм. Может, спокойный вечер поспособствует облегчению головной боли.

Нужно спросить, чего бы она хотела.

Мне по-прежнему нравилось видеть удивление и растерянность на ее лице, когда я предлагал ей сделать выбор.

Открыв дверь, я услышал голоса. Узнал оба и усмехнулся. Дженна была в гостях – снова.

– Кэтрин, душенька!

Раздались поспешные шаги в мою сторону, и она появилась из-за угла. Она выглядела непривычно измотанной. Я привык видеть ее спокойной и удивился, когда она обняла меня за шею, прижимая к себе.

– Ты в порядке? – прошептал я ей на ухо.

– Дженна боится грозы, а Адриан уехал. Она спросила, может ли остаться у нас, пока гроза не утихнет.

До меня дошло предупреждение, скрывавшееся за ее словами.

– В твоей комнате? – спросил я с беспокойством.

– Да.

Я отступил назад.

– Она?..

– Да, полностью готова.

– Ладно.

– Я-я не... – пролепетала она.

– Все хорошо.

Я пошел вперед, потянув ее за собой.

– Привет, Дженна.

Женщина, которую я привык видеть оживленной и с энтузиазмом порхающей вокруг, сидела, забившись в углу моего дивана, и выглядела как уютно, только не жизнерадостно. Она была бледной и казалась до смерти напуганной.

– Мне очень жаль, Ричард. Грозы пугают меня до ужаса. Родители и Адриан в отъезде, и я не знала, что еще мне делать. Дом такой огромный, когда его нет.

Я сел рядом с ней и неловко погладил ее по ноге.

– Все хорошо. Я рад, что ты пришла.

– Кэти сказала, что я не помешала никаким вашим планам?

– Нет. Вообще-то у меня болит голова, и я собирался провести спокойный вечер дома. Так что мы проведем его вместе, ладно?

Она сжала мою ладонь своей дрожащей рукой.

– Спасибо.

Я встал на ноги.

– Без проблем. Пойду переоденусь и приму душ.

– Я принесу тебе тайленола, – предложила Кэтрин. – Ты какой-то бледный, Ричард. Уверен, что с тобой все в порядке?

– Пройдет. Может, я немного вздремну.

– Еще принесу тебе холодный компресс.

Я прошел мимо нее, одарив благодарным поцелуем.

– Спасибо – это поможет.

Поднявшись наверх, я заглянул в комнату Кэтрин, в которую не заходил, пока она ее переделывала. С заказанной ею мебелью произошла небольшая заминка, поэтому все заняло больше времени, чем она планировала, отчего комната была закончена лишь на этой неделе. На полу лежала большая сумка, и я предположил, что она принадлежит Дженне. Комната была полностью обновлена и выглядела так, что Дженна бы приняла ее за гостевую. Пустая. Нигде не валялись личные вещи Кэтрин. Она добавила книжный стеллаж и распаковала несколько своих коробок, на полках стояли книги и безделушки. В углу пристроилась новая тахта, маленький столик и торшер рядом с ним. Стены украшали некоторые из акварелей Пенни. Я открыл комод и шкаф, они оказались пусты, не считая пары коробок, хранившихся в шкафу. Кровать была застелена купленным ею новым постельным бельем. Все выглядело хорошо.

Я прошел в свою комнату и вынужден был замереть на мгновение. Кэтрин была повсюду. Ее халат был небрежно брошен на краю постели, темно-красный шелк мерцал на свету. Несколько фотографий Пенни и нас были расставлены то тут, то там. На когда-то пустом ночном столике лежали книги и полупустой стакан. На комодке стояли ее любимые духи, а также были разбросаны баночки и бутылочки. Даже не глядя, я знал, что нижние ящики комода теперь заполнены ее одеждой, а в шкафу до сих пор лежат ее вещи, которые она планировала перенести к себе на этой неделе. В ванной ее зубная щетка устроилась рядом с моей, а ее ежедневные средства ухода за кожей были расставлены рядом с умывальником. Должно быть, она перемещалась как торнадо, чтобы создать видимость, что тоже живет в этой комнате.

Когда я вылез из душа, она уже ждала меня, держа в руках холодный компресс и таблетки. Ей пришлось закрыть дверь, чтобы мы могли немного уединиться.

– Сколько времени у тебя было? – спросил я, понизив голос.

– Около пятнадцати минут. Куча вещей все еще в коробках, которые я не распаковала. Когда она позвонила, плача и прося разрешения прийти, я как можно быстрее все поменяла в комнатах. Она звонила на мобильный, я сказала, что меня нет дома и вернусь через час. Я не знала, как отказать.

– Ты и не могла, – признал я.

– Ты не против?

Я вздохнул и протянул руку за таблетками.

– Все хорошо. Слава Богу, что кровать двуспальная. Ты устроишься на своей половине, а я на своей. – Я усмехнулся. – У тебя будет близкое соседство с сопением.

Ее глаза округлились, вызвав у меня смех. Она была так занята созданием антуража, что даже не подумала о том, что будет после. Проглотив таблетки, я потянулся за бутылкой воды, которую она держала.

– Конечно, если только ты не хочешь пересмотреть всю тему «трахаться, не трахаться». Ты уже месяц уклоняешься.

Она сердито посмотрела на меня, и я не мог сопротивляться желанию склониться и поцеловать ее.

– Подумай об этом, душенька, – промурлыкал я ей в губы.

Я начинал уставать от своей руки.

Она уперла руки в бока.

– Сомневаюсь, что в данный момент ты способен достичь своих привычных *звездных* высот. Особенно при таком отсутствии практики и с *головной болью*.

Я усмехнулся, рухнув на матрас, и застонал от облегчения, когда она положила мне на лоб компресс.

– Я готов приложить максимум усилий.

Я был потрясен, почувствовав ее губы на своих.

– Иди трахни себя сам, ВанРайен.

В ее словах не было яда, а мое предложение было полной ерундой. Мы оба это знали и оба рассмеялись, звук нашего совместного веселья разнесся по комнате.

– Отдыхай. Я позову тебя к ужину.

Я поймал и поцеловал ее руку.

– Ты становишься мягче, – упрекнула она, проводя рукой по моей раскалывающейся голове.

Я закрыл глаза и отдался ее нежному прикосновению.

– Ты во всем виновата, – пробормотал я.

– Знаю, – ответила она, закрывая за собой дверь.

РИЧАРД

ПРОВЕСТИ ВЕЧЕР в компании двух нервных, напряженных женщин оказалось довольно занимательным.

Дженна была неестественно притихшей, что само по себе было понятно, но Кэтрин стала большим сюрпризом. Я привык к ее молчаливой натуре, но сегодня вечером она болтала вовсю, перескакивала с одной темы на другую.

Без умолку.

Между демонстрацией Дженне своих планов относительно гостиной и «ее комнаты», бесконечных вопросах об истории йоги, поверхностных расспросах о каждом члене семейства Гэвин и сотрудниках офиса, а также по любой другой теме, которая, казалось, проскакивала у нее в мозгу, она говорила нон-стоп. Более того, она так и не присела: мельтешила по комнате, размахивая руками для объяснения своих мыслей. Она подобрала, передвинула, поправила и выровняла каждый предмет в помещении как минимум дважды. Продолжала поглаживать Дженну по плечу, проверять в порядке ли та, а холодный компресс, который она положила мне на шею, менялся каждые двадцать минут. Сомневаюсь, что он вообще успевал достичь комнатной температуры. Должен признать, когда она стояла у меня за спиной и болтала, я не возражал против того, как ее пальцы приятно массажировали мою шею или как она откидывала мою голову назад, упирая в свой мягкий живот, и пробегала пальцами по моим волосам снова и снова. Эти успокаивающие движения были приятными, и головная боль начала утихать, несмотря на постоянный треп.

И все же, ее поведение вызывало недоумение. Даже Дженна несколько раз косилась на меня, приподняв бровь. Я пожал плечом, и когда Кэтрин не могла нас услышать, высказал единственное, как мне казалось, разумное объяснение.

– Она тоже не любит грозы.

Похоже, мое объяснение удовлетворило ее любопытство.

В районе десяти часов гроза ослабла, гром поутих до слабых редких рыков, хотя дождь продолжал колотить в окна.

Дженна встала.

– Пойду вставлю себе беруши, включу музыку и надену на ночь маску. Может, у меня получится заснуть, пока снова не грянет.

Кэтрин тоже стояла.

– Ты точно в порядке? Я могу поспать на кушетке и быть рядом.

Дженна отрицательно покачала головой и поцеловала ее в щеку.

– Со мной все будет хорошо. Осознание, что вы в комнате напротив, мне поможет. Я просто не могу оставаться в одиночестве. Обычно мама и папа рядом, когда Адриан отсутствует. Адам и Джулия так заняты малышами, что мне неприятно их беспокоить. Сегодня ночью вы, ребята, были моей палочкой-выручалочкой. – Она склонилась и поцеловала меня в щеку. – Спасибо, Ричард. Знаю, что тебе хватает видеть меня и в офисе. Я действительно очень благодарна.

– Нет проблем.

– Если я тебе понадобится, сразу же приходи за мной, – предлагает Кэтрин.

– Постараюсь, чтобы не пришлось этого делать.

Она поднялась вверх по лестнице, покинув нас. Я изучал язык тела Кэтрин. Сказать, что оно было напряжено – большое преуменьшение. Если она станет еще напряженней, то головная боль будет уже у нее.

– Эй.

Она вздрогнула и посмотрела на меня широко распахнутыми глазами.

– Что случилось?

– Ничего. Почему ты спрашиваешь?

Я хмыкнул.

– Ты весь вечер ведешь себя как кошка на раскаленной крыше.

Она засуетилась, приводя в порядок уже итак аккуратно сложенные файлы, выравнивая стопку газет, которые я пытался прочесть, и подхватывая стаканы, чтобы отнести их на кухню.

– Не понимаю, о чем ты. Голоден?

– Нет.

– Могу сделать тебе сэндвич.

– Нет.

– Хочешь кофе? Я купила без кофеина. Или, может, приготовить тосты или еще что-то? Ты не особо поел за ужином.

– Кэтрин, – предостерег я, теряя терпение.

Она поставила стаканы, которые держала в руках.

– Я иду спать. – И умчалась вверх по лестнице, оставив меня в еще большем недоумении.

Вскоре я последовал ее примеру, оставив кое-где включенным свет, на случай, если Дженне понадобится побродить по кондо. Последнее, чего бы мне хотелось, это звонить Андиану и сообщать, что его жена скатилась в темноте с лестницы и мне пришлось везти ее в больницу. Грехам и Лору это бы тоже не впечатлило.

Дождь снова припустил, и гроза снаружи вновь набирала обороты. Интересно, сможет ли кто-нибудь из нас вообще выспаться этой странной ночью.

Наверху я затворил за собой дверь в спальню, а вид маленького комочка в моей кровати напомнил, что сегодня я сплю не один. Кэтрин забилась под одеяло с головой, так близко к краю своей стороны кровати, что еще чуть-чуть и упала бы. Вдруг ее странное поведение обрело смысл. Сегодня ночью мы делили постель, и она нервничала. Странное чувство – подобно нежности – нахлынуло на меня.

Пока наблюдал за ней, меня поразило, насколько, должно быть, у нее нежная душа. Она потеряла родителей, пережила, как я понимал, тяжелый период после их смерти, хотя не особо делилась со мной информацией. Она никогда не обсуждала то, судя по всему, ужасное время, когда жила на улице. Она терпела меня, заботилась о Пенни и, не задумываясь, помогала подруге, даже если для этого ей пришлось изменить всю свою жизнь – и все это она делала с одной из своих теплых улыбок на губах. Она была удивительной.

Я нашел пару пижамных штанов и футболку. Хотя предпочитал спать лишь в боксерах, но не хотелось доставлять Кэтрин еще больше неудобства, чем она очевидно уже испытывала. Приготовившись ко сну, я скользнул в кровать рядом с ней, ожидая, что она что-то скажет. Но стояла тишина.

Приподнявшись на локте, я заглянул ей через плечо, убирая от ее лица тяжелую прядь волос. Она не двигалась и не заговаривала, оставаясь неподвижной, а ее глаза плотно закрытыми. Хотя грудь у нее вздымалась слишком быстро для спящего. Я склонился над ней пониже и прошептал ей на ухо:

– Притворщица.

Она поежилась, сильнее зарываясь лицом в подушку. Я поцеловал ее обнаженное плечо и подтянул повыше одеяло.

– Расслабься, Кэтрин. Я буду идеальным джентльменом.

Повернулся, выключил свет и лег, слушая ее прерывистое нервное дыхание. Ее присутствие в моей постели должно было казаться странным, и все же мне не было неприятно. Я чувствовал ее тепло и аромат легких духов.

Хотя кровать ощущалась как-то не так. У меня ушла пара секунд, чтобы осознать причину. Присутствовала постоянная вибрация, достаточная, чтобы матрас подрагивал. Я посмотрел на нее, изучая маленький сжавшийся комочек. Она дрожала.

Она *так* боялась меня?

Я перекатился на бок, потянулся и обхватил ее рукой, прижимая спиной к себе. Она издала потрясенный писк и ее тело окаменело. Волны дрожи непрерывно пробежали по ее телу, а вцепившиеся в мою руку ладони были ледяными.

– Кэтрин, прекрати, – пробормотал я. – Я ничего не собираюсь делать.

– Дело не в этом. Ну, не только в этом.

– Из-за грозы?

– Из-за... из-за ветра, – призналась она. – Ненавижу его завывания.

Крепче прижав к себе, я почувствовал очередную волну дрожи, пробежавшую по ее телу.

– Почему?

– В ночь, когда погибли мои родители, была гроза. Похожая на эту. Громкая. Ветер метал машину, словно перышко. Папа потерял управление и автомобиль перевернулся.

У меня участилось сердцебиение.

– В ту ночь ты была с родителями?

– На заднем сиденье. Когда это произошло, окна разбились, ветер шумел так громко, и я была напугана. Я все время теряла сознание, но мне было так холодно, а еще слышала завывание ветра... оно не прекращалось. – Ее голос затих. – Я знала, что они были мертвы, а сама осталась одна в ловушке.

От боли в ее голосе у меня встал ком в горле. До сего дня она ничего этого мне не рассказывала.

– Ты пострадала?

Молча она взяла мою руку и прижала к верхней части своего бедра. Под тонкой материей ее ночнушки я почувствовал длинный, зарубцевавшийся шрам, спускавшийся вниз по внешней стороне ее бедра.

– Когда машина перевернулась у меня было сотрясение и раздроблена нога. Потребовалось две операции, но я выжила. – Она прокашлялась. – Именно поэтому я иногда спотыкаюсь или теряю равновесие. Он сковывает движение.

В моем разуме всплыли все те времена, когда я издевался над ней, закатывал глаза и смотрел, как она с трудом встает на ноги. От жгучего и мучительного стыда я крепче стиснул руки и зарылся лицом ей в шею.

– Я сожалею, душенька.

– Это не твоя вина.

– Нет. Мне жаль, что тебе через многое пришлось пройти, но я не об этом.

– О, – она вздохнула, понимая причину моих извинений. – Ну, ты же не знал.

– Но я ни разу и не удосужился спросить, разве нет?

– Полагаю, что нет.

Следующие слова, слетевшие с моих уст, повергли меня в шок.

– Прости меня за это.

– Уже.

Я перекатил ее на спину и навис над ней, глядя в темноте на ее лицо. Вспышка молнии осветила ее бледное лицо и застывшие в глазах слезы.

– Прости меня за все это, Кэтрин.

– Уже простила.

– Как? – прошептал я. – Как ты можешь быть такой всепрощающей? Как ты можешь вообще стоять рядом со мной?

– Потому что ты стараешься.

– Для тебя это так просто? Легкое усилие с моей стороны и ты прощаешь?

– Я должна была простить тебя, чтобы суметь повернуть это вместе с тобой.

– Для того чтобы обеспечить присмотр за Пенни.

Чуть поколебавшись, она подняла руку, накрыв ладонью мою щеку и поглаживая пальцами мою кожу.

– Это одна из причин.

– А какая другая?

– Я увидела кое-что – в тот день, когда ты рассказал мне о своей встрече с Грехамом. Я увидела другую сторону тебя. Подумала...

– Что подумала? – спросил я, когда ее голос осекся.

– Подумала, а если бы помогла тебе вырваться из отравляющей атмосферы «Андерсен Инк», то ты, возможно, нашел бы настоящего Ричарда.

– Настоящего Ричарда?

– Думаю... думаю, ты гораздо больше того, что позволяешь видеть людям. Больше, чем позволяешь видеть себе. Я все больше и больше вижу, как проявляешься ты настоящий.

Я прильнул к ее ладони, позволяя словам впитываться в сознание. Лениво покрутил пальцами прядь ее волос, ощущая на ощупь их шелковистость.

– Каков настоящий я? – спросил я тихим, почти умоляющим голосом. Мне хотелось знать о ее чувствах – что она думала обо мне.

– Сильный, заботливый. Знающий. Талантливый. – Она сделала паузу и вздохнула. – Добрый.

– Ты видишь вещи, которых нет.

– Нет, есть. Просто пока ты не готов их увидеть. Но увидишь, – заверила она.

Я устался на нее в изумлении. Слово «нежная» не описывает ее душу. Даже близко. И сомневаюсь, что мне было ведомо подходящее слово. Может «ангельская»? Чем бы это ни было, кем бы она не была, я не заслуживал ее прощения и того высокого мнения, что она имела обо мне – и уж точно я не заслуживал ее.

От сильного порыва ветра задрожали стекла, а дождь яростно хлестал в окна. Кэтрин напряглась, ее взгляд метнулся на звук.

Я склонился и нежно поцеловал ее. Это было не более чем легкое соприкосновение губами; ее дрожащих и мягких с моими смиренными и недостойными. Я поцеловал ее с добротой, которой мне следовало всегда пользоваться при разговоре с ней.

Я подвинулся, прижимая ее обратно к своей груди.

– Спи, душенька. Ты в безопасности. Ничто не причинит тебе вреда, я обещаю.

– Я никогда ни с кем так не спала, Ричард.

Я коснулся ее шеи в очередном поцелуе, желая, чтобы она поняла, узнала обо мне что-то достойное ее веры.

– Я тоже, Кэтрин. Ты первая женщина в этой постели.

– О, э-э...

Я улыбнулся ей в шею.

– Я никому не позволял тут оставаться. Это мое убежище. Лишь мое. – Я усилил объятия.

– А теперь пусть станет твоим. Спи. У меня есть ты.

Закрывая глаза, я расслабился и погрузился в ее тепло. Наши тела слились от груди до бедер, плоти искали и находили что-то друг в друге.

Успокоение.

Шепотки. Я слышал перешептывание, когда проснулся, еще пребывая в полусне и тепле – даже слишком тепле. Я был окружен жаром и чем-то, что пахло соблазнительно хорошо. Подушка щекотала лицо, и я потерял носом, пытаюсь облегчить зуд, сильнее зарываясь в приятную мягкость. Моя подушка немного хихикнула и шепотки возобновились. Заставил себя открыть глаза. Свет был тусклый, небо все еще затянуто и шел дождь. Я приподнял голову и встретился с веселым взглядом Дженны, сидевшей на полу у кровати с чашкой кофе в руке.

– Доброе утро, – с ухмылкой сказала она.

– Неужели гроза такая сильная, что тебе пришлось тут прятаться?

– Я пришла за Кэтрин, но она не смогла выбраться из твоих когтей, поэтому мы пьем кофе прямо здесь, – подтрунила она.

Я посмотрел вниз и понял, что она была права. Я обвился вокруг Кэтрин плотнее некуда. Каждый миллиметр моего тела касался ее. Одна моя рука зарылась ей в волосы, а вторая – прижимала ее ко мне, как железный прут. Ноги переплелись с ее, а мой член – мой полностью эрегированный, отчаянно жаждущий освобождения член – вжимался в ее попку. В ее упругую, располагающую попку, которая ощущалась будто рай для моей пристроившейся к ней ноющей эрекции. Я вновь зарылся лицом в шею Кэтрин, удивляясь, каким естественным казалось вот так просыпаться с ней.

– Уйди, Дженна, – пробормотал я.

Кэтрин дернула меня за руку.

– Пусти меня.

Я поцеловал ее в шею и мне понравился трепет, который охватил ее сегодня утром. В отличие от испуганного дрожания прошлой ночью, этот был от удовольствия. Он прокатился по ее позвоночнику, тело выгнулось, а попка сильнее прижалась к моему члену.

– Пять минут, Дженна. Дай мне пять минут, – добавил я хрипло.

Все заняло бы не больше двух.

Смеясь, она встала.

– Мужчины, – пробурчала она. – Жду вас внизу.

Как только за ней закрылась дверь, я перевернул Кэтрин и впился в нее. Я целовал жестко, испытывая потребность ощутить ее губы под своими. Погладил ее язык, обвел контур ее рта, дразня и вместе с тем отчаянно желая. Я отстранился, судорожно вздыхая.

– Ты убиваешь меня.

– Я спала, – запротестовала она. – *Спала*.

– С тобой слишком хорошо. – Я толкнулся в ее бедро. – *Господи*, Кэтрин.

Ее глаза округлились; проблеск страха пронзил похоть, в которой я утопал.

Что, черт возьми, я делаю?

Я отпрянул от нее, грудь тяжело вздымалась. Я накрыл лицо рукой.

– Иди вниз. Мне нужен душ. Продолжительный, холодный душ.

– Прости.

– Все в порядке, – простонал я, схватив ее за руку. – Подожди. Пока не иди. Просто... просто побудь здесь минутку или две. Не хочу, чтобы Дженна подумала, что у меня, э-э, проблемы с выносливостью.

Ее рот раскрылся, но она не издала ни звука.

Подняв руку, я размял пальцы, глядя на нее.

– Клянусь, скоро у меня откажет кисть и потребуются операция.

Кэтрин начала хихикать. Ее плечи тряслись, в то время как сама она зарылась лицом в подушку, и хихиканье превратилось в полноценный раскатистый смех. Кровать уже ходила ходуном от ее сильного веселья.

Уголки моих губ дернулись.

– Это не повод для смеха.

Она не остановилась, и я начал смеяться вместе с ней. Я нарочно перелез через нее, позволяя моему отяжелевшему, твердому члену «проутюжить» ее тело. Приподнял ее лицо от подушки, щеки были розовыми и горели, а глаза сияли от веселья. Я снова ее поцеловал.

– Нам нужно поговорить о расширении наших границ. Пока я не взорвался.

Я оставил лежать ее там, лишив дара речи.

Но она все еще улыбалась.

И не сказала «нет».

РИЧАРД

АДРИАН ПОЗВОНИЛ ДЖЕННЕ, пока мы завтракали, и сообщил, что до воскресенья не вернется. Так как гроза все еще бушевала, мы заверили ее, что она может остаться до завтра, пока он не вернется в город и не заберет ее. Другого выхода не было. Кроме того, она вызывала у Кэтрин смех, а мне нравился этот звук. Хотелось, чтобы это происходило почаще.

В то время, как гроза поутихла, мы втроем сходили проводить Пенни. Я настоял на чизбургерах, сболтнув, как часто таскал их ей. Кэтрин была шокирована, когда узнала, сколько раз я бывал втихаря в частном доме. Ее глаза сияли благодарностью, когда она потянулась и поцеловала меня, застав врасплох. Я притянул ее к себе и в полной мере воспользовался тем, что у нас был невольный зритель в лице Дженны, целуя ее, пока она не засмущалась и не покрылась румянцем. Дженна поймала мой взгляд и подмигнула, когда я с широкой улыбкой забирал у нее тяжелый пакет бургеров.

Когда мы приехали, Пенни была тихой, но все осознавала. Она рассмеялась, стоило мне предложить Джоуи виноград. Ему нравилось его клевать и не нужно было ничего нарезать или давать Тами взятку, чтобы сделала это за меня. В шоколадной лавочке, в которую я зачастил, за последние недели явно произошел подъем продаж, а персонал каждый раз ждал, что я принесу. И я никогда их не разочаровывал. Дженна вела себя как обычно, жизнерадостно и непринужденно, развлекая Пенни рассказами о своей семье, что позволило мне сесть в сторонке и понаблюдать за Кэтрин с Пенни. Она устроилась рядом с ней, держа за руку. Накрывала ладошкой ее щеку, пробегала пальцами по лбу Пенни, убирая выбившиеся волоски, пока разговаривала или смеялась. Дразнила и поощряла Пенни поесть, заправляя салфетку ей за ворот, пожурив ту за неаккуратность. Пенни же в ответ щипала ее за нос.

– Перестань командовать, моя Кэти.

– Она любит командовать, – пробормотал я. – Вечно говорит мне, что делать.

– В отместку, – задумчиво протянула Кэтрин.

– Для этого и нужны жены! – рассмеялась Дженна.

Мы с Кэтрин одновременно застыли, так как никогда не упоминали при Пенни, что женаты. Наши взгляды встретились над ее головой, не зная, что делать дальше.

Пенни выпрямилась, позабыв о своем ланче, и перевела взгляд между нами.

– Вы женаты? – она развернулась к Кэтрин. – Ты вышла замуж и не сказала мне? Кэти, ты что, беременна?

Кэтрин отрицательно покачала головой.

– Нет, Пенни. Я не беременна.

– Но ты замужем.

– Да.

Пенни посмотрела на меня, отталкивая от себя поднос с едой.

– Я бы хотела поговорить со своей дочерью наедине.

Я мерил шагами коридор, не сводя глаз с двери. Со стоном прислонился к стене, откинув голову на твердую поверхность.

– Ричард, прости, – попросила Дженна. – Я понятия не имела, что она не знала. Мне в голову не пришло, что ей не сказали.

– Конечно нет.

– Она не знала? Или просто забыла?

Мне хотелось солгать и сказать, что мы говорили Пенни. Что во всем виновата болезнь, а не мы. Разве что я начинал уставать от лжи. Оттолкнулся от стены и потер затылок.

– У Кэтрин были тяжелые времена в подростковом возрасте. У нее более серьезная история, чем ты знаешь, но рассказать ее может лишь она. Для нее Пенни весь мир, и она пыталась защитить ее душевное здоровье.

Она кивнула, ожидая продолжения.

– Я был инициатором, Дженна. Я преследовал ее. Подгонял наши отношения. Сначала она не хотела, чтобы я знакомился с Пенни, пока полностью не будет уверена. – Я резко дернул за свой чуб. – Но я поторопил события и пришел повидаться с Пенни без ее ведома. Мне хотелось узнать побольше о женщине, которая помогла Кэтрин. Я все ускорил. Быстро женился – прежде чем она успела бы передумать. Кэтрин беспокоилась, что Пенни посчитает все

скоропалительным, поэтому мы решили умолчать об этом на некоторое время и позволить Пенни привыкнуть ко мне.

– А я сболтнула.

Я пожал плечами.

– Нам нужно было собраться с духом и самим ей рассказать. Это наша вина.

Дверь открылась и вышла Кэтрин.

– Ричард, ты мог бы зайти?

– Черт, – выругался я себе под нос. – Если меня разорвут на части, присмотри за Кэтрин вместо меня.

Дженна одарила меня понимающей улыбкой и похлопала по плечу.

В дверях Кэтрин накрыла мою руку своей.

– Мне жаль.

Я сжал ее пальцы.

– Все в порядке.

Я шагнул в комнату и Кэтрин закрыла за мной дверь.

Мне доводилось сталкиваться с разгневанными клиентами в залах совещаний. Стоять перед конференц-залами, заполненными недружелюбными лицами, которые ожидали, что я облажаюсь во время своей презентации. И все это я делал, даже не вспотев. Однако, стоя перед суровой на вид старушкой, я потел и цеплялся за руку жены, как за талисман.

Пенни устремила на меня взгляд.

– Ты женился на моей Кэти.

– Да.

– Без моего позволения.

– Да.

– Почему?

– Я раньше никогда такого не делал. Не знал, что нужно было спросить...

Она отмахнулась.

– Ой, вы и впрямь порой не слишком сообразительны, да, молодой человек?

Я сглотнул.

– Простите?

– Почему ты на ней женился?

– Не мог без нее.

– А почему ничего не сказал?

Я понятия не имел, что ответила ей Кэтрин, но почувствовал, что нужно держаться поближе к истине.

Я присел рядом, встречаясь глазами с Пенни.

– Я скоропалительно женился на ней, потому что не хотел потерять. Мне необходимо ее присутствие в моей жизни. Мы переживали, что вы не одобрите, но я надеялся, что стоит вам узнать меня получше, вы привыкните к мысли о ее свадьбе со мной.

– Она слишком хороша для тебя.

Я рассмеялся, потому что это была правда.

– Я об этом хорошо осведомлен.

– Тебе следовало сначала спросить у меня.

– Вы правы, следовало. Прошу прощения.

– Она говорит, что счастлива.

– Я тоже. – Я посмотрел на Кэтрин, подивившись тому, что это была правда. – Она непрестанно меня изумляет.

Пенни фыркнула.

– Еще подожди. Ты пока ничего не видел.

– Могу себе лишь представить.

Она поджала губы.

– Я слежу за тобой.

– Принял к сведению.

– Хорошо. Теперь ты задолжал мне торт.

– Торт?

Кэтрин шагнула вперед, кладя руку мне на плечо. Заметил, что теперь на ней были ее кольца, и по какой-то причине при виде их расплылся в улыбке. Я никогда не снимал своего, а Пенни ни разу не спросила о нем. Недолго думая, я поцеловал руку Кэтрин, отчего Пенни просияла.

– Мы всегда праздновали хорошие события тортом.

- Так это хорошее? Я – хорошее событие?
- Пенни похлопала меня по щеке.
- Я полагаюсь на тебя, позаботься о ней вместо меня.
- Так и сделаю.
- Ну а теперь, торт?
- Ниже по улице была пекарня.
- Уже бегу.
- Шоколадный, – уточнила Пенни.
- Я коснулся ее морщинистой щеки.
- Будто мог быть какой-нибудь другой.

Вошла Кэтрин с чашкой кофе, которую я с благодарностью принял. Затем жестом указал ей присесть.

- Где Дженна?
- Кемарит. Думаю, она воспользовалась затишьем грозы. Сомневаюсь, что она хорошо спала этой ночью.
- Я спал как младенец.
- Она закатила глаза.
- Цепкий младенец.
- Я усмехнулся.
- Не моя вина, что к тебе так классно ластиться. Ты хорошо пахнешь.
- Твое, э-э, *сопение* вблизи намного громче.
- Я сузил глаза.
- Мило.
- Она ухмыльнулась.
- Прости. – Ее выражение лица стало серьезным. – Я *сожалею* о сегодняшнем утре.
- Я почесал затылок.
- Полагаю, рано или поздно это должно было случиться.
- Есть большая вероятность, что она забудет. Возможно, этот разговор состоится вновь.
- По крайней мере, мы можем сказать, что уже говорили ей, и тогда она не будет так огорчена.
- Наверное.
- Я сделал глоток кофе.
- Что она тебе сказала?
- Она беспокоилась, что я беременна.
- Это не проблема. И никогда ею не будет. – Я не мог удержаться от того, чтобы подразнить ее на эту тему. – Даже если мы расширим наши границы.
- Ты не можешь иметь детей?
- Понятия не имею. Никогда не пытался их плодить и не планирую. Я всегда в защите и забочусь, чтобы и мои партнерши тоже предохранялись.
- Она склонила голову в замешательстве.
- Ты не хочешь детей?
- Кэтрин, я не способен состоять в настоящих отношениях. Меня не интересует отцовство и порождение еще одного черствого человека в этом мире. Я никогда не смогу наладить связь с ребенком, именно поэтому у меня нет желания иметь детей. Когда-либо.
- Думаю, ты ошибаешься.
- Ошибаюсь?
- Думаю, у тебя есть эта способность. Думаю, ты мог бы установить связь – полюбить – ребенка. Если бы любил его мать.
- Я разразился смехом.
- Так как этого никогда не произойдет, то я остаюсь при своем первоначальном мнении.
- Почему ты так уверен, что не можешь полюбить?
- Я начал терять терпение.
- Я уже говорил тебе. Любовь делает тебя слабым. Заставляет нуждаться в людях. Зависеть от них. Я не позволю такому случиться.
- Порой вещи бывают неподвластны нашему контролю.
- Я отмахнулся.
- Не в этом случае. В моем будущем не видится любви или детей.
- Звучит одиноко.

– У меня есть моя работа и мне этого достаточно. Это меня полностью удовлетворяет.

Она хмурым взглядом меня изучила.

– Неужто?

– Прекрати пытаться меня анализировать, Кэтрин.

– Вовсе нет. Я пытаюсь тебя понять.

– Не нужно.

– Почему?

Я потянулся вперед, руки сжались в кулаки на столе.

– Я не плачу тебе, чтобы ты меня понимала. А плачу, чтобы ты играла свою роль.

– Которая с каждым днем становится все сложнее.

– О чем ты толкуешь?

– Разве ты не устал от этого, Ричард? От лжи? С каждым разом ее становится все больше.

Она словно растет, как снежный ком, катящийся вниз по заснеженному холму. – Она вздохнула.

– Все должно было быть просто – я притворяюсь твоей невестой. Сейчас все усложнилось и докатилось до того состояния, что даже я себя не узнаю! Я ненавижу лгать людям – а лгу всем! Пенни, семейству Гэвин, людям в частном доме... Образовалась целая гора лжи!

– В этом была суть. Никому от этого вреда нет.

– Правда? Думаю, ты ошибаешься.

– С чего ты это решила? – Я обвел рукой комнату. – Грехаму это не вредит, за Пенни присматривают, ты живешь в месте получше, и тебе не нужно работать. Кто пострадал?

Ее голос опустился до шепота.

– С каждым днем я чувствую себя все больше виноватой.

– Почему?

– Мне нравятся эти люди. Очень нравится Дженна, мы стали подругами. Понимание того, что я лгу ей, меня беспокоит. От Грехама и Лоры не вижу ничего, кроме доброты. Я будто предаю их, изображая этот фарс. Люди в частном доме думают, что мы женаты.

– Так и есть, – настаивал я. – Это не фарс. Наш брак законный.

– Они думают, что он *настоящий*. Думают, что мы влюблены. А Пенни... я не желала, чтобы Пенни когда-нибудь узнала. Из всех людей мне бы не хотелось лгать именно ей. Больше всего мне ненавистно, что я обманываю ее.

– Ты же знаешь, что она скорее всего забудет.

Кэтрин закатила глаза.

– Это по-прежнему ложь. Тами и прочие будут продолжать напоминать ей, так что она может не забыть. А есть еще Адриан, Адам, Джулия... – фыркнула она от раздражения. – И список все растет.

Барабани пальцами по столу, я пожал плечами.

– Согласен, это больше, чем я ожидал. Даже Брайан думает, что я изменился. Когда на днях мы играли в гольф, он поздравил меня, что я наконец нашел свою «человечность».

– Это не беспокоит тебя? Скольких людей охватывает эта ложь? На скольких она отразится, когда все закончится?

– Кэтрин, прекрати слишком драматизировать. Браки постоянно распадаются. Мир не рухнет. Мы выясним эти «как» и «почему», когда решим, что пришло подходящее время.

– А до тех пор продолжим лгать.

Мне надоел этот бессмысленный разговор. Я потер голову и нахмурился:

– Да. Мы продолжим обманывать. Я все еще плачу тебе и это по-прежнему твоя работа. До последующего распоряжения ты моя жена. Продолжай вести себя соответственно. Притворяйся, что я тебе нравлюсь. Копни глубже и представь, что любишь меня. Делай все, что считаешь нужным, чтобы поддерживать этот, как ты его называешь, «фарс».

Она встала на ноги, качая головой.

– В этом-то и загвоздка, Ричард. Мне не всегда нужно притворяться, что ты мне нравишься. Когда ты перестаешь вести себя как большой мудака, то становишься вполне славным человеком. Отвечаешь людям. Добр и щедр с Пенни. По какой-то причине рядом с ней ты забываешь, что надо быть тем мудаком, которого показываешь остальному миру. Порой ты забываешь об этом, даже когда бываешь со мной. – Ее выражение лица было печальным, а голос удрученным. – Порой я забываю, что не нравлюсь тебе, и думаю, что мы на самом деле друзья.

Она отворила дверь и приостановилась, обернувшись ко мне.

– Мне нравятся те моменты. Благодаря им проще пережить все прочие дни.

После чего она вышла, оставив меня ошеломленным.

РИЧАРД

КЭТРИН БЫЛА ТИХОЙ ВЕСЬ остаток вечера. Дождь усилился и ослаб, в итоге затихнув к полуночи. Дженна почувствовала в воздухе что-то неладное и постаралась быть незаметной. В какой-то момент она поинтересовалась, все ли с Кэтрин в порядке.

– У нас, э-э, возникли разногласия, – признался я. Пары спорят и мой ответ казался вполне допустимым.

– Из-за произошедшего ранее?

– Да. – Я не стал уточнять к какому именно «ранее» это относится и позволил думать, что это связано со случившимся с Пенни.

– Хочешь, чтобы я ушла?

– Нет, все в порядке.

– Не ложись спать рассерженным. Выговорись, – предложила она. – Я скоро поднимусь к себе и дам вам некоторое уединение.

Не зная, как еще ответить, я кивнул. Понятия не имел, что сказать Кэтрин, но стоило Дженне уйти наверх, она последовала за ней. Я некоторое время подождал, выключил телевизор и присоединился к ней в спальне. Она уже лежала в кровати, свернувшись калачиком у самого края. Я подготовился ко сну и устроился позади ее маленького, теплого тела. Поколебался, а затем протянул руку и притянул ее спиной к своему торсу.

– Не сердись на меня.

– И не собираюсь, просто грустно, – вздохнула она.

– Я не могу изменить того, кто я есть.

Она повернулась в темноте, чтобы посмотреть на меня.

– Думаю, в некотором роде ты *уже* изменился.

– Возможно, – признал я. – Но все же это не меняет того, как я отношусь к определенным вещам – дети и любовь две из них.

– У тебя все лишь черное и белое.

– Должно быть, потому что так я справляюсь с жизнью.

– Ты многое упускаешь.

Я провел пальцем по ее щеке, ощущая мягкость кожи в темноте. На ней остались следы влаги, и я понял, что она плакала. Меня беспокоила сама мысль о том, что она лежала тут расстроенная.

– Кэтрин, – начал я.

– Что? – прошептала она.

– Знаю, что все стало значительнее и сложнее. Знаю, что как человек ты лучше меня и это тебя беспокоит. Я не ожидал, что Гэвины будут частью нашей жизни вне офиса. Я не планировал знакомиться с Пенни и привязываться к ней. Сейчас мы ничего не можем сделать, кроме как плыть по течению. Я не могу изменить свои взгляды на жизнь, потому что в это верю. Однако кое в чем ты ошибаешься.

– В чем?

Я накрыл ладонями ее щеки, приближая к своему лицу.

– Я не испытываю к тебе неприязни. Далек от этого. Сожалею о каждом своем гадком слове, каждом паршивом поручении, с которым тебя отправлял, и о каждой грязной работе, что поручал тебя делать. Думаю, ты невероятно храбрая, раз согласилась провернуть такое со мной, а причины, побудившие тебя к этому, просто поразительны. Ты бескорыстная и добрая, а тот факт, что ты стала настолько *важной* для меня – доказательство того, насколько ты особенная.

По ее лицу побежали горячие слезы. Я застонал, не в состоянии вынести сегодня еще больше эмоций.

– Господи, женщина, – игриво прорычал я. – Я пытаюсь быть милым, а ты плачешь. Сдаюсь. Вернусь к тому, чтобы быть мудаком.

Она погладила меня по руке.

– Нет, все в порядке. Я перестану. – Она шмыгнула носом. – Это было неожиданно. Вот и все.

– Я пытаюсь извиниться.

Она приподняла голову, коснувшись моих губ своими.

– Извинения приняты.

Я зарылся руками ей в волосы, притягивая ближе, и прижался к ее губам, желая еще раз их распробовать. Она ответила с тихим вздохом, ее дыхание коснулось моего лица. Долгие мгновения наши губы двигались вместе, языки соприкасались и дразнили. Неистовое желание

медленно росло, а мое тело гудело от потребности. Со стоном я отстранился, глядя на нее сверху вниз. Ее губы распухли, а дыхание участилось. Я провел пальцем по ее нижней губе.

– Кэтрин, – хрипло прошептал я и провел рукой по ее обнаженной ноге.

Она приподняла голову и в момент, когда ее губы встретились с моими, мы вдруг услышали неожиданный раскат грома и последовавший за ним грохот в гостевой спальне, сопровождаемый громким воплем.

Я застонал, роняя голову ей на плечо.

– Чертова Дженна, *опять*.

Она раздраженно выдохнула.

– Ну, черт. Думаю, она разбила мою чертову лампу. А та мне *нравилась*.

Я начал смеяться над ее редкой колоритной репликой. Скатился с нее и накрыл свое лицо рукой.

– Иди, посмотри, что на этот раз натворила твоя *подруга*.

Поколебавшись, она выскользнула из кровати. Тусклый лунный свет у нее за спиной обрисовал ее силуэт сквозь тонкую ночнушку. Она немного поправилась и ее тело смягчили плавные изгибы. Со спадающими на плечи волосами и расширившимися от желания глазами она выглядела сексуально. Чертовски сексуально, вообще-то.

– Иди, – прорычал я. – В противном случае я не буду отвечать за последующие действия.

Развернувшись, она поспешила к двери.

– Кэтрин, – окликнул я.

Она обернулась, рука уже покоилась на дверной ручке.

Я смягчил голос.

– Если лампа разбилась, я куплю тебе новую.

Она просияла улыбкой:

– Ладно.

Я плюхнулся обратно на кровать.

Что, черт побери, я делал? Уже второй раз за сегодня я хотел основательно ее трахнуть – женщину, от которой желал когда-то избавиться. Теперь она постоянно находилась возле меня. В каждом аспекте моей жизни. В моей постели.

А что самое странное? Я не имел ничего против всего этого.

– Кэтрин, сироп – это добавка, а не группа продуктов.

Она подняла взгляд от своей тарелки, уже качая головой.

– Каждую дырочку надо заполнить сиропом, Ричард. Это правило.

Я фыркнул, поднеся свою кружку ко рту.

– Ты топишь вафли. На твоей тарелке больше сиропа, чем еды.

– Так вкуснее.

Я застонал.

– И ты добавила бекон?

Она промычала с полным ртом.

– Идеально.

Дженна хихикнула, разрезав свой завтрак.

– Не фанат сиропа, Ричард?

– Я добавил разумное количество. Хочу почувствовать и вкус вафель.

Кэтрин протянула в мою сторону заполненную вилку.

– Попробуй.

– Нет.

– Пожалуйста?

Я нанизал кусочек моей гораздо более сухой вафли.

– Тогда ты попробуй мою.

Мы накормили друг друга. Ее был пропитан сиропом и маслом, и был гораздо слаще, чем я привык. Я поморщился.

– Это божественно-ужасно.

Она усмехнулась.

– Получше твоей. – Взглянув вниз она выругалась. – Черт возьми, капнула сироп на блузку. Прошу прощение.

Она поспешила покинуть кухню. Я дождался, пока она скроется из виду, и схватил бутылку с сиропом, добавляя еще на свои вафли.

Дженна хихикнула.

– Вы двое такие милые. Вы что, никогда не ели вафли вместе?

Нужно было что-то быстро придумать.

– Нет, Кэтрин всегда делала панкейки. Я купил ей вафельницу в качестве свадебного подарка.

Дженна изумленно уставилась на меня.

– Ты подарил ей вафельницу на свадьбу?

– Она захотела!

– Боже, Ричард, тебе нужно многое узнать о романтике.

– У нее есть я.

Дженна взяла в руки кружку с кофе.

– Хммм. Может, вафельница была лучшим подарком.

Я пристально на нее посмотрел.

– Когда ты уезжаешь домой?

Она усмехнулась.

– Адриан скоро будет здесь.

– Хорошо.

Она поддела мою руку, игриво подмигнув.

– Прошлой ночью я прервала ваше примирение. Прости. Гром застал меня врасплох.

– Понятия не имею, о чем ты.

– Конечно же нет. Кэтрин всегда такая, э-э, взъерошенная.

Я усмехнулся. Покидая вчера спальню, она выглядела довольно растрепанной.

Я подмигнул Дженне.

– У нас есть весь день, чтобы заниматься любовью. В смысле, мириться. Или и то и другое.

Она закатила глаза, бормоча, что у мужчин одно на уме.

Я же продолжил есть свои, теперь уже залитые сиропом, вафли.

Я вышел из кабинета в поисках Кэтрин. Дженна уехала в середине дня, а я был немного занят работой, после чего позвонил Грехам. Услышав шум из коридора, отправился разведать. Дверь в самую маленькую спальню была открыта. В настоящее время я приспособил ее под склад. Когда-то в ней стояла кровать, и я использовал ее для гостей женского пола и активностей после ужина, поскольку никогда не водил их наверх. Когда переехала Кэтрин, я избавился от кровати – тут остались только коробки и бумаги.

Я облокотился о дверной косяк, пару мгновений просто наблюдая за ней, губы дернулись от снисходительной улыбки.

– Что ты делаешь?

Она указала на несколько картин в рамах.

– У тебя тут есть несколько симпатичных работ.

– Я не знал куда их деть.

– Они будут прекрасно смотреться в гостиной. – Она достала несколько фотографий из коробки, которую просматривала. – Вот очень милые снимки – стыдно их прятать.

Протянул руку, и она вложила в нее стопку фотографий.

Я просматривал их, испытывая некоторую неловкость.

– Я их сделал.

– Ты?

– Да. У меня был период, когда я пробовал свои силы в фотографии. Он не продлился долго. – Я вернул их ей. – Они никуда негодные.

– Думаю, они великолепны.

– На здоровье.

– У тебя есть негативы?

Я отрицательно покачал головой.

– Все цифровое. В одной из коробок лежит мой фотоаппарат и все SD карты.

– Ладно.

– Послушай, звонил Грехам. Он хочет, чтобы я поехал с ним за город на встречу с клиентом. Думаю, он чувствует себя виноватым, что последние два раза ездил Адриан.

– Когда ты уезжаешь?

– Завтра.

– Надолго?

– В этом-то все и дело. Меня не будет до четверга, что значит, я пропущу вторник с Пенни.

Она расплылась в лукавой улыбке.

– Не проблема – я могу пропустить йогу. Она мне не очень дается.

– Передай ей, что я приеду навестить ее в пятницу в обед и принесу ее любимые чизбургеры.

– Ей это понравится.

– Чем займешься в мое отсутствие?

– Поработаю над гостиной.

– Придут оформители, верно? Никаких лестниц? – Она сделала удивительную работу в своей комнате, но гостиная была слишком большой, чтобы заниматься ею в одиночку. Мысль о Кэтрин на такой высокой лестнице заставила нервничать – особенно если учесть, что меня не будет в городе.

– Я позвала профессионалов, Ричард. Все будет окончено за два дня. Ты пропустишь все веселье.

– Как жаль.

Она встала, отряхивая брюки.

– Помогу тебе собраться. Мне нужно сменить постельное белье и перенести на место свои вещи.

Слова вырвались сами собой:

– Не надо.

– Что?

– Поспи в моей комнате, пока меня не будет. Не беспокойся о стирке. У тебя итак полно дел.

Она пожевала щеку с внутренней стороны.

– А сегодня ночью?

– Снова поспим вместе.

– Я...

Я взял ее за руку.

– Это разумно. У тебя будет чуть меньше дел.

Озорная улыбка изогнула ее губы.

– Ты – ластёна. Любишь ко мне лнуть!

Я хмыкнул.

– Я просто был практичным.

– Признай это, и я посплю с тобой.

Я изогнул бровь.

– Хочешь перефразировать?

– Ой, я...

И вот он – румянец, который меня забавлял, расцвел на ее груди и окрасил щеки. Она толкнула мою руку, поддразнивая.

– Признай, и я посплю в твоей кровати, пока тебя не будет.

– И сегодня?

Она покраснела сильнее.

– Да.

Я наклонился, проводя губами по ее щеке до самого уха.

– Мне нравится ластиться к тебе. Ты вся такая теплая и хорошо пахнешь.

Это была правда. Я снова проснулся этим утром, обвинив ее своим телом, отдохнувшим и расслабленным, даже несмотря на то что пришлось справляться с последствиями прижимания ее мягкой фигуры ко мне.

Она проскользнула мимо меня.

– Хорошо. Если ты этого хочешь.

Я усмехнулся. Вообще-то, именно это я хотел.

– Чему улыбаешься? – спросил Грехам. Поездка проходила хорошо, и клиент был сегодня в восторге. Я провел день, дополняя свои планы и идеи, готовясь к очередной встрече завтра утром. Грехам настоял на том, чтобы мы отправились на ужин отпраздновать.

Я поднял глаза от телефона и протянул его ему.

– Послал Пенни огромный шоколадно-карамельный чизкейк, чтобы извиниться, что нахожусь сегодня не с ней. Кэтрин прислала фотографию, как они им наслаждаются.

Он хмыкнул и вернул телефон.

- Ты очень нежно относишься к Пенни.
- Она напоминает мне кое-кого из детства.
- Родственницу?
- Я поерзал на стуле.
- Нет.

Он посмотрел на меня пронизательным взглядом поверх края стакана.

- Не любишь говорить о себе. Особенно о своем прошлом.
- Да, не люблю.
- Ты говорил о нем с кем-то?
- С Кэтрин.

– Твой катализатор. Женщина, изменившая твою жизнь – изменившая тебя.

Я склонил голову в знак согласия, надеясь, что он поймет намек и оставит эту тему. С мгновение он молчал, после чего потянулся, достал из кармана конверт и подвинул его через стол.

- Что это?

Он постучал по плотной кремовой бумаге.

– Ты был исключительно хорош с тех пор, как взошел на борт, Ричард. Превзошел мои ожидания. Все наши ожидания. Твоя работа над рекламной кампанией «Кеннер Футвэар»: как ты подхватил ее и был ключевой частью команды. И что поехал в эту командировку в последний момент. Все это.

Я пожал плечами, испытывая непривычную скромность от такой похвалы, его слова согрели меня. Я задался вопросом, это ли испытывает мальчик, нежась в лучах отцовской гордости – чего я никогда не чувствовал. Грехам был быстр на комплименты и редко критиковал – его замечания чаще были поучительными, чем осуждающими. Поразительно, как быстро я вошел в свою роль в «Гэвин Групп». Наслаждался позитивной атмосферой и отношением «работать с, а не против», которое они разделяли. Однако его слова значили очень многое. У меня сдавило горло, и я сделал глоток воды, чтобы избавиться от кома, прежде чем заговорить.

- Спасибо. Для меня это тоже весьма значимо.

Он придвинул конверт ближе.

- Тебе.

Внутри был солидный чек – мои глаза округлились от внушительности суммы – вместе с копией моего контракта. Но больше всего мое внимание привлекло то, что пункт 6 был зачеркнут и парафирован. Я поднял на него вопросительный взгляд.

- Я не понимаю.

Он ухмыльнулся.

– Чек – это твой бонус за исключительную работу. Благодаря твоей идее «Кеннер» подписали с нами многолетний договор. Они хотят, чтобы ты участвовал в каждой кампании.

Я поднял контракт.

- Вы зачеркнули испытательный срок.

– Да. Я внес его лишь для того, чтобы удостовериться, что чутье меня не подвело и ты нам подходишь. Ты более чем доказал свои заверения о том, что уже изменился. Твоя Кэти на самом деле выявила настоящего Ричарда. – Он протянул мне руку. – Место в моей компании тебе обеспеченно бессрочно, только если сам не передумаешь, Ричард. Надеюсь, впереди у нас много совместных лет.

Пошатываясь, я пожал его руку. Я добился этого, несмотря на все трудности. Я это сделал.

Я должен был злорадствовать, испытывать эйфорию. Все мои планы, все действия привели меня к этому моменту. Я упрочил свои позиции в «Гэвин Групп» и насолил Дэвиду.

Миссия выполнена.

Однако испытываемое мной волнение было не по причине того, что я предполагал. Я обнаружил, что мне было в той или иной степени плевать на Дэвида или то, что он чувствовал. Он мог зайти в дверь, предложить мне партнерство и больше денег, чем я когда-либо мечтал, и это не соблазнило бы меня уйти. Вместо этого мне хотелось лишь нежиться в одобрении Грехамов. Хотелось, чтобы он гордился. Хотелось продолжить на него работать и слышать его добрые, хвалебные слова. Наряду с этими мыслями возникла непривычная мне эмоция – вина. Вина за то, как это все началось и почему сейчас я сижу тут. Вина за обман, которым я воспользовался, чтобы достичь этого момента.

Глядя на бумаги, я задавался вопросом, насколько факт пребывания с нами Дженны повлиял на его решение. Она определенно увидела достаточно того, как мы ведем себя словно нормальная супружеская пара, чтобы убедить кого угодно, что у нас все по-настоящему. Она думала, что я не могу удержать руки подальше от Кэтрин, что у нас прекрасная сексуальная жизнь, что мы ссоримся и миримся – все, что делают прочие пары. Возможно, гроза не только

сблизила нас с Кэтрин, но также исключила любые сомнения все еще роившиеся в голове Грехама.

Внутренне я покачал головой. Это не имело значения. Самое главное, что я продолжу усердно трудиться и проявлять себя перед Грехамом и его компанией. Не важно, как это началось, я заслужу все стараниями – и удержу свои достижения.

– Спасибо.

Он сжал мое плечо.

– Уверен, Кэти будет счастлива.

В груди заклокотала еще одна странная эмоция – предвкушение того, как расскажу ей, разделю с ней эту победу. Я усмехнулся, зная, как положительно она отреагирует.

– Я с радостью ей расскажу, но думаю, подожду до возвращения домой. – Я посмотрел на свой бонус. – Думаю, нужно купить ей что-то, чтобы отпраздновать. На прошлой неделе как раз подумывал, что нужно купить ей подарок. Это будет идеальным предложением.

Он кивнул.

– Прекрасная мысль. Я знаю замечательный ювелирный магазин ниже по улице.

Мои брови взметнулись вверх. Ювелирное изделие. Об этом я не подумал, но это будет...

– Идеально.

РИЧАРД

ВСТАВИЛ КЛЮЧ в замок, тихонько входя в кондо. Я был потрясен, осознав, как сильно скучал по дому. Как сильно скучал по Кэтрин.

Я обнаружил, что пишу ей сообщения, проверяю в порядке ли она, все ли хорошо у Пенни или не забыла ли она запереть дверь в кондо. Ее всегда немного дерзкие и милые ответные сообщения заставляли меня улыбаться. Она восхищалась чизкейком и рассказывала, как все сотрудники принялись помогать ей с Пенни его приканчивать. Ее позабавило, что я также отправил распоряжение на счет фруктового лакомства для Джоуи. Когда она упомянула, что Пенни казалась более уставшей, чем обычно, я дважды перезванивал в частный дом, вызвав у Тами смешок по поводу моего беспокойства.

Я посмеялся над собой. Казалось, само присутствие Кэтрин в моей жизни с легкостью вызывало во мне все больше эмоций.

Я вроде должен был это ненавидеть, но почему-то таких чувств не возникало.

Мне не терпелось оказаться дома, увидеть ее, навестить Пенни и вернуться в офис. Когда клиент быстрее, чем ожидалось, согласился на наше предложение, мы оба договорились отправиться домой пораньше и сели на последний рейс. Таксист высадил меня, а Грехаму развеселила моя бойкость, когда я сам схватился за чемодан.

– Не жду тебя в офисе спозаранку, Ричард. Наслаждайся утром с Кэти. Увидимся в полдень.

Я кивнул.

– Спасибо.

Поставил чемодан, щелкнул выключателем и замер.

Я был не в той комнате, которую оставил пару дней назад. Густой бордовый цвет, выбранный Кэтрин, теперь украшал несущую стену вокруг камина и подчеркивал деревянную каминную полку. Остальные стены были богатого, приятного глазу кремового цвета. Она добавила несколько подушек, два кресла, которые показала мне, и в результате трансформации гостиная стала теплой и привлекательной. По-домашнему уютной.

Самым большим сюрпризом были вывешенные ею художественные работы. Она использовала несколько картин, которые нашла недавно, но на красной стене повесила некоторые из моих распечатанных фотографий, увеличенные вдвое и вставленные в рамки. Я был поражен тем, как прекрасно они смотрелись, и удивлен, что она выбрала мои любимые. Вся комната выглядела эффектно.

Я провел рукой по изгибу добавленных ею кресел. Это были оригинальные предметы мебели. Комната по-прежнему излучала мужскую ауру, однако смягчалась созданной ею атмосферой. На каминной полке была наша совместная фотография, сделанная Дженной в день свадьбы. Я взял ее в руки, изучая не постановочный кадр. Кэтрин смеялась в объектив, ее лицо чуть ли не светилось. Я прижимался своим лбом к ее и улыбался. Мы оба выглядели счастливыми. Словно влюбленная пара. Я провел пальцем по ее изображению, не понимая странное ощущение в груди.

Поставив фото на место, подхватил свою сумку и поднялся по ступенькам вверх. В дверном проеме своей комнаты я от удивления остановился, обнаружив спящую в моей кровати Кэтрин. Я был уверен, что она уже давно перебралась в свою комнату. Но вместо этого обнимала подушку, вцепившись в материал, пока дремала, а ее темные волосы шоколадной волной рассыпались по накрахмаленным, белым простыням. Я смотрел на нее спящую. Она выглядела юной и уязвимой. Помню, как считал ее слабой. Но она была какой угодно, только не такой. Теперь достаточно ее узнав, я не сомневался, что в ней был стальной стержень – без него давно бы уже сломалась – и все-таки она не сдавалась.

Она выдержала потерю родителей, жизнь на улице, боль от наблюдения за тем, как заболевает Пенни, и меня – во всей моей самовлюбленной, недалёковидной, эгоистичной красе.

Она пошевелилась, и покрывало съехало от ее движения. Я усмехнулся, увидев, что на ней надета футболка, которая была на мне за день до отъезда.

Моя жена находилась в моей постели, в моей одежде.

Я обнаружил, что не возражаю против обоих этих обстоятельств.

С приглушенным вздохом я опустил на пол сумку, взял пижамные штаны и, сохраняя тишину, приготовился ко сну. Осторожно скользнул позади нее и прижал спиной к своей груди. Она проснулась и замерла в моих объятиях.

– Расслабься, душенька. Это я.

– Почему ты дома?

- Дела пошли хорошо, даже очень хорошо, и мы закруглились пораньше.
Она попыталась встать.
– Пойду к себе.
Я притянул ее назад.
– Останься. Все в порядке. – С ухмылкой я поцеловал ее в шею. – Я ластёна, помнишь?
Она угнездилась со слабым довольным звуком.
– Твоя кровать удобная.
Я не мог удержаться, чтобы не подтрунить над ней.
– И моя футболка? – спросил я, потянув за надетую майку. – Она тоже удобная?
Она скинула мою руку.
– Я была занята и не успела постирать. Она лежала сверху, вот я ее и надела.
– Я видел, насколько ты была занята.
– Тебе нравится? – ее голос был застенчивым и нерешительным.
Я поцеловал ее в лоб.
– Хорошая работа, миссис ВанРайен.
Она хихикнула в подушку.
– Рада, что ты доволен, мистер ВанРайен.
Я прижал ее ближе.
– Так и есть. Засыпай. Утром расскажу тебе все о поездке.
– Ладно. – Сонно пробубнила она. – Доброй ночи.
– Доброй ночи.

- Кэтрин уставилась на меня из-за чашки кофе и снова подняла договор.
– Вот так просто? Он отменил твой испытательный срок?
Я кивнул, рот был полон омлета. Прожевав, я проглотил и усмехнулся.
– У меня подозрения, что с этим мог быть как-то связан маленький визит Дженны.
Она грызла кончик ногтя, я потянулся и шлепнул ее по руке.
– Прекрати.
– Почему ты думаешь, что пребывание здесь Дженны имело к этому какое-то отношение?
– Сама поразмышляй, Кэтрин. Подумай, что она видела. Нас в одной кровати, меня всю обвивающего тебя. Мы хорошо ладили. Ей даже стало известно, что мы поссорились и помирились. Уверен, она сказала Грехаму, что он ошибался в своих сомнениях.
– Полагаю, в этом есть смысл.
– К тому же он сказал, что я отлично поработал – превзошел ожидания. Таким образом он меня вознаградил. – Я сделал глоток кофе. – Ну, окончанием моего испытательного срока и щедрым бонусом.
Ее улыбка была теплой.
– Я знала, что ты ошеломил их своей работой. Это меня не удивляет. Твои идеи всегда были великолепны.
Ее похвала странно повлияла на меня. Я потер грудь, словно этим мог распространить тепло, излучаемое ее словами, и улыбнулся ей, а мой голос звучал искренне.
– Ты всегда поддерживала. Спасибо тебе.
Ее ответная улыбка была широкой и открытой. Я опустил взгляд на свою тарелку, когда мысленно отметил всю нормальность нашей обстановки. На это был похож брак? Настоящий брак? Маленькие совместно разделенные моменты, которые заставляют тебя чувствовать себя цельным – связанным с кем-то.
Я порылся в кармане и протянул ей маленькую коробочку.
– Тебе, – хрипло произнес я, беря в руки свою кружку.
Она не пошевелилась, чтобы дотронуться до нее. Никогда не встречал женщины подобной Кэтрин. Мое благосостояние всегда было магнитом для женщин, с которыми я встречался. Они бы вились вокруг меня ради подарков – желая их, бросая намеки, показывая предметы в интернете. Практически вырывая у меня из рук какой-либо презент, если я решал купить что-то. Но не Кэтрин.
– Твой бонус, – настаивал я и подтолкнул коробочку ближе к ней. – Открой. Она не кусается.
Ее рука дрожала, когда она потянулась за ней и поколебалась, когда та оказалась у нее на ладони, словно предвкушая момент открытия крышки, проникаясь тайной. Мне нравилось наблюдать за сменой эмоций на ее лице.

У нее округлились глаза, когда она обнаружила внутри кольцо. Стоило мне его увидеть, как понял, что оно ей понравится. Маленькое и изящное, бриллианты были вставлены в разные оправы. Крошечные квадраты, овалы, круги и четырехугольники делали кольцо таким же уникальным и неповторимым, как она. Это было не самое дорогое кольцо в магазине и, честно сказать, не самое большое, но оно подходило Кэтрин. Даже Грехам одобрительно кивнул в ту же секунду, как мой палец постучал по стеклянной витрине.

– *Вот это, пожалуйста. Хотелось бы взглянуть на него.*

Кэтрин подняла на меня взгляд.

– Я не понимаю.

– Это подарок, Кэтрин.

– Зачем?

Я пожал плечами.

– Потому что ты его заслуживаешь. – Я тронул конверт с договором. – Ничего из этого не произошло бы без тебя. Я хотел сказать «спасибо». – Добавил я совершенно искренне. Было важно, чтобы она поверила мне – чтобы поняла, я прекрасно осознавал, как много она для меня сделала.

– Оно прекрасно.

– Надень его.

Она надела на правую руку и покрутила запястьем как делают женщины, когда любят кольцо на пальце.

– Оно впору!

Потянувшись, я взял ее за руку и стал разглядывать. Оно хорошо сидело на пальце и идеально ей подходило. Я опустил ее руку на столешницу, неловко поглаживая.

– Тебе нравится?

– Оно... – Ее голос был хриплым. – Оно великолепно.

– Я подумывал о серьгах, но заметил, что у Дженны и Лоры есть кольца на правых руках, поэтому решил, что и тебе понравится. Мы можем взять серьги, если ты их предпочитаешь.

Она отрицательно покачала головой.

– Нет. Оно идеальное.

Воздух вокруг нас пропитался вихрем эмоций. Она продолжала смотреть на свою руку и быстро моргать. О, Боже – она что, собиралась расплакаться? Из-за подарка? Я не был уверен, что смог бы выдержать ее слезы. Такого рода эмоции делали меня чрезвычайно нервным.

Я хлопнул в ладоши.

– Значит, хороший выбор. Приберегу сережки для другого раза. Может, на шестимесячный юбилей или еще что. Уверен, Гэвины отмечают такого рода вехи. Мне придется не отставать.

Она прочистила горло и слезла с барного стула.

– Полагаю, что так.

Я изумился, когда, вылив свой кофе в раковину, она остановилась у моего стула, накрыла ладошкой мою щеку и легонько прикоснулась к ней губами.

– Спасибо, Ричард, – пробормотала она и прошла дальше.

Я повернулся на своем стуле, чтобы проследить, как она поднимается по ступенькам. И лишь развернувшись назад, осознал, что моя рука накрывает лицо в том месте, где меня коснулись ее губы, будто я удерживал на своей коже ее поцелуй.

Как странно.

Мелани Морлэнд
«Контракт»
Глава двадцать четвертая

РИЧАРД

НАХМУРИВШИСЬ, ВЗГЛЯНУЛ на Пенни. Я был взволнован, ведь уже виденное нами ранее джазовое трио выступало сегодня на бис, но она весь вечер была отстраненной. Не единожды она поднимала руку, смахивая скатывающуюся по щеке слезу. Когда, забеспокоившись, я спросил все ли с ней в порядке, она поспешно отмахнулась от меня.

– Я в порядке.

И все же она казалось какой угодно, только не в порядке.

Я откатил ее назад в комнату, надеясь, что заранее заготовленное мной лакомство поднимет ей настроение.

Кэтрин упоминала, что в последние пару дней Пенни плохо кушала и казалась уставшей. Вечером ее сиделка сказала мне, что она лишь поковыряла ужин и съела только ланч, потому что ее кормила Кэтрин.

Я знал, что Кэтрин волновалась. Она подумывала прекратить занятия йогой, но я посоветовал ей сходить. Напомнил, что ей осталось только два занятия, после чего она могла бы присоединиться к нам по вторникам. Мне будет не хватать времени, проводимого с Пенни, но через месяц уроки йоги вновь начнутся, так что к тому моменту все встанет на круги своя.

Моей любимой частью вечера было слушать рассказы Пенни о Кэтрин. Их было так много – некоторые из них Кэтрин уже и сама наверняка не помнила. Они содержали забавные, неловкие моменты, вызывавшие у меня смех.

Устроившись рядом с Пенни, я с улыбкой открыл коробку с пиццей.

– Вуаля!

Узнав, что после чизбургеров, пицца была ее любимым блюдом, я начал регулярно приносить их ей. В частном доме проблем из-за этого не возникало, и я заботился о том, чтобы на всякий случай снабжать и персонал. Однажды принес столько пиццы, что любой желающий постоялец мог ей полакомиться. В тот день я был героем.

Однако сегодня пицца была только для Пенни.

Она взяла кусочек, но даже не попыталась хотя бы надкусить. Со вздохом я забрал его и положил назад в коробку. Обхватил ее хрупкое запястье и потер нежную кожу ладонки.

– Пенни, в чем дело? Что случилось?

Она испустила протяжный выдох, звук прокатился по комнате и замер.

– Я устала.

– Хочешь, чтобы я позвал Конни? Она подготовит тебя ко сну. – Сегодня у Тами был выходной, но ей нравилась Конни.

– Нет. Я не хочу ложиться спать.

– Я не понимаю.

Освободив руку, она утомленно потерла ладонью лицо.

– Я устала от всего этого.

– Своей комнаты? – Если она хотела другую, то я все организую для нее.

– От пребывания тут. В этой... *жизни*, если ее можно так назвать.

Никогда не слышал, чтобы она говорила подобное.

– *Пенни...*

Она протянула руку и обхватила мою.

– Я забываю вещи, Ричард. Время идет, а я не знаю тот ли это день, что был минуту назад. Кэти навещает меня, а я не могу вспомнить, была ли она тут пару часов назад, пару дней или лишь на минуту вышла из комнаты. Порой я совсем ничего не узнаю и мне страшно. Знаю, что бывают дни, когда я не узнаю *ее*. – Ее голос дрожал, глаза блестели от слез. – Большую часть времени я сама себя не узнаю.

– Она здесь. Навещает тебя каждый день и даже если ты забываешь *ее*, она *тебя* помнит. Она остается с тобой и сидит рядом.

– Я для нее обуза.

– Нет, – настаивал я. – Ты для нее не обуза. Она любит тебя.

– Ты, должно быть, сердись на меня.

– *Что?* Нет. Вовсе нет. Я люблю проводить с тобой время. Теперь ты часть моей семьи, Пенни. Ты стала ею после моей женитьбы на Кэтрин. – Стоило словам слететь с моих губ, как я осознал, что говорю правду.

– Она должна заниматься другими вещами, путешествовать, рожать детей, заводить друзей, а не ухаживать за старухой.

– Зачем ты так говоришь? Ты же знаешь, ради тебя Кэтрин сделает все что угодно. Как и я. – Я поднял ее руку и поцеловал истонченную кожу. – Пожалуйста, Пенни, если она услышит тебя...

– Я скучаю по Бёрту.

– Знаю, – успокаивал я. – Вы так долго были в браке. Конечно же ты по нему скучаешь.

– Сорок лет. Мы не были богаты, но у нас была любовь. – Она мягко улыбнулась. – Я любила наблюдать, как он готовит. Он был поваром, ты знал?

– Да, ты говорила.

– А я была учительницей. У нас была хорошая жизнь, и когда он умер, я не знала, как мне жить дальше. Но потом я нашла Кэти, и она стала смыслом моей жизни.

– Ты была ей нужна.

– Теперь уже нет.

– Ты ошибаешься. Нужна.

– Ты позаботишься о ней?

– Не надо. Не сдавайся, Пенни. Кэтрин – она будет безутешна.

Она закрыла глаза и ее плечи поникли.

– Просто я очень устала.

Я запаниковал, когда осознал, что ее слова не относятся к нежеланию ложиться спать. Она устала от жизни и пребывания в более не подвластном ей теле со спутанным сознанием и забывающим разумом.

Я склонился ближе и понизил голос.

– Я присмотрю за ней. Обещаю. Она ни в чем не будет нуждаться. – Это я мог ей обещать. Я позабочусь о том, чтобы у Кэтрин все было в порядке. – Не сдавайся. Ты ей *нужна*.

Она открыла глаза, ее взгляд скользнул мимо меня.

– Можешь дать мне вон ту фотографию?

Я развернулся и передал ей снимок, на который она указывала. После того как она узнала о нашей женитьбе, Кэтрин принесла ей наше фото со свадьбы, а еще одно сделала Тами во время одного из наших визитов. Кэтрин держала ее за руку, а Пенни щипала ту за нос и смеялась, я же, улыбаясь, сидел рядом с ними. Мы походили на семью.

Она провела пальцами по нашим лицам.

– Она была моей жизнью с тех пор, как я потерял Бёрта.

– Знаю.

– Она стала именно такой, какой я ее всегда представляла – умная, любящая, сильная.

– Согласен. А также красивая. Крепкая, как гвозди. В основном благодаря тебе, Пенни.

На это она улыбнулась. Впервые за сегодняшний вечер я увидел у нее настоящую улыбку.

Она потянулась и погладила мою щеку.

– Ты хороший мальчик.

От этих слов я хмыкнул. Никто *никогда* не говорил мне такого.

– С возрастом, Ричард, ты понимаешь, что жизнь состоит из мгновений. Всевозможных моментов. Печальных, хороших и замечательных. Они создают хитросплетения, которые и составляют твою жизнь. Держись за каждый из них – особенно за прекрасные. Благодаря им проще принять все прочие.

Я накрыл ее руку своей.

– Останься, – призывал я. – Ради нее. Даруй ей больше замечательных моментов, Пенни.

Со вздохом она кивнула.

– А теперь я хочу лечь спать.

Пряча лицо, я поцеловал ее ладонь.

– Я позову Конни.

Она посмотрела мне в глаза цепким взглядом, поймавшим и удерживавшим меня.

– Любовь, Ричард. Убедись, что окружил ее любовью.

Я мог лишь кивнуть.

Она ущипнула меня за нос. Так она делала Кэтрин – ее способ сказать: «Я тебя люблю».

Весь путь до стола Конни у меня щипало глаза.

Мой телефон завибрировал на деревянном столе, и я взял его в руки, подавив ухмылку при взгляде на входящий номер. «Золотые дубы». Интересно, что на этот раз Пенни попросила передать через Тами. После нашего беспокойного вечера на прошлой неделе она ежедневно чего-нибудь хотела, и я заботился о том, чтобы она это получала. Я ничего не рассказал Кэтрин

о нашем разговоре. Она итак уже переживала. Пенни явно сдавала, и разум все чаще ее подводил. Прошлым вечером она по большей части была самой собой, но уснула, как только я доставил ее назад в комнату. Поцеловав в бархатистую щеку, я оставил ее в надежных руках сиделки.

Я отклонил звонок, намереваясь перезвонить после окончания совещания, и вновь сфокусировал свое внимание на Грехама, который озвучивал пожелания клиента относительно их следующей кампании, но мой телефон вновь зазвонил. Бросив взгляд на экран, я заметил, что это были «Золотые дубы». В желудке зародилась толика беспокойства. Тами знала, что я бы ей перезвонил. С чего ей так настаивать?

Я посмотрел на прервавшего свою речь Грехама.

– Тебе нужно ответить, Ричард?

– Думаю, это может быть важно.

Он кивнул.

– Объявляю общий пятиминутный перерыв.

Я принял звонок.

– Мистер ВанРайен, простите что прерываю. – От ее голоса по спине пошла тревожная рябь. – У меня ужасные новости.

Сам не понял как, но вдруг я оказался на ногах.

– Что случилось?

– Пенни Джонсон скончалась час назад.

Глаза неожиданно обожгло, и я закрыл их. Сильнее стиснул телефон, а голос стал глуше.

– Моей жене сообщили?

– Да. Она была здесь утром и только ушла, когда я зашла проверить Пенни. Я перезвонила ей.

– Она сейчас там?

– Да. Я попыталась узнать у нее о распоряжениях, но она не разговаривает. Не зная, что делать, я позвонила вам.

– Да, вы правильно поступили. Я уже выезжаю. Не дайте ей уйти, Тами. Я позабочусь обо всем.

Я отключился и уронил телефон, звук его удара о стол глухим гулом отразился в моей голове. Почувствовав на своем плече руку, поднял глаза и увидел скорбное лицо Грехама.

– Соболезную, Ричард.

– Мне нужно... – Мой голос осекся.

– Позволь отвезти тебя.

Я странно себя чувствовал. Словно утратил стабильность. В голове был хаос, живот скручивало узлом, а глаза жгло. В мозгу пульсировала лишь одна мысль – ее имя. «Кэтрин».

– Ты нужен ей. Я отвезу тебя туда.

Я кивнул.

– Да.

В частном доме я на всех парах неся по коридорам. Снаружи комнаты Пенни я заметил Тами у закрытой двери.

– Она внутри?

– Да.

– Что от меня требуется?

– Мне нужно знать, были ли какие-то распоряжения, предварительные планы, какие у нее были пожелания относительно похорон?

– Знаю, что она хотела, чтобы ее кремировали. Не думаю, что Кэтрин озаботилась какими-то предварительными распоряжениями. – Я провел рукой по затылку. – У меня нет опыта в этих делах, Тами.

Из-за моей спины раздался голос Грехама.

– Позволь помочь тебе, Ричард.

Я с удивлением развернулся, так как полагал, что он высадил меня и уехал.

Представляясь, он протянул Тами руку. В ответ она улыбнулась. После чего он вновь обратился ко мне.

– Иди к жене. У моего хорошего друга есть несколько похоронных бюро. Я свяжусь с ним и начну все организовывать – Тами может мне подсказать.

Она кивнула.

– Конечно. – Она положила руку поверх моей. – Когда будете готовы, я заберу Джоуи и отнесу его в холл. Он остается здесь с нами.

– Хорошо.

– Я максимально помогу мистеру Гэвину.

– Буду признателен, как и Кэти.

Грехам улыбнулся.

– Ты очень редко зовешь ее так. Иди – ты ей нужен.

Я проскользнул в комнату, тихонько прикрыв за собой дверь. Комната казалась совсем неправильной. В ней не звучала музыка, Пенни не сидела, напевая за одним из своих холстов. Даже Джоуи хранил молчание, съездившись на своем шесте и схоронив голову под крылом. Шторы были задернуты, а комната потускнела от печали.

Кэтрин сторбленной фигуркой сидела у кровати Пенни и держала ее за руку. Я встал рядом с ней, позволив себе на мгновение взглянуть на женщину, изменившую мою жизнь. Пенни казалась спящей, ее лицо было умиротворенным. Больше она не будет расстроенной или взволнованной, больше не будет искать чего-то, что не может вспомнить.

Больше не сможет рассказывать мне истории о женщине, горюющей о ней в данный момент.

Я опустился рядом с женой, накрыв державшую Пенни руку своей.

– Кэтрин – прошептал я.

Она не шелохнулась. Оставаясь застывшей, бесстрастной и молчаливой.

Я обхватил ее за напряженные плечи и притянул к себе.

– Мне жаль, душенька. Знаю, как сильно ты ее любила.

– Я только ушла, – прошептала она. – Была на полпути к дому, когда они позвонили. Мне не следовало уходить.

– Ты же не знала.

– Она сказала, что устала и хотела отдохнуть. Она не желала рисовать, попросила выключить музыку. Я должна была понять, что что-то не так, – настаивала она.

– Не изводи себя так.

– Я должна была быть с ней, когда она...

– Ты и была с ней. Ты же знаешь, как она к этому относилась, милая. Ведь она непрестанно повторяла, что уйдет, когда будет готова. Ты была здесь, человек, которого она любила больше всех – та, кого она бы хотела увидеть последней, и она была готова. – Я провел рукой по ее волосам. – Детка, она уже некоторое время как была к этому готова. Думаю, она ждала, чтобы удостовериться, что с тобой все будет в порядке.

– Я не попрощалась.

Я прижал ее голову к своему плечу.

– Ты поцеловала ее?

– Да.

– Она ущипнула тебя за нос?

– Да.

– Значит ты попрощалась. Так вы двое делали. Тебе не нужны были слова, чтобы сказать, что ты ее любила. Она знала это, душенька. Всегда знала.

– Я не... я не знаю, что теперь делать.

Она всем телом содрогнулась, и будучи не в состоянии выносить ее усиливающуюся боль, я встал на ноги, приподнял ее и вновь сел, прежде чем она успела запротестовать. Она по-прежнему сжимала руку Пенни, а я чувствовал, как она вся дрожит.

– Позволь мне помочь, душенька. Грехам тоже здесь. Мы выясним, что нам нужно сделать.

Ее голова упала мне на грудь, и я почувствовал влагу от ее слез. Я поцеловал ее в голову и держал, пока не ощутил, что ее тело расслабилось, и она отпустила руку Пенни, позволяя той осторожно опуститься на одеяло. Мы сидели в тишине, в то время как я поглаживал ее по спине.

В дверь постучали, и я разрешил войти. Появился Грехам и присел рядом с нами.

– Кэти, дорогая, мне так жаль.

Она едва прошептала.

– Спасибо.

– Здесь Лора. Мы бы хотели помочь тебе и Ричарду с организацией похорон, если вы не против.

Она кивнула, а по ее спине пробежала очередная волна дрожи.

– Думаю, мне нужно отвезти ее домой.

Грехам встал.

– Конечно.

Я ниже склонил голову.

– Ты готова, душенька? Или хочешь остаться подольше?

Она посмотрела на Грехама, ее губы дрожали.

– Что последует?

– Мой друг Конрад приедет за ней. Ричард сказал, что она хотела быть кремированной?

– Да.

– Он все устроит, и мы можем обсудить, чего бы вы хотели.

– Хочу совершить поминальную службу по ней.

– Мы можем это организовать.

– А как на счет, – она сглотнула, – ее вещей?

– Я позабочусь, чтобы все запаковали и перевезли в кондо, душенька, – заверил я. – Тами сказала, что Джоуи остается здесь?

– Он нравится другим постояльцам – они за ним присмотрят. Я хочу пожертвовать некоторые из ее вещей тем из постояльцев, у кого нет тех возможностей, что были у нее – ее одежду, инвалидную коляску и вещи такого рода.

– Ладно, я дам распоряжения. Когда будешь готова, можешь просмотреть вещи, и я все устрою.

Она молча смотрела на Пенни, но кивнула.

– Хорошо.

Я встал, не отпуская ее с рук. Мне не нравились дрожь в ее теле или голосе. Я чувствовал себя лучше, удерживая ее, и она не протестовала.

Я посмотрел на Пенни, произнося про себя слова благодарности и прощаясь. Чувствуя, как от эмоций щиплет глаза, я сморгнул. Ради Кэтрин мне нужно было оставаться сильным.

– Я подгоню машину, – предложил Грехам и вышел из комнаты.

Я встретился с полным боли и печали взглядом Кэтрин. По телу прошла волна всепоглощающей нежности, и все мое естество охватила потребность облегчить ее страдание.

Я прижался губами к ее лбу и прошептал:

– У меня есть ты. Мы пройдем через это вместе. Обещаю.

Она прильнула к моей ласке, безмолвно нуждаясь в прикосновении.

– Ты готова?

Кивая, она зарылась лицом мне в грудь, усилив хватку на моем пиджаке.

Я шагнул из комнаты, зная, что наши с ней жизни вот-вот изменятся.

И на этот раз я понятия не имел, как с этим справиться.

РИЧАРД

В КОНДО СТОЯЛА ТИШИНА. После очередного вечера, проведенного в молчании, Кэтрин отправилась в постель. Она не особо ела во время ужина, лишь слегка пригубила вина, а на мои вопросы отвечала едва слышным мычанием или покачиванием головы. Я слышал, как она передвигается наверху, как открываются и закрываются ящики, и знал, что она, вероятнее всего, переставляет и перекладывает вещи. Так она поступала, когда была расстроена.

Меня снедало беспокойство, такого я никогда не испытывал. Я не привык переживать за другого человека. Все гадал, как помочь ей почувствовать себя лучше, как разговорить ее. Ей нужно было выговориться.

Похороны были немногочисленными, но особенными. И это неудивительно, учитывая, что по большей части всеми вопросами занимались Грехам с Лорой. Лора села с Кэтрин и помогла выбрать несколько фотографий, которые они расставили в помещении. Самую любимую фотографию Пенни они установили у урны с прахом, которая в свою очередь была украшена полевыми цветами. В помещении были цветы, присланные разными людьми, но самая большая корзина была от нас с Кэтрин. Все цветы, что любила Пенни, стояли в вазе рядом с ее фотографией – в основном ромашки.

Выразить уважение пришла большая часть сотрудников «Гэвин Групп». Я стоял рядом с Кэтрин, обхватив рукой за талию, и в молчаливой поддержке прижимал к себе ее одеревеневшее тело. Я пожимал руки, принимая тихие слова соболезнования, ощущая, как иной раз по ее телу пробегала дрожь. Пришли некоторые из сотрудников и медработников «Золотых дубов», Кэтрин приняла их объятия и произнесенные слова общего горя, после чего, как всегда, отступила назад ко мне, словно искала убежища в моих объятиях. Присутствовали несколько оставшихся друзей Пенни – им она уделила особое внимание. Она низко склонилась, чтобы в приглушенном тоне поговорить с теми, кто сидел в инвалидных колясках, удостоверилась, что тех, кто был с сопровождающими, быстро провели к их местам, а после короткой церемонии уделила всем им свое время.

Я не спускал с нее глаз и держался поблизости, переживая из-за непрекращающегося потока ее слез и дрожания рук. До того дня я никогда не испытывал горя. Когда умерли мои родители, я не ощутил ничего, кроме облегчения после всего, через что мне пришлось из-за них пройти. Я печалился, когда ушла Нэна, но это была грусть ребенка. Боль, которую я испытывал из-за кончины Пенни, пронзала мне грудь. Она странным образом переполняла и распространялась. Невыплаканные слезы жгли глаза, когда я меньше всего их ожидал. Когда привезли коробки с ее вещами, мне пришлось остаться в кладовке, чтобы побороть эмоции, которые я не мог объяснить. Я обнаружил, что думаю о наших беседах, о том, как загорались ее глаза, стоило мне упомянуть имя Кэтрин. О милых, забавных историях их совместной жизни. В моем календаре каждый вторник был по-прежнему занят, пересекающим их именем Пенни. Каким-то образом я не мог пока заставить себя стереть их. В довершение к и без того уже странным испытываемым мной эмоциям было беспокойство за жену.

Я думал, что она справлялась со всем. Знал, что она горевала о потере женщины, которую любила как свою мать, хотя и вела себя спокойно. Стойко. Она плакала однажды, но со дня смерти Пенни я не видел ее слез. С прошедших сегодня утром похорон она замкнулась в себе. Выходила погулять, молча покачивая головой на мое предложение составить ей компанию. А вернувшись, пошла напрямик в свою комнату, пока я не сходил за ней, чтобы позвать к ужину.

И теперь, с моими ограниченными знаниями в оказании помощи другим людям, я был растерян. Я не мог позвонить Дженне или Грехаму и спросить у них, что мне сделать для собственной жены. Они полагали, что мы близки и что мне было точно известно, как именно действовать. Когда сегодня мы покидали похоронное бюро, Дженна обняла меня и прошептала: «Позаботься о ней». Я этого и хотел, но не знал как. У меня не было опыта в такого рода сильных эмоциях.

Без усталости меряя шагами гостиную и кухню, потягивая вино, я знал, что могу отправиться в тренажерный зал и немного избавиться от напряжения, но не был в настроении. Почему-то он казался расположенным слишком далеко от Кэтрин, а мне хотелось быть поблизости на случай, если я ей понадобится.

Я сел на диван, и лежащая рядом пухлая подушка вызвала у меня улыбку. Еще один из сделанных Кэтрин штрихов. Дополненные ее рукой шелковые одеяла, пуховые подушки, теплые цвета на стенах и художественные работы создали в кондо ощущение домашнего уюта. Я замер, поднося бокал ко рту. А говорил ли я ей, что мне понравилось то, что она сделала?

Со стоном я осушил фужер и поставил его на столик. Потянувшись вперед всем телом, я схватился за волосы и дернул до боли. За прошедшие недели я однозначно стал лучше, но достаточно ли изменился? Я сознавал, что мой язык уже не был так остер, и понимал, что как человек стал положительней. Но несмотря на это не был уверен, что этого хватает. Если ей было тяжело, доверяла ли она настолько, чтобы обратиться ко мне?

Я был шокирован осознать, как сильно мне этого хотелось. Я хотел быть ее опорой. Быть человеком, на которого она могла положиться. Я понимал, что мне самому пришлось на нее полагаться – в отношении многих вещей в своей жизни.

Сдавшись, я выключил свет и пошел к себе в комнату. Переоделся в пижамные штаны и подошел к кровати, немного поколебался, после чего вышел из комнаты. Подойдя к ее двери, я даже не удивился, что та была полуоткрыта. Я не понимал, как мои «ночные шорохи», как она их вежливо называла, дарили ей ощущение комфорта, но с того дня как она призналась, что ей это нужно, я никогда не закрывал на ночь дверь.

На мгновение я почувствовал себя странно, стоя у ее двери и не понимая, зачем я тут. Пока не услышал его. Звук приглушенного плача. Не задумываясь, я скользнул в ее комнату. Шторы были раздвинуты, и в окно проникал лунный свет. Она плакала, свернувшись калачиком. Ее тело так сотрясало от рыданий, что колыхалась постель. Откинув одеяло, я подхватил ее на руки и, тесно прижав, отнес в свою комнату. Укачивая, я опустил вместе с ней на кровать и подоткнул одеяло вокруг нас. Она напряглась, но я держал ее крепко.

– Выпусти это из себя и тебе легче, душенька.

Она расслабилась и прильнула ко мне всем телом. Ее руки вцепились в мои голые плечи, а слезы жгли мне кожу, пока она неудержимо рыдала. Я гладил ее по спине, перебирал пальцами волосы и издавал, как я надеялся, утешающие звуки. Несмотря на причину, мне нравилось, что она рядом. Мне не хватало ее мягкости, прижимающейся к моему твердому телу. Она так хорошо мне подходила.

В конце концов ее рыдания стали утихать, а ужасная дрожь – покидать тело. Я потянулся, схватил несколько бумажных платков и вложил их ей в руку.

– П-п-прости, – прошептала она, заикаясь.

– Тебе не за что извиняться, душенька.

– Я побеспокоила тебя.

– Вовсе нет. Я хочу помочь тебе. Я же постоянно твержу – что бы тебе не понадобилось, стоит лишь попросить. – Я поколебался с мгновение. – Я твой муж. Помогать тебе – моя работа.

– Ты был так мил. Даже добр.

Я слегка поморщился от ее ошеломленного тона. Понимал, что заслужил такое, но мне это все же не понравилось.

– Я стараюсь быть лучше.

Она чуть сменила позу, запрокинув голову, чтобы рассмотреть меня.

– Почему?

– Ты этого заслуживаешь, ты только что потеряла человека, которого любила. Ты горюешь. Я хочу тебе помочь, хотя и не знаю как. Все это мне в новинку, Кэти. – Большим пальцем я осторожно смахнул слезы, скатившиеся из уголков ее глаз.

– Ты назвал меня Кэти.

– Полагаю, это само вырвалось. Пенни все время тебя так звала. Как и все остальные.

– Ты ей нравился.

У меня странным образом сперло в горле, в то время как я изучал ее лицо в бледном свете, сочащемся сквозь окно.

– Она мне нравилась, – тихо, но искренне ответил я. – Она была чудесной женщиной.

– Знаю.

– Я знаю, ты будешь по ней скучать, душенька, но... – Мне не хотелось произносить те же банальности, которые я слышал, как ей говорили в последние дни все прочие. – Ей было бы ненавистно быть тебе обузой.

– Она ей не была!

– Она бы с тобой поспорила. Ты усердно трудилась, чтобы обеспечить ей чувство безопасности. Ты многим пожертвовала.

– Она сделала то же самое для меня. Всегда ставила меня на первый план, – вздрогнула она. – Я-я не знаю, где бы сейчас была, если бы она не нашла меня и не забрала к себе.

Мне тоже не хотелось об этом думать. Действия Пенни повлияли на обе наши жизни – в лучшую сторону.

– Она поступила так, потому что любила тебя.

– Я любила ее.

– Знаю. – Я взял ее лицо в ладони, глядя в переполненные болью глаза. – Ты так сильно ее любила, что, ради обеспечения ей должного ухода, вышла замуж за полного мудака, который чертовски третировал тебя.

– Несколько недель назад ты перестал быть полным мудаком.

Я покачал головой.

– Мне вообще не стоило быть с тобой мудаком. – Я с ошеломлением почувствовал, как в глазах встают слезы. – Прости меня, душенька.

– Ты тоже по ней скучаешь.

Будучи не в силах ответить, я кивнул.

Она притянула меня ниже, моя голова устроилась в изгибе ее шеи. Я не мог вспомнить, когда плакал в последний раз – скорее всего еще ребенком – но сейчас именно это и делал. Плакал об утрате женщины, которую знал всего ничего, но которая, тем не менее, так много стала для меня значить. Той, кто своими рассказами и выборочными воспоминаниями, возродила женщину, на которой я был женат – ее слова продемонстрировали мне доброту и свет Кэти.

Они с Кэти показали мне, что нет ничего плохого в том, что чувствуешь, доверяешь... и любишь.

Потому что в ту самую секунду я знал, что влюблен в свою жену.

Я резко прижал Кэти к себе и крепко обнял. Когда мои слезы высохли, я поднял голову и встретился с ее ласковым взглядом. Атмосфера между нами изменилась из утешающей и заботливой во что-то живое и наэлектризованное.

Во мне возникли похоть и желание, которые я до этого отрицал. Мое тело распалось из-за женщины, которую я держал в объятиях. Глаза Кэти расширились, аналогичное желание горело в ее ярких голубых глазах.

Давая ей возможность сказать «нет», я склонил голову, остановившись на ее губах.

– Пожалуйста? – прошептал я, не совсем уверенный, о чем именно прошу.

Ее легкий словно перышко стон был всем, что мне требовалось, и я прильнул к ее губам с ранее неиспытанной жадой.

Это не были лишь похоть и желание. Но также нужда и потребность. Искушение и прощение. Все вместе возникло по отношению к одной миниатюрной женщине.

Это походило на перерождение во всполохах языков пламени, что лизали и потрескивали вдоль моего позвоночника. В моем теле гудел каждый нерв. Я ощущал каждый дюйм ее тела, прижимающегося к моему, каждый ее изгиб вписывался в меня, словно она была создана для меня и только меня. Ее язык ощущался как бархат, дыхание словно чистейшие глотки жизни, наполняющие мои легкие. Я прижимал ее, но мне все казалось, что недостаточно сильно. Я целовал ее, но будто недостаточно глубоко. Ее забавная ночная рубашка исчезла под моими стиснутыми ладонями, ткань с легкостью разорвалась. Мне нужно было коснуться ее кожи. Было необходимо ощутить всю ее. Ногами она стянула с меня штаны, высвободив мою эрекцию, зажатую теперь между нами. Мы оба издали стон, стоило нашей коже соприкоснуться. Ее мягкая и гладкая терлась о мое более грубое и твердое тело.

Она была подобна крему – текучему и душистому, обволакивающему меня. Языком и руками я исследовал каждый ее дюйм. Все скрытые от мира впадины и выпуклости были в данный момент доступны мне для изучения. Я наслаждался ее вкусом, каждое открытие было новым и экзотическим. Ее груди у меня в руках были полными и пышными, соски вздернутыми и чувствительными. Она застонала, стоило мне провести языком по этим твердым вершинкам и нежно потянуть за них, слегка прикусив зубами. Она извивалась и хныкала, когда я переключался вниз, кружа языком по ее животу и от ее крошечного пупочка опускаясь все ниже, пока не нашел ее естество, влажное и готовое для меня.

– Ричард, – ахнула она одновременно жалобно и неистово, когда я сомкнул губы вокруг клитора и попробовал на вкус ее сладость. Тело Кэти извивалось, то выгибаясь, то вытягиваясь, в то время как я исследовал и дразнил ее языком. Она зарылась рукой в мои волосы, то прижимая меня ближе, то отталкивая по мере того как я наращивал ритм. Ее стоны и всхлипы были словно музыка для моих ушей. Сначала я скользнул в нее одним пальцем, затем добавил второй, проникая глубже.

– Боже, душенька, ты такая узкая, – простонал я в ее жар.

– Я... я никогда не была с мужчиной.

Я замер и приподнял голову, позволяя словам просочиться в мое сознание. Она была девственницей. Нужно было помнить об этом, быть с ней нежным и относиться с уважением. От осознания, что из всех людей на свете она преподнесет этот дар именно мне, меня охватили

эмоции, которые я не мог идентифицировать. Я не должен был удивляться, и все же, как и всегда, она продолжила поражать меня.

– Не останавливайся, – молила она.

– Кэти...

– Я хочу этого, Ричард, с тобой. Я хочу тебя.

Я подтянулся вдоль ее тела, обхватил ладонями ее голову и поцеловал с благоговением, которого никогда не демонстрировал или испытывал к другому человеку.

– Ты уверена?

Она снова притянула меня к своим губам.

– Да.

Я бережно склонился над ней, мне хотелось сделать ее первый раз запоминающимся. Хотелось показать своим телом то, что испытывал в душе.

Хотелось сделать ее своей во всех смыслах этого слова.

Прикосновением я выражал свое благоговение, касаясь ее по-прежнему легко и нежно, ее кожа была словно шелк под моими руками. Любя ее своими устами, я изучал каждую ее частичку самым интимным образом, запоминая на вкус и ощущения. Я распалял ее страсть своей собственной, пока она не стала молить о большем.

Я в свою очередь стонал и выдыхал, когда она осмелела, прикасаясь и исследуя меня своими дразнящими губами и нежными руками. Ее имя из моих уст звучало молитвой, в то время как ее пальцы гладили меня по плечам, опускаясь вдоль моей спины, пока не сомкнулись в итоге на моем члене. Наконец я навис над ней, накрыв своим телом, погружаясь глубоко в ее узкое тепло, сдерживаясь, пока она не взмолилась, чтобы я начал двигаться, тогда и только тогда я позволил своей страсти воспарить. Я толкался мощно, погружаясь в нее снова и снова, параллельно целуя ее страстно, нуждаясь в ее вкусе на своих губах так же сильно, как в ее теле, обвивающем меня. Кэти крепко обнимала меня, со стоном произнося мое имя, а ее пальцы впивались в мою спину, теснее прижимая ко мне.

– О, Боже, Ричард, *пожалуйста*. О, мне нужно...

– Скажи, – воззвал я. – Скажи, что тебе нужно.

– Тебя... *больше*... пожалуйста!

– Я с тобой, детка. – Простонал я, приподнимая ее ногу выше и погружаясь глубже. – Лишь я. У тебя впредь буду только я.

Она закричала, запрокинув назад голову и напрягшись всем телом. Она была прекрасна в своем освобождении, мышцы на шее натянулись, на коже поблескивала небольшая испарина. Мой собственный оргазм был уже на подступах, и я зарылся лицом в шею Кэти, ощущая мощь накатившего на меня наслаждения. Я повернул голову и взял ее за подбородок, приближая наши губы друг к другу и целуя ее, покачиваясь на волнах кульминации, пока они не стихли в моем теле. Я перекатился, притянув ее к своей груди и уткнувшись ей в волосы. Она вздохнула, уютнее устраиваясь рядом.

– Спасибо, – выдохнула она.

– Поверь, душенька, все удовольствие досталось мне.

– Что ж, не совсем *все*.

Я издал смешок и поцеловал в макушку.

– Спи, Кэти.

– Мне стоит уйти...

Я стиснул ее крепче, не желая, чтобы она уходила.

– Нет. Останься здесь со мной.

Она вздохнула, по ее телу прошла слабая, но ощутимая волна трепета.

– Лицом или спиной? – промурлыкал я. Ей нравилось спать, прижавшись спиной к моей груди. А мне нравилось просыпаться, зарывшись лицом в ее теплую шею, тесно прижавшись к ней.

– Спиной.

– Хорошо. – Я чуть ослабил объятие, чтобы она могла развернуться. Притянув спиной к себе, я нежно ее поцеловал. – Засыпай. Завтра нам о многом нужно поговорить.

– Я...

– Завтра. Завтра мы определимся, что будем делать дальше.

– Ладно.

Я закрыл глаза и вдохнул ее запах. Завтра я во всем ей признаюсь. Попрошу, чтобы она сказала о чем думает. Мне хотелось поделиться с ней тем, что я чувствую – что я люблю ее. Прояснить отношения между нами. А затем помочь перенести вещи в эту комнату, сделав ее нашей.

Я не хочу вновь оказаться в ситуации, когда ее нет рядом со мной.

И со вздохом удовлетворения, которого и не предполагал, что когда-нибудь испытаю, я погрузился в сон.

Я проснулся в одиночестве, рука лежала на холодных, пустых простынях. Я не был удивлен – последние пару ночей Кэти была более беспокойной, чем обычно, а прошлой ночью и того сильнее. Не единожды я притягивал ее спиной к себе, ощущая всхлипы, которые она пыталась скрыть. Я обнимал ее, позволяя эмоциям через слезы покинуть ее тело.

Я сел и провел рукой по лицу. Приму душ, а затем найду ее на кухне. Мне нужно с ней поговорить. Многое необходимо было прояснить – великое множество вещей, за которые мне стоило извиниться, чтобы мы могли двигаться дальше – вместе.

Я спустил ноги с кровати, взял халат и встал. Пошел по направлению к ванной и остановился. Дверь в мою спальню была закрыта. Почему? Кэти беспокоилась, что разбудит меня? Я покачал головой. Она была одной из самых тихих людей, что я знал, особенно по утрам.

Я пересек комнату и открыл дверь. Меня встретила тишина. Не было слышно никакой музыки или каких-либо звуков из кухни. Я оглянулся на дверь в комнату Кэти. Та была приоткрыта, но и оттуда не доносилось ни звука. В животе что-то сжалось, и я не мог избавиться от этого ощущения. Пройдя по коридору, я заглянул к ней. Постель была застелена, в комнате все прибрано и чисто. Она казалась нежилой.

Я направился к лестнице, спускаясь через две ступеньки за раз, и рванул к кухне, окликая Кэти по имени. Она не ответила и в помещение никого не было.

Я в панике остолбенел. Должно быть, она вышла – может, в магазин. Было несколько причин, почему она могла покинуть кондо. Я поспешил к парадной двери. Ключи от ее машины висели на крючке.

Она вероятно отправилась на прогулку, сказал я себе.

Я вернулся на кухню к кофе-машине. Она показала, как ей пользоваться, так что я мог по крайней мере приготовить порцию кофе. На улице было туманно, нависали низкие и мрачные тучи. Ей потребуется горячий напиток, чтобы согреться по возвращению.

Но когда я потянулся к чаше, то увидел на столешнице ее телефон. А рядом с ним ключи от кондо. Рука дрожала, когда я поднял их. Зачем ей оставлять ключи? Как она попадет в таком случае в квартиру?

Я вновь перевел взгляд на столешницу. Там лежало все: банковские карты и чековая книжка, что я ей дал. Ее копия контракта. Она оставила все это, потому что оставила меня.

В глаза бросился всполох света, и я склонился, чтобы подобрать ее кольца.

В памяти вспыхнули образы Кэти. Как протягивал ей коробочку со словами, что не собираюсь вставать на одно колено. Выражение ее лица, когда в день свадьбы надел ей кольцо на палец, беря ее замуж ввиду обстоятельств, а не по любви. Она выглядела прекрасно, но я никогда ей об этом не говорил. Было много того, что я никогда не говорил ей.

Так много вещей, которые у меня уже никогда не будет шанса ей сказать – потому что она ушла.

РИЧАРД

Я ЗНАЛ, ЧТО ЕЕ ТАМ НЕ БЫЛО, но все же проверил каждый уголок кондо. Заглянув в ее комод и гардеробную, отметил, что большая часть новой одежды, которую я купил для нее, была на месте, но некоторых вещей не хватало. Две еще не распакованные ею коробки лежали в шкафу, в ванной осталась парочка туалетных принадлежностей, но единственный имевшийся у нее чемодан отсутствовал. Я припомнил, что слышал прошлой ночью, как открывались и закрывались ящики. То, что мне показалось раскладыванием и перестановкой вещей, на деле оказалось ее подготовкой к уходу от меня.

Я присел на край ее кровати и схватился за голову.

Почему? Зачем она спала со мной, если знала, что собирается меня бросить? Почему она ушла?

Выругался себе под нос — ответ был очевиден. Пенни мертва. Ей больше не нужно было обеспечивать ее, а значит и продолжать притворяться, что она влюблена в меня. Мне казалось, мы отлично поладили. Был уверен, что она испытывала какие-то чувства. Почему она не поговорила со мной?

Сидя в пустой комнате, я усмехнулся. Конечно же, она бы не пришла и не поговорила со мной. Когда это я давал ей понять, что она могла бы это сделать? Мы стали дружелюбными врагами, объединившимися ради общей цели. Теперь же ее цель изменилась. Хоть и собирался поговорить с ней, но она понятия не имела о том, что я испытываю. У меня до сих пор в голове не укладывалось насколько сильно изменились мои чувства.

В голове продолжал крутиться единственный вопрос, который не поддавался логике: *Почему она переспала со мной?*

Стоило воспоминаниям прошлой ночи всплыть в моей памяти, как все внутри меня заledenело. Она была девственницей, а на мне не было защиты. Я был так увлечен моментом — самой Кэти — что до этой секунды даже не задумывался об этом. Я взял ее без презерватива. Я же всегда его надевал и это никогда даже не обсуждалось с моими партнершами.

Каковы были шансы, что она на таблетках? В панике я схватился за затылок. Каковы были шансы, что она забеременеет?

Она ушла. Я понятия не имел, где она или беременна ли. И уж тем более представления не имел, какотреагирую, если она *ждет* моего ребенка. Задумается ли она вообще о такой вероятности?

Я поспешил в кабинет, обеспокоенный как никогда, и включил ноутбук. Быстро просмотрел историю браузера, чтобы проверить, бронировала ли она билет на самолет или поезд, но ничего не нашел. Перепроверил наши банковские счета и с изумлением обнаружил, что вчера она сняла двадцать тысяч долларов. Я вспомнил, как днем она собиралась на прогулку и как настаивала на походе в одиночку. Она отправилась в банк и сняла, либо перевела деньги. Все что она забрала — это свою двухмесячную «зарплату». Просмотрев ее счет, я обратил внимание, что за исключением расходов на Пенни, она не тронула ни цента из тех денег. Она ничего не потратила на себя. Ничего не прихватила на будущее.

Я был в замешательстве как никогда. Она не хотела моих денег. Не желала меня. Что же ей было нужно?

Я неустанно барабанил пальцами по столу. Она оставила свои ключи и пропуск, а значит не могла попасть в здание или квартиру. Я знал, что в конце концов она свяжется со мной, чтобы забрать оставленные ею коробки, но буду настаивать на том, чтобы сначала увидеться с ней. Мой взгляд остановился на полке в кабинете, и я осознал, что прах Пенни исчез. Куда бы она не ушла, она забрала его с собой — но я достаточно хорошо ее знал, чтобы понимать, что ей захочется забрать свои картины и содержимое тех коробок наверху, ведь в них хранились сентиментальные предметы — вещи, которые она считала важными.

Шестеренки в моем мозгу закрутились, как происходило каждый раз, когда я сталкивался с проблемой. Я начал раскладывать все по полочкам и находить решения. Я мог сказать Гэвинам, что она уехала на пару недель. Что стресс, вызванный смертью Пенни, был слишком сильным и ей потребовалась передышка. Я мог сказать, будто отправил ее в теплые края расслабиться и восстановить силы. Это бы позволило выиграть немного времени. А когда она выйдет на связь, я мог бы убедить ее вернуться, и мы бы что-нибудь придумали. Могли бы продолжать оставаться в браке. Я бы подобрал для нее местечко по соседству и ей бы приходилось видеться со мной только при возникновении необходимости. Я бы мог ее уговорить на это. Я встал и уставился на приглушенный свет за окном. Пасмурный день был идеальным фоном моего настроения. Я

позволил мыслям течь самим по себе, обдумывая различные сценарии, и в итоге решив, что чем проще, тем лучше: буду придерживаться первоначальных мыслей о ее уходе. У меня ее телефон. Я мог бы посылать себе текстовые сообщения и придумывать достаточно телефонных бесед, не вызвав при этом каких-либо подозрений.

Разве что...

Моя голова поникла. Не этого я хотел. Мне хотелось знать, куда ушла Кэти. Мне нужно было знать, что она в безопасности. Хотелось поговорить с ней. Она горевала и не совсем здраво мыслила. Ей казалось, что она одна.

Я схватился за подоконник, уставившись на город. Она была где-то там, сама по себе. Я должен был найти ее. Ради нас обоих.

Я вернулся к своему дому и въехал на парковочное место, откинув голову на подголовник. Я проехал по всем местам, что пришли на ум, куда она могла направиться. Был в аэропорту, на железнодорожной станции, автовокзале, даже в пунктах проката автомобилей. Я показал ее фотографию, наверно, сотне людей, но безрезультатно. Она оставила свой мобильный, так что я даже не мог ей позвонить. Я знал, что у нее была собственная кредитка и попытался связаться с соответствующим банком, чтобы узнать не использовали ли ту в последнее время, но меня тут же отшили. Если мне была необходима такая информация, то требовалось кого-то нанять. Самостоятельно это выяснить я не мог.

Я разочаровано дотащился наверх и повалился на диван, даже не удосужившись включить освещение. Дневной свет сменялся сумерками, тьма ночи медленно поглощала небо.

Где же она, черт побери?

Меня обуяла злость, и я схватил ближайший ко мне предмет и швырнул его в стену. Он разлетелся по комнате на осколки. Я встал, весь кипя и негодуя, и начал нарезать круги по комнате, раздавливая стекло ботинками. Схватил бутылку виски, открутил крышку и выпил, не воспользовавшись стаканом. Именно поэтому я не пускал эмоции в свою жизнь. Они словно осел, медленные и бесполезные, готовые врезать вам по морде, когда вы меньше всего этого ожидаете. Моим родителям всегда было плевать на меня, и я научился полагаться лишь на самого себя. С Кэтрин я ослабил защиту, и стерва проехала по мне. Она хотела уйти? Ну и скатертью дорога. Может катиться. А когда она наконец позвонит по поводу своих вещей, я отправлю их ей вместе с документами о разводе.

Я замер, не донеся бутылку до рта. Щель, весь день грозившая расколоть мою грудь, разверзлась. Я устало сел, более не заинтересованный в выпивке. Она не была стервой, и мне не хотелось, чтобы она исчезла. Я хотел, чтобы она была здесь. Со мной. Хотел слышать, как ее тихий голосок задает мне вопросы. Ее дразнящий смех. Видеть, как бы она изгибала бровь и шептала «иди трахни себя, ВанРайен». Хотел, чтобы она выслушивала мои идеи и слышать ее похвалу. Я вздохнул, звук прозвучал тихо и печально в пустой комнате. Я хотел просыпаться рядом с ней и чувствовать, как меня окружает ее тепло, и как она окутала собой мое омертвевшее сердце и возродила его.

Я вспомнил нашу ссору пару недель назад. Она пыталась убедить меня, что любовь не такая уж и ужасная вещь. *Она что-то ко мне чувствовала?* Такое было возможно? Я отверг ее, посчитав излишне драматизирующей – печаль в ее глазах, изнеможение в голосе, когда она сказала, что устала от лжи и давящего на нее чувства вины. Я настоял, что мы никому не приносим вреда. Грехам заполучил замечательного сотрудника, у Пенни был прекрасный дом по уходу, по окончании всего этого Кэтрин бы изменила свою жизнь в лучшую сторону, а моя жизнь шла бы по накатанной. Никто не остался бы в накладе и никто бы не пострадал.

Как же я ошибался – мы оба страдали.

Я хотел вернуть жену и на этот раз желал этого на самом деле.

Просто не знал, как добиться.

Я метался и наворачивал круги часами, не выпуская из рук бутылку с виски. Лишь когда в два часа ночи мой желудок заурчал, осознал, как много времени прошло с того момента, как я что-либо ел. На кухне дернул на себя дверцу холодильника и сгреб контейнер с остатками спагетти. Не потрудившись разогреть их, я уселся за стол, накручивая на вилку и жуя холодные макароны. Даже холодные они были вкусными. Все, что готовила Кэтрин, было восхитительно. Мысли вернулись к вечеру, когда она приготовила мне филе и спаржу с беарнским соусом – блюдо, которое составило конкуренцию тому, что я ел "У Финли". Моя похвала была искренней,

а ее реакцией оказался один из редких румянцев. Из-за светлой кожи на ее щеках часто проявлялись цветные отметины, когда она готовила или пила что-то горячее. Когда она злилась или нервничала, ее кожа становилась пунцовой, словно раскалялась, но мягкий румянец – это нечто иное. Он подчеркивал ее лицо, делая еще красивее обычного.

– Мне это нравится, – задумчиво протянул я.

– Что нравится?

– То, как ты краснееешь. С тобой не часто это происходит, но когда я хвалю тебя, такое случается.

– Может ты недостаточно меня хвалишь.

– Ты права.

Она прижала ладонь к груди в наигранном шоке.

– Ты согласился со мной и похвалил? Редкий случай в доме ВанРайена.

Я рассмеялся, запрокинув голову. Взяв в руку бокал с вином, я разглядывал ее поверх края фужера.

– Когда я был ребенком, какое-то время моим любимым десертом было мороженое с клубничным соусом.

– Лишь какое-то время?

– Нэна готовила мне его. После ее ухода я больше никогда его не получал.

– О, Ричард...

Я покачал головой, не желая слышать ее слов сочувствия.

– Она давала мне его, а я любил добавлять соус в мороженое. В результате масса становилась розовой и мягкой. – Я провел пальцем по краю стола. – Твой румянец напоминает мне об этом.

Некоторое время она молчала, а затем подошла ко мне, наклонилась и поцеловала в макушку.

– Спасибо.

Я не поднял взгляда.

– Ага.

– И, если ты думаешь, что твои милые слова отмажут тебя от мытья посуды, не надейся, ВанРайен. Я готовлю. Ты прибираешь.

Я усмехнулся, когда она вышла из кухни.

Вилка замерла на полпути ко рту. Я любил ее даже в тот момент. Легкий стеб, ее подтрунивание, комфорт, который я обнаружил с ее присутствием – все было, но я этого не распознал. Любовь не из тех вещей, которые я знал или понимал.

Я уронил вилку и отодвинул от себя контейнер, аппетит пропал. Я оглядел кухню, повсюду замечая ее штрихи. Они были по всей квартире. Добавленные ею маленькие частички Кэтрин, преобразующее это место во что-то большее, чем то, где я жил. Она превратила его в дом. Наш дом.

Без нее это было ничто.

Без нее я был никем.

– Ричард? Что ты тут делаешь?

Я повернулся и наблюдал, как передо мной разворачивается знакомый сценарий. Мой босс заходит ко мне в кабинет и обнаруживает, что я собираю вещи. В руке у меня была фотография, сделанная в день моей свадьбы. Я держал ее и пялился на изображение бог весть сколько времени, все думая и вспоминая.

Грехам с озадаченным выражением на лице зашел в кабинет.

– Ты же должен быть дома с Кэти. Я же сказал, можешь взять столько времени, сколько потребуется. – Он покосился на маленькую коробочку на моем столе. – Что происходит?

– Мне нужно с вами поговорить.

– Где Кэти?

Я решительно встретился с ним взглядом.

– Не знаю. Она меня бросила.

Он отшатнулся, на лице читалось выражение шока. Потянувшись к карману, он достал свой телефон.

– Сара, отмени на сегодня все мои встречи и переговоры. Да, все. Перенеси их, как только сможешь. Меня не будет в офисе. – Он положил трубку. – Не заметил твоей машины внизу.

Я покачал головой:

– Я приехал на такси.

– Верни фотографию на стол и пойдем со мной. Найдем какое-нибудь уединенное местечко, где сможем поговорить.

– Я почти собрался, – запротестовал я. – У меня тут не так уж и много вещей.

– Ты увольняешься?

Мой вздох был пронизан болью.

– Нет. Хотя стоит вам услышать, что я скажу, и работы у меня не будет. Проще все сделать вот так.

Он нахмурился и голос стал тверже:

– Положи фотографию, Ричард. Вот поговорим, и я сам решу, что будет дальше.

Я посмотрел на фото, которое сжимал трясущейся рукой.

– Живо.

Я сделал, как он просил. Он протянул мое пальто, разглядывая меня.

– Ужасно выглядишь.

Я натянул пальто и кивнул.

– И чувствую себя так же.

– Пойдем.

Мы не разговаривали в машине. Я пялился в окно на город, который любил, но скорее всего покину. Без Кэтрин и желанной работы для меня ничего не останется в провинции Виктория. Как только улажу все дела с Грехамом и Кэтрин, то перееду в Торонто. Это огромный безликий город. Я смог бы забыться там.

– Ричард.

Вздвогнув, я посмотрел на Грехама.

– Мы на месте.

Я так углубился в свои мысли, что не осознал, куда мы направлялись. Он привез нас к себе домой. Я нахмурился, глядя на него.

– Уединение нам будет гарантировано. Лора дома, но она не будет мешать.

Я сглотнул:

– Она также заслуживает это услышать.

– Может, позже. Сначала поговорим мы.

Я открыл дверь машины, слишком уставший, чтобы спорить:

– Ладно.

РИЧАРД

Я СМОТРЕЛ ИЗ ОКНА на обширную территорию. В голове крутились воспоминания о том дне, когда я впервые привез сюда Кэтрин. Как мы оба нервничали и волновались. И как же здорово она сыграла свою роль. Взгляд метнулся к террасе, а в голове всплыли картинки нашего свадебного обеда, сковав мне грудь. Она выглядела такой красивой, так естественно было ощущать ее в моих объятиях во время нашего танца. День, который должен был стать рядовым в моем плане, в итоге оказался одним из самых радостных.

Любил ли я ее уже тогда?

– Ричард.

Я обернулся на зов Грехама, протягивающего мне чашку горячего кофе.

– Подумал, тебе пригодится.

Молча кивнув, я взял чашку и вновь развернулся к окну. Мысли спутались, голова была в смятении. Не знал, как начать этот разговор, но понимал, что он должен состояться. Нужно было все прояснить, прежде чем определиться со следующим шагом. Сделав глубокий вдох, я повернулся к Грехаму. Он стоял, прислонившись к своему столу со скрещенными ногами, и потягивал кофе в своем обычном, спокойном состоянии, хотя в выражении лица сквозило напряжение.

– Не знаю с чего начать, – признался я.

– Обычно лучше всего начинать с начала.

Не уверен, что в данной ситуации считалось началом. Истинная причина моего ухода из «Андерсен Инк.»? Наша договоренность с Кэтрин? Та куча лжи и обмана, что за этим последовали?

– Почему Кэти ушла от тебя, Ричард?

Я пожал плечами, чувствуя себя беспомощным.

– Не знаю. Может, потому что не знала, какие чувства я на самом деле к ней испытываю?

– И какие же именно?

– Я люблю ее.

– Твоя жена не знала, что ты ее любишь?

– Нет.

– Думаю, ты нашел начало.

Я мрачно кивнул, зная, что он прав.

– Я вам солгал.

– В чем именно?

Я сел и поставил свою чашку на стол. Если бы я продолжал держать ее, то либо раскрошил между плотно сжатыми кулаками, либо запустил ее в стену вместе со всем содержимым. Ничего из этого не способствовало бы цивилизной беседе, хотя не факт, что такой она и будет.

– Во всем. Все было ложью.

Грехам устроился напротив, закинув ногу на ногу. Он провел пальцем по складке своих брюк, после чего поднял на меня взгляд.

– Ты солгал, чтобы получить работу в «Гэвин Групп»?

– Да.

– Объясни, зачем.

– Меня обошли с партнерством и мне хотелось взбесить Дэвида. Хотелось уйти, но остаться здесь, в провинции Виктория. Мне тут нравится. Я услышал о вакансии в «Гэвин Групп» и захотел получить это место.

Он ничего не сказал, лишь слегка дернул подбородком.

– Я знал, что вы бы никогда меня не взяли. Был наслышан о вашем стиле ведения бизнеса. Моя репутация в плане личных качеств была менее чем положительной. – Я усмехнулся. – Не имело значения, что я мог предложить вам в деловом плане, мой образ жизни и характер отвратили бы вас от элементарного рассмотрения моей кандидатуры.

– Верно.

– Мне пришло в голову, если бы вы решили, что я не *такой* человек, возможно, у меня появился бы шанс.

– И ты придумал этот план.

– Да.

– Как Кэти оказалась задействована в твоей махинации?

– Не по собственной воле. Исходя из правил в «Андерсен Инк.», я понимал, что она была самым очевидным кандидатом. Не говоря уже о том, что она отличалась от прочих женщин, с которыми я встречался, тот факт, что она была моей ассистенткой, идеально способствовал плану. – Я пожал плечами. – Она мне даже не нравилась. Да и сама была не в восторге от меня.

– Вы оба хорошо играли.

– Нам пришлось. Для нас обоих это было важно. – Я доверительно потянулся вперед, чуть склонившись. – Она сделала это по одной единственной причине, Грехам.

– Пенни.

– Да, я заплатил ей, чтобы она притворялась моей невестой. Практически вынудил выйти за меня замуж, чтобы продолжить обман. Ей были ненавистны ложь и притворство, – я потер затылок, с силой впившись в кожу. – Вы все так ей нравились... *нравитесь*, что думаю, ей стало невмоготу. Она больше не смогла продолжать.

– Как сильно к этому обману причастен Брайан Максвелл?

Я уже решил для себя, что не позволю никому страдать по моей вине, поэтому не захотел подставлять под удар Брайана или Эми.

– Никак. Я рассказал ему ту же легенду, что и вам. Если он что-то и подозревал, то смолчал. Мне кажется, он искренне полагал, что я изменился, иначе бы не остался в стороне. Что касается Эми, – добавил я, – она ничего не знала. Совершенно ничего.

С мгновение он изучал меня, постукивая себя по подбородку.

– Сомневаюсь, что он так уж непричастен, как ты утверждаешь, однако, не стану акцентировать на этом внимание. Эми – надежная сотрудница, в ее неведение я верю.

– Так и есть.

– Итак, тебя приняли в команду. В чем состоял твой план?

Опустив голову, я сцепил пальцы на затылке, сдавив шею. Я чувствовал напряжение и волнение, словно в любую секунду могу выпрыгнуть из собственной шкуры.

– Ричард, тебе нужно успокоиться. Попытайся расслабиться.

Протяжно выдохнув, я освободил из хватки шею и посмотрел на него.

– Я не знаю, где моя жена, Грехам. Я не могу расслабиться. В моей жизни бардак и единственный человек, который может сделать ее лучше, где-то там, – я махнул рукой в сторону окна, – и думает, что безразличен мне.

– Когда ты в нее влюбился?

– Понятия не имею. Это должна была быть игра. Мне нужно было, чтобы она подала меня более привлекательным. Думал, что если удастся сделать первый шаг, доказать свою ценность вам и вашей фирме, показать, что могу предложить вашим рекламным кампаниям, то, возможно, моя личная жизнь не имела бы такого большого значения. В конце концов я бы развелся с ней и каждый из нас пошел бы своей дорогой. Я бы продолжал работать, а она бы оказалась в финансовом плане в гораздо лучшем положении, чем была. Никто бы не остался в накладе.

– Но?

Его простой и в то же время сложный вопрос повис в воздухе.

– Обстоятельства изменились. *Я изменился*. То, что должно было быть игрой, стало действительностью. Мы стали друзьями. Союзниками. А затем и кем-то большим. Хотя я этого не замечал. Не видел насколько важной она становилась для меня. Никогда не думал, что был способен испытывать такого рода чувства к кому-то.

– Как во все это вписалась Пенни? Думаю, она сыграла значительную роль в этом.

– Кэтрин никогда не хотела, чтобы я с ней встречался или имел какое-либо отношение к ее жизни. Она не хотела сбивать с толку уже итак спутанное сознание Пенни. В тот вечер, когда была вечеринка по поводу моего прихода на фирму и на которой я перебрал с выпивкой, мы поспорили. Вернее, я был задницей и надавил. Она рассказала об аварии с родителями и как в ее жизни появилась Пенни. Не скупясь в выражениях, она поставила меня в известность, что обо мне думает. – Даже несмотря на мое беспокойство и серьезный разговор мои губы изогнулись в улыбке. – В тот вечер мне предстала та сторона Кэтрин, о наличии которой я и не подозревал. Она не была ничтожной слабачкой, какой я ее считал. Она была... *она* храбрая и сильная. И преданная. – Моя улыбка погасла. – К тому же она открыла мне глаза на то, каким ублюдком я был на самом деле: по отношению к ней, к окружающим меня людям. На следующий день я пошел и познакомился с Пенни.

– Полагаю, она произвела на тебя впечатление?

– Она напомнила мне кое-кого из моего прошлого. Одного из немногих хороших людей, которых я знал в юные годы. – Я потянул себя за чуб и смолк, понимая, что нужно собраться с мыслями. Мне не хотелось в разговоре с Грехамом так сильно углубляться в свое прошлое. – В

общем, несмотря ни на что, Кэтрин вышла за меня замуж в тот день, потому что у нас был уговор, и она сдержала слово.

– И ты влюбился в собственную жену.

– Да, но было уже слишком поздно.

– Почему ты так говоришь?

– Она ушла. Оставила позади все, что я дал ей: телефон, деньги, даже машину. Понятия не имею, как ее отыскать или куда она могла отправиться.

– А что насчет вещей Пенни? Она их забрала?

– Нет, они в кондо, наряду с парочкой ее личных вещей. Полагаю, она свяжется со мной, чтобы согласовать куда их переслать.

– Ты же не хочешь дожидаться этого момента.

Я встал и вернулся к окну.

– Не думаю, что есть смысл чего-то ожидать, но нет, мне нужно ее найти.

– У тебя есть желание бороться, чтобы изменить это... ты хочешь бороться, Ричард?

Я развернулся на месте.

– Да, я хочу за это бороться. За нее. За свою работу. За все.

Он встал и скрестил руки на груди.

– С первой нашей встречи я подозревал, что ты мне лжешь.

Я разинул рот:

– Что?

– Я был абсолютно уверен. Однако я нахожу твой образ мыслей интересным. Ты заинтриговал меня. Беседуя с тобой, у меня сложилось впечатление, что в тебе было больше, чем ты позволял людям разглядеть. Как бы поточнее выразиться, я видел в тебе искру. Впервые за все время мне хотелось взять на работу человека, в котором я не был полностью уверен. Лора испытывала в отношении тебя аналогичные чувства... сказать по правде, даже сильнее. Она чувствовала, что тебе нужно дать шанс.

– Как-то вы уже это говорили.

Он кивнул.

– Кэти – она была решающим фактором. Она была открытой и настоящей. Осознавал ли ты это или нет, но с ней ты был другим. – Он улыбнулся. – Было приятно наблюдать, как ты влюбляешься, Ричард. Мы оба это видели. Замечали изменения в тебе. – Склонив голову на бок, он изучал меня. – В офисе ты был настоящим чудом. То, как работает твой разум, прокручивая идеи и концепции. Твой энтузиазм даже меня вновь подхлестнул. Это было восхитительное зрелище.

Горло сжали тески. Я прямо слышал его заключительные слова. *Были. Был.* Моя карьера в «Гэвин Групп» подошла к концу. Даже зная, что такое произойдет, услышать это тем не менее было ударом – слабый фитилек надежды мерцал и вот он окончательно догорел.

– Грехам, время проведенное в вашей компании, без сомнений, было в самой позитивной и креативной атмосфере, что мне когда-либо приходилось работать в своей карьере. То, как вы позволяете своим сотрудникам работать, эта энергия сплоченности, пронизывающая создаваемую вами атмосферу в коллективе. Было честью работать с вами. Даже не буду пытаться выразить свои сожаления, что обманул вас. Не буду просить о прощении, так как понимаю, что не заслуживаю его. Прошу лишь простить Кэтрин. Это я вынудил ее так поступить, загонял в угол до тех пор, пока не лишил выбора. – Я замолк, не знал, что еще сказать. – Ей так нравятся Дженна и Лора. Когда она вернется, для меня будет неимоверным утешением осознание того, что у нее есть друзья, на которых она может положиться.

– А где будешь ты?

Я пожал плечами.

– Возможно, в Торонто? Не знаю. Я не уеду, пока она не вернется и мы все не уладим.

Его брови взлетели вверх.

– Это твоё представление о борьбе? Звучит так, словно ты уже сдался.

– Я не могу работать на какую-то непонятную компанию, занимающуюся онлайн рекламой, Грехам. Я никогда не вернусь в «Андерсен Инк.», так что по сути у меня нет иного выхода, кроме как переехать и начать все с нуля в другом городе.

– Разве я тебя уволил?

– Ожидаю этого в любой момент.

– И как поступишь после?

– Пожму вам руку, поблагодарю за то, что были тем, кого буду уважать всю свою оставшуюся жизнь – тем, кто верил в меня достаточно сильно, чтобы дать шанс. В меня мало кто верил в этой жизни. – Я сглотнул от переизбытка чувств – Кэтрин была одним из этих людей.

– Зачем ты мне все это рассказываешь, Ричард? – спросил он, озадаченный моими мотивами. – Ты мог бы продолжать молчать и замять все это. Кэти может вернуться и все это было бы ни к чему. А мои подозрения остались бы просто подозрениями.

Я встретил его взгляд.

– Кэтрин не единственная, кому надоело жить во лжи. Я хочу начать с чистого листа, будь то здесь с вами или где-то еще. Я не ожидал, что мой план сорвется. Не собирался влюбиться в свою жену, и вовсе не предполагал, что ваше мнение на мой счет будет так много для меня значить. Я не... – я прочистил горло, – ожидал, что так сблизюсь с вашей семьей. Я никогда не испытывал ничего подобного – у меня никогда не было семьи, такой настоящей как у вас. Я словно пришел к распутию дорог и у меня не было иного выбора, кроме как рассказать вам правду. Простите, что подвел вас, Грехам. Я сожалею об этом сильнее, чем могу выразить словами.

Он шагнул ко мне, и я протянул руку, с удивлением заметив, что она дрожит. Он посмотрел вниз, игнорируя мою ладонь. Он хлопнул меня по плечу тяжелой рукой и встретился со мной взглядом.

– Я не увольняю тебя, Ричард.

– Не... не увольняете?

– Нет. Не сейчас. Тебе есть чем заняться: найти и вернуть свою жену. После чего мы обсудим твое дальнейшее будущее в общем и в этой компании в частности.

– Я не понимаю.

– Во всем этом кроется гораздо больше, чем видится на первый взгляд. Твое прошлое сказалось на том, каким человеком ты вырос – бесспорно не самым приятным... до появления Кэти.

– Чего вы хотите, Грехам?

– Хочу, чтобы ты отыскал жену и выяснил о чем она думает – что чувствует. Будь честным и выложи все карты на стол.

– И что тогда?

– Верни ее домой или покончи с этим. Так или иначе, но верни свою жизнь в прежнее русло. Нам с тобой нужно будет сесть и поговорить – действительно поговорить. Думаю, ты можешь много чего предложить моей компании. – Он сделал паузу и кивнул, словно принял для себя какое-то решение. – Полагаю, мне и моей семье есть что тебе предложить.

– И что мне нужно будет для этого сделать?

– Быть искренним. Настоящим. Мне хочется узнать о твоей жизни. О том Ричарде, кем ты был и какой сейчас. А также ожидаю, что перед моей семьей извинятся. Если ты остаешься в команде, то придется вновь заслужить наше доверие.

– Начать все с нуля?

– Думаю, на данный момент ты ушел в минусы.

– Я понимаю.

Я правда понимал. Его предложение меня удивило и вместе с тем ужаснуло. Мысль о том, чтобы рассказать ему о своей прошлой жизни – о том, каким я рос, и был до того, как начал на него работать – была пугающей. Однако, кое-что мне нужно было сделать в первую очередь.

– Я не знаю, как отыскать Кэти.

– Полагаю, следует поступить так же, как со мной – начать с самого начала.

– В смысле?

– В день похорон Пенни мы с ней много разговаривали. Думаю, что знаю, где она может находиться. Если ты внимательно присмотришься, то найдешь ответ в собственном доме.

– Скажите мне, – взмолился я. – Пожалуйста.

– Нет, ты должен сам это выяснить. Должен узнать собственную жену без посторонней помощи. Если *постараешься*, хорошенько подумаешь, то у тебя все получится, Ричард. – Он стиснул мое плечо. – Я в этом уверен.

– А что если мне не удастся?

– Значит, ты недостаточно сильно этого хочешь. Если любишь ее, *на самом деле* любишь, ты справишься. – Он замолчал и задумчиво на меня глянул. – Я задам один вопрос и хочу, чтобы ты ответил не задумываясь. Скажи первое, что придет тебе на ум.

Я расправил плечи. В таких вопросах я был хорош.

– Давайте.

– За что ты любишь Кэти?

– За то, что вынуждает смотреть на мир иначе. Она опускает меня на землю. – Я дернул плечом от досады, не зная, как объяснить. – Она делает жизнь ярче. Именно она показала мне, что означает настоящая любовь.

Он кивнул:

Мелани Морлэнд
«Контракт»

– Я отвезу тебя домой.

Глава двадцать восьмая

РИЧАРД

В КОРИДОРЕ НАС ОСТАНОВИЛА Лора. Нахмурившись, она посмотрела мне в лицо.

– Я слушала под дверью, Ричард.

– Ясно.

– Почти все слышала.

Я опустил глаза, не в состоянии больше выдерживать ее напряженный взгляд.

– Ты лгал мне. Моей семье.

– Да.

– И Кэти вместе с тобой.

Я вскинул голову:

– Потому что я ее вынудил, Лора. Ей было это ненавистно. Сначала ей был неприятен сам факт того, что ей приходится лгать, а когда она узнала вас ближе, то возненавидела это. – Я шагнул вперед. – Она поступила так, чтобы обеспечить Пенни должный уход и подобающее проживание. Она... вы так ей понравились, все вы, что эта ситуация сжирала ее изнутри. – Я схватился за затылок и потер напряженные мышцы шеи. – Думаю, это основная причина ее ухода. Она больше не могла терпеть этого обмана.

Она потянулась и дернула меня за руку. Я освободил шею из захвата и позволил ей сжать мою руку.

– Это было все еще ложью, когда она ушла?

– Нет, – признался я. – Я люблю ее. Без Кэти я потерян. – Я перевел взгляд на Грехама и снова на нее. – Именно поэтому я должен был все вам рассказать. Мне нужно было начать с чистого листа, что бы за этим ни последовало. Вам необходимо было понять, что во всем виноват лишь я. Не она. Если я уеду из города, а она вернется, надеюсь вы ее простите. Она будет совсем одна.

Лора улыбнулась:

– Ты повзрослел, Ричард. Сейчас в первую очередь ты думаешь о Кэти и ее благополучии.

– Так всегда должно было быть.

Она стиснула мою руку:

– Найди жену. Скажи ей правду. Думаю, ты обнаружишь, что не единственный, кто чувствует себя потерянным.

Грудь сдавило. Хотелось верить... верить, что и она меня любит. Что сбежала из-за того, что ей требовалось обдумать следующий шаг. Необходимо было отыскать ее, чтобы она поняла, что ей нет нужды делать это в одиночку.

– Хотелось бы мне.

Грехам заговорил:

– Тогда потрудись. Заслужи это. Наладь свою личную жизнь, а как сделаешь это мы обсудим профессиональную. С этого момента ты в отпуске, пока мы снова не поговорим. Ты не уволен, но и будущее твое не определено.

– Я понимаю.

Я ожидал, что меня незамедлительно уволят. Вышвырнут из этого дома. Независимо от результата или того, насколько будет сложно, будущий разговор это больше, чем я заслуживал.

– Спасибо, – искренне произнес я.

– Ну а сейчас я отвезу тебя домой.

Я последовал за ним к машине, отмечая про себя, что без Кэтрин это не мой дом, а лишь место, в котором я жил. Где бы она не находилась в данный момент, *там* и был мой дом. Рядом с ней. Мне нужно отыскать ее и вернуть, тогда я мог бы снова называть это место домом.

После того, как Грехам высадил меня, я бродил по квартире, не зная, с чего начать. На журнальном столе лежал файл Кэти с идеями и образцами цветов для кондо. Она добавила к нему список для моей спальни, ее маленькие эскизы включали перестановку мебели и цветовые решения для стен. Она была талантлива. Я обратил на это внимание, но никогда ей не говорил, хотя следовало. Было много мыслей, которыми мне следовало поделиться. Я бросил папку на журнальный столик. Когда я верну ее, мы сможем обсудить любые изменения, которые ей хотелось произвести в *нашей* комнате. Она была вольна делать с квартирой все, что ей заблагорассудится, все было приемлемо пока она находилась там.

Но сначала мне нужно было найти жену.

Я зашел в ее комнату и взял с полки в шкафу небольшую коробку для файлов. Я знал, что в нем лежали юридические документы ее и Пенни. Присев на кушетку, я открыл крышку, игнорируя чувство вины. Тут хранились ее личные вещи, и я чувствовал, что мне не следует просматривать их без ее разрешения.

Однако у меня не было иного выхода.

Час спустя я положил все обратно в коробку, голова слегка кружилась. Кэтрин хорошо работала с документами. Впервые я понял, как близко к черте бедности она жила. Что каждый заработанный ею цент она направляла на Пенни и заботу о ней. Я видел доказательства того, что расходы все росли, в то время как ее доход увеличивался совсем незначительно. Она все больше и больше сокращала свои собственные расходы – переезжая в более дешевые квартиры, тратя как можно меньше на повседневные нужды. От мыслей о том, как я обращался с ней в офисе, что она ежедневно от меня терпела, как я высмеивал ее скудные ланчи – меня покорило. Я почувствовал неимоверный стыд, стоило задуматься обо всем, что сделал, как разговаривал. Было чудом, что она смогла оставить все это в прошлом и простить меня. Я закрыл крышку.

Хотя я и почерпнул чуть больше информации о ее жизни и безусловной любви к Пенни, в этой коробке не было намеков, где она может быть.

Я достал из ее шкафа две неоткрытые коробки и пробежался по содержимому на предмет подсказок, но спустя несколько часов сдался. В них лежало множество личных вещей: школьные проекты, отчетные карточки, какие-то старые безделушки, несколько семейных фотографий и сувениров из ее подросткового периода. Все эти вещи имели для нее большое значение, но мне не дали никакой наводки о ее местонахождении.

Я сложил все назад в коробку и устал, но решительно встал. Окинул взглядом комнату, просмотрел ящики и полки, книжный шкаф и ванную. Изучил фотографии на полках, пробежался взглядом по безделушкам и провел пальцем по корешкам книг. Мне казалось сомнительным, что ее пристрастия в литературе дали бы мне подсказку. Я выключил свет и спустился вниз. Налил себе виски и с удивлением отметил, что уже довольно поздно. Бросил взгляд на кухню, но аппетита не было. Прихватив яблоко, устроился у барной стойки. В голове мелькали воспоминания о том, как она готовила какое-нибудь шикарное блюдо на кухне. Я припомнил ее смех и как она дразнила меня, когда я ворчал, что приготовление ужина затягивается.

– Терпение, Ричард. Все хорошее случается с теми, кто умеет ждать, – сказала она, хихикнув.

Я прикрыл глаза. Не получалось оставаться терпеливым, когда дело касалось поисков Кэтрин.

Я отбросил наполовину съеденное яблоко, в кабинете включил компьютер, чтобы проверить не пришло ли от нее письмо, и не удивился, когда такового не обнаружил. Попивая виски, оглядывал комнату. Мне всегда нравилось, когда она приходила и садилась напротив. Я показывал ей над чем работаю, а ее замечания всегда были полезными и положительными. Как я мог не заметить, насколько глубоко она вошла в мою жизнь? Когда мы только заключили наш договор, границы были четко расчерчены. Но постепенно они размывались, пока не исчезли совсем. И все это стало так естественно, как само дыхание – то, как я наблюдал за ее стряпней, как она болтала со мной через стол, как мы сидели рядом и смотрели телевизор, и даже ее мимолетный поцелуй в мою макушку по дороге в свою спальню. Это просто стало частью моей повседневной жизни, наряду с открытой дверью в мою спальню, чтобы она могла слышать, как я посапываю во сне – все это я делал даже не задумываясь.

Я влюблялся в нее постепенно, маленькими шажками, создавая новые, положительные привычки. Одним своим присутствием она потихоньку заменяла плохие, пока в итоге те не пропали вовсе.

Со стоном я ударился головой о подголовник кресла.

Мне нужно было ее вернуть.

Ранним утром, после очередной бессонной ночи, я перенес коробки в комнату Кэтрин. Сложил их в кладовке, понимая, что она не в состоянии разобрать их содержимое так скоро после кончины Пенни. Все картины, рисунки и прочие творения также хранились там и останутся на том же месте, пока Кэтрин не решит, что с ними делать.

В первой коробке лежали различные безделушки и сувениры, которые стояли то тут, то там в комнате Пенни. Я аккуратно перебрал их и отложил коробку в сторону. В следующей хранились фотографии и фотоальбомы. Некоторое время я просматривал альбомы, на страницах которых представала жизнь Пенни: сначала в черно-белых фотографиях, плавно перешедших в цветные. Последний альбом начинался с момента, когда в ее жизни появилась Кэтрин – худощавый, испуганный подросток с выражением глаз гораздо старше своих лет. С каждой перевернутой страницей она менялась – взрослела, крепла и вновь открывала для себя жизнь. Меня озадачили множество фотографий, где они сидели за огромными столами в ресторанах вместе с кучей улыбающихся людей. Усмехнулся фотографии с пляжа, где Кэтрин неотрывно смотрела на то, как волны набегают на песок на закате, или ковырялась в песке в поисках моллюсков, а рядом стояло уже наполовину заполненное ведро. Альбом закончился два года назад, и я предположил, что тогда-то Пенни и заболела. Я припомнил о парочке фотоальбомов в книжном шкафу и решил их также просмотреть.

Наконец, я вскрыл третью коробку, перебирая несколько зачитанных книг и еще каких-то вещей. На дне лежала кipa черных тетрадей с загнутыми страницами и потрепанными корешками. На обложке были лишь стикеры с набором дат, написанных крючковатым почерком Пенни. Я открыл одну и просмотрел несколько первых страниц, пока не понял содержимое.

Дневники Пенни. Их было десять и каждый охватывал разные периоды ее жизни. Я обыскал тот, что датировался годом, когда она нашла Кэти и стал читать.

В голове стали складываться разрозненные обрывки. Я знал, что ее муж был шеф-поваром и теперь фотографии, что я видел, стали обретать смысл. Они с Кэтрин работали с одним из поваров – друзей Берта, а после окончания работы, вместе трапезничали.

Сегодня моя Кэти узнала от Марио новый рецепт. От созерцания того, как она с ним работала, мое сердце переполняло счастье – слышать ее смех и видеть, как исчезает эта печаль, в то время как она чистит и режет продукты. Именно ее маринару подали к свадебному столу! Марио признал, что у нее получилось лучше, чем у него! А попробовав в свою очередь после ужина, должна согласиться.

Сегодня моя Кэти поразила нас говядиной «Веллингтон». Она часами работала с Сэмом, и все, что мы потом ели на ужин, было ее творением. Берт бы ее обожал и гордился. Я очень горжусь.

Губы расплылись в улыбке. Неудивительно, что она так хорошо готовит. Годами ее обучали профессионалы, давая персональные наставления в обмен на помощь. Я перелистнул на следующую короткую запись.

На следующей неделе везу Кэти в коттедж! Мы сможем остановиться там бесплатно в обмен на кое-какие обязанности по хозяйству. Ее глаза так загорелись, когда я сказала ей об этом!

Кэтрин рассказывала, что у них не было много денег и как Пенни всегда превращала работу в веселье. Эта замечательная женщина использовала любые уловки, чтобы обеспечить Кэтрин тем, что не могла себе позволить. Она показала, что за усердный труд полагается награда. Как ужины вне дома за обслуживание столиков или застилание кроватей на курорте – это становилось отдыхом от города и воспоминаниями, которыми можно поделиться. Я бросил взгляд на дневники, разбросанные по полу, в них хранилось множество историй о Пенни и ее жизни. Мне хотелось прочитать их все, но придется отложить на другой раз. Нужно было сосредоточиться на ее жизни с Кэтрин и надеяться, что в них содержится подсказка.

Моя Кэти обожает пляж. Она сидит часами, рисует, смотрит на море, такая умиротворенная. Я беспокоюсь, что она слишком долго остается в одиночестве, но она настаивает, что здесь чувствует себя счастливой. Никаких звуков города вокруг, никаких людей. Я должна придумать, как привезти ее сюда еще раз.

Я поговорила со Скоттом, и мы можем вернуться сюда в середине сентября. Придется забрать Кэти из школы, но я знаю, она быстро все нагонит, она же такаямышленная. В тот период курорт не очень загружен, погода все еще хорошая, а коттедж свободен. Я устрою ей сюрприз, сообщив эту новость на ее день рождения до нашего отъезда.

Заметки продолжились. Записи о коттедже, пляже, готовке Кэтрин, ее взрослении – куча информации, хотя не той, что мне требовалась. Меня подмывало позвонить Грехаму, поделиться предположениями, что она в коттедже, и умолять его сообщить название, однако я ожидал, что он скажет продолжать искать.

Я захлопнул дневник и потер глаза. Я читал уже более восьми часов, прервавшись лишь на то, чтобы включить свет, когда облака заслонили солнце, и принести себе кофе. Единственной зацепкой был упомянутый Пенни коттедж, в который они ездили каждый год, и имя владельца – Скотт. К сожалению, фамилии не было так же, как и названия городка или курорта, где располагался этот коттедж. Потянувшись, я подхватил альбом с фотографиями Кэтрин и их совместной жизни. Я внимательно просмотрел фото с пляжа, вытаскивая их по одной из альбома и каждый раз убеждаясь, что это один и тот же пляж снятый во время разных поездок. Мне не удавалось найти зацепки на фотографиях и на обороте не было никаких приписок, чтобы мне помочь. С тяжелым вздохом я откинулся на кушетку и осмотрел комнату.

Впервые я пожелал, чтобы на ее полке с книгами оказался какой-нибудь ужасный туристический сувенир с названием города на фасаде. Склонив набок голову, я заметил на нижней полке нечто странное. У двух крайних книг на корешках не было названия. Это были тонкие и длинные книги. Я глянул на кипу дневников, раскиданных вокруг меня по полу, и снова на те книжки. Они были в точности как дневники, что я читал.

Я качнулся из шезлонга и подхватил книги. Кэтрин вела дневник, во всяком случае, в прошлом. Я взглянул на даты, перелистав страницы с начала до конца. Она начала его вести спустя год после того, как перебралась жить к Пенни и продолжала последующие пять лет. Ее записи не были такими многословными, как у Пенни. Там были случайные мысли, несколько длинных пассажей, даже парочка надписанных открыток, а также зарисовки, маленькие рисунки того, что ей должно быть очень нравилось.

Я воздал молитву, когда открыл первый из дневников. Мне нужна была зацепка, название, хоть что-то, что помогло бы ее найти.

Время замерло, когда я стал вчитываться в тексты. Я не мог остановиться. Ее краткие записи были пропитаны ее существом, было такое чувство, словно она сидела передо мной и рассказывала каждую из своих историй. Глубина ее любви к Пенни, благодарность, которую она испытывала к обретенному дому и безусловной любви, подаренной ей Пенни, кричали с каждой страницы. Она описывала их приключения, даже поиск и сбор бутылок и банок казался чем-то веселым. Она писала о совместных ужинах с друзьями Пенни, своей любви к различным продуктам, на страницах даже попадались замысловатые рецепты. От одной из записей у меня перехватило дыхание.

На следующей неделе мы едем на пляж. У Пенни есть друг – владелец маленького курорта, и она договорилась с ним, что мы будем ежедневно прибираться в коттеджи, а взамен сможем бесплатно остановиться там на неделю! Вдвоем мы запросто со всем справимся и большую часть дня у меня останется на игры! Я так взволнованна! Не была на пляже со смерти родителей. Не могу поверить, что она сделала это для меня!

Пульс участился. Вот оно. Пенни упоминала коттеджи, и тут были их изображения со стороны пляжа. Я продолжил читать.

У нас такой симпатичный коттедж! Он ярко-голубой с белыми жалюзи и расположен в конце ряда. Я могу слышать звук волн и днем, и ночью! Коттеджей всего шесть и так как сейчас май, они заполнены лишь частично, так что мы с Пенни управляемся со всем к полудню и все оставшееся время проводим, изучая округу. Обожаю это место!

Была еще запись, датированная парой дней спустя.

Я не хочу возвращаться домой, но Пенни сказала, что мы можем вернуться в сентябре. Скотт даже пообещал ей тот же коттедж. Предстоит еще одна неделя! Мне так повезло – это самый лучший подарок на день рождения!

Мои глаза заслезились от последней записи. Рабочий отпуск. Это все, что они могли себе позволить. Так же, как ужинать вне дома лишь благодаря щедрости друзей, и тем не менее она чувствовала себя счастливицей. Я подумал о своей жизни в достатке. Я мог получить все, чего только пожелаю – даже когда рос, мне не было отказа ни в чем материальном. Однако я никогда не был доволен, так как единственным, чего мне больше всего хотелось, меня не обеспечивали.

Любовью.

Пенни с лихвой дарила ее Кэтрин. Она превращала совместную поездку, даже если ей приходилось выполнять при этом функции домработницы, во что-то особенное. Я начал быстрее листать страницы в поисках записей о местонахождении коттеджей. Ближе к концу второй книги поиски увенчались успехом. На одном из ее рисунков была изображена арка с названием «*Scott's Seaside Hideaway*». Я схватил телефон и стал искать в интернете название.

Нашел. На фотографии с сайта была такая же арка, как на ее рисунке, а карта указывала, что это место в двух часах езды. На другом фото был изображен ряд маленьких коттеджей, последний из которых был едва различим, разве что был голубого цвета.

Я вновь глянул на ее дневник. Под рисунком было написано:

Моя любимая частичка рая на Земле.

Я прикрыл глаза, а по телу прошла волна облегчения.

Я нашел свою жену.

КЭТРИН

НЕЖНЫЕ ЗВУКИ ВОЛН, разбивающихся о берег, успокаивали меня. Я уткнулась подбородком в колени, пытаюсь раствориться в красотах пляжа. Над головой парили чайки, перекачивались волны и все дышало умиротворением.

Хотя сама я его не испытывала, а чувствовала себя потерянной, разбитой. Я была рада, что Пенни больше не находилась в ловушке бесконечного кошмара моментов забывтья, но ужасно по ней скучала. По ее голосу, смеху, нежному прикосновению к моей щеке, поцелуям в макушку, традиции зажимать нос и, в ее редкие моменты просветления, мудрым высказываниям.

Если бы она была сейчас здесь, я могла бы с ней поговорить, рассказать, что чувствую, и она бы мне объяснила мои эмоции. Сказала бы, что мне делать дальше.

Я любила своего мужа, человека, который не был влюблен в меня. Человека, который считал, что любовь делала тебя слабым, и не мог полюбить себя. Он никогда не сможет увидеть в себе хорошие качества, те что он похоронил глубоко внутри, чтобы не испытывать впредь боли.

Он сильно изменился с того злосчастного дня, когда попросил меня быть его липовой невестой. И постепенно позволил проявиться своей более мягкой, более заботливой стороне. Пенни пробилась через оставшиеся барьеры. Она напомнила ему о тех временах, когда он чувствовал любовь, исходившую от другого человека. Грехам Гэвин продемонстрировал ему, как можно работать с людьми, а не бесконечно бороться. Он доказал ему, что есть и хорошие люди, и можно быть частью приятного коллектива. Его жена и дети показали иной вариант того, какой может быть семья - наполненной поддержкой и заботой, а не пренебрежением и болью.

Хотелось верить, что я как-то этому поспособствовала. Что отчасти, хоть в какой-то мере, показала, что любовь возможна. Может не со мной, но он был способен дарить и получать подобное чувство. Хотя сам в это не особо верил.

Каждая настоящая улыбка и легкий смех орошали это чувство, делая его сильнее. Любой добрый жест в отношении Пенни, одного из Гэвинов или меня подпитывали зарождающуюся эмоцию, пока она не выросла так крепко, и я осознала, что это никогда не изменится.

В тот день, когда пришла Дженна, я *поняла*, что любила его. Головная боль, мучившая его весь день, сделала его невероятно уязвимым. Он не только позволил позаботиться о нем, но и, казалось, этим наслаждался. Его поддразнивания были милыми и забавными, граничащими с лаской. Когда он пришел в кровать, то показал другую сторону своего характера. В темноте его голос звучал тихим напевом, когда он утешал меня, а извинения сквозили искренностью, когда он просил прощения за то, как обращался со мной в прошлом. Мое прощение... Я простила его за дни, даже недели до того, как он попросил об этом. Затем он притянул меня к себе, и я почувствовала себя в такой безопасности, которой не испытывала со дня смерти родителей. В его объятиях я спала в уюте и тепле.

Следующим утром он предстал с еще одной из своих сторон – сексуальной и озорной. То, как он после пробуждения отреагировал на наши переплетенные тела, как забавно приказал Дженне выйти из комнаты, целуя меня до потери сознания. Его страсть так и бурлила, а голос был низким и хриплым ото сна. От его замечания по поводу расширения наших рамок мое сердце пустилось вскачь, и впервые в жизни я поняла, что влюбилась.

Однако, как ни печально, но я знала, что он никогда не изменится *настолько*, чтобы позволить мне любить себя. Что он никогда не захочет моей любви. У нас был уговор. К его потрясению, да и к моему, мы стали друзьями. Его оскорбления теперь стали поддразниванием, а пренебрежительное отношение исчезло. Тем не менее, это все, что я для него значила – друг, пособник.

Я вздохнула, зарывшись пальцами ног в прохладный песок. Надо вскоре возвращаться в помещение. Как только солнце сядет, станет холодней, а я уже итак немного подмерзла, несмотря на наличие ветровки. Я знала, что проведу очередную ночь маясь и расхаживая вокруг маленького коттеджа. Скорее всего, в итоге я снова окажусь на пляже, вся закутанная и прогуливающаяся до изнеможения, чтобы умудриться в конце концов заснуть беспокойным неполноценным сном. Даже во сне я не могла избавиться от своих мыслей. Хоть в спящем, хоть в бодрствующем состоянии они были наполнены им.

Ричардом.

Мои глаза жгли слезы при мысли о том, как он заботился обо мне, когда умерла Пенни. Вел себя, словно я могла разбиться как стекло, если бы он слишком громко разговаривал. Когда он понес меня к себе в кровать намереваясь утешить, я уже тогда понимала, что должна покинуть

его. Больше не могла скрывать свою любовь к нему. Я не могла вынести мысли о том, как на моих глазах его лицо превращается в холодную, надменную маску, за которой он привык скрывать свое настоящее я, когда будет отвергать мое признание, а ведь он так и сделает.

Пока он не научится любить самого себя, не сможет полюбить никого. Даже меня. Я спешно смахнула слезы, крепко прижимая коленки к груди.

Я отдала ему единственный подарок, который у меня остался: себя. Это все, что у меня было, и, если честно, я была эгоистична. Я хотела его почувствовать. Чтобы он обладал моим телом и затем хранить это в памяти как можно дольше. Об этом все еще было больно думать, но я знала, что со временем острота смягчится и ослабнет, и я смогу улыбаться при мысли об этой страсти. Вспоминая, как его рот ощущался на моем. То, как идеально сливались наши тела, его тепло рядом со мной, и звук его голоса, когда он стонал мое имя.

Больше не в состоянии выдерживать шквал воспоминаний, сдерживаю рыдание и встаю, отряхивая джинсы. Разворачиваюсь и замираю на месте. В слабом свете стоит, засунув руки в карманы пальто, высокий и угрюмый Ричард, глядя на меня с непонятным выражением на лице.

РИЧАРД

Она снова исхудала. Даже в куртке это было заметно. После смерти Пенни ее аппетит совсем пропал, а за те дни, что мы были в разлуке, я знал, что она не ела. Она страдала так же, как и я.

Подъехав к маленькому комплексу коттеджей, я припарковал машину подальше, чтобы не спугнуть ее своим присутствием, если она и вправду здесь. Дойдя до пляжа, я сразу ее приметил, маленький забившийся комочек на песке, устремивший взор на горизонт. Она выглядела потерянной и крошечной, что пробудило во мне сильное желание подойти к ней, поднять на руки и ни за что не отпускать. До этого дня я никогда не испытывал такого. Но учитывая, что нужно найти к ней осторожный подход, я сдержал порыв. Однажды она уже убежала, не хотелось, чтобы это вновь повторилось.

Мы стояли и просто смотрели друг на друга. Медленными неуверенными шагами я направился в ее сторону, пока не встал прямо перед ней. Вблизи она выглядела такой же опустошенной, как и я. Ее голубые глаза были уставшими и покрасневшими, ее кожа бледной как никогда, волосы тусклыми и слабыми.

– Ты ушла от меня.

– Не было нужды оставаться.

Я нахмурился.

– Не было нужды?

– Грехам уже одобрил твой испытательный срок. Пенни умерла. Тебе больше не нужно было прикрытие в виде нашего брака.

– А что, по-твоему, я бы сказал людям, Кэтрин? Как ты думала, я смогу объяснить твоё неожиданное исчезновение?

Она небрежно махнула рукой.

– Ты всегда говоришь, как можешь умело убеждать, Ричард. Полагала, что расскажешь им, как я была потрясена смертью Пенни и уехала, чтобы развеяться. Мог бы обманывать их некоторое время, а затем сказал бы, что у нас стали появляться проблемы и я решила не возвращаться.

– Так ты думала, я буду винить тебя. Взяла все на *тебя*.

Она слегка качнулась.

– Какое это имеет значение? Я бы не стала возражать.

– Нет конечно. Потому что тебя там не было.

– Вот именно.

– Но это имело значение. Для меня *имеет*.

Она нахмурила лоб, наблюдая за мной.

Я сделал шаг вперед, желая быть возле нее. Мне нужно было коснуться ее, я переживал насколько уязвимой она казалась.

– Ты оставила свои вещи, которые, полагаю, были тебе дороги.

– Я собиралась связаться с тобой и попросить их прислать, где бы в итоге ни осела.

– Ты не взяла ни машину, ни карточку. Как ты собиралась снять оставшиеся деньги?

Она выставила свой упрямый подбородок.

– Я взяла то, что заслужила.

– Нет, Кэтрин, ты заслужила намного больше.

Ее губы задрожали.

– Зачем ты здесь? Как ты нашел меня?

– Я приехал за тобой. Друг посоветовал, чтобы я начал с начала.

– Не понимаю.

– Грехам сказал, где тебя найти.

– Грехам? – нахмурилась она от растерянности. – Как... как он узнал?

– У него было подозрение и потому что он слушатель куда лучший, чем я, то знал, что ответ был в нашем доме. Он сказал мне искать. Настоял, чтобы я выяснил все сам.

– Н-Не понимаю.

– Когда ты ушла, я много думал. Немного погряз в этом, сильно пил и искал тебя повсюду. Наконец понял, что больше так не мог.

– Не мог чего?

– Я наконец понял, что ты чувствовала. Моя жизнь стала одной сплошной ложью. Больше не мог различить, где заканчивается реальность, а где начинается ложь. Даже когда был полноценным ублюдком, в этом я был честен. Так долго прятался, что больше не хотелось этого делать, поэтому рассказал Грехаму, что ты ушла.

По ее лицу пробежала слеза.

– Затем я все рассказал ему. Каждую чертовую ложь.

Она ахнула.

– Нет! Ричард, зачем ты это сделал? У тебя было все. Все, что ты хотел! То, ради чего ты так сильно старался! Зачем ты от всего этого отказался?

Я схватил ее за руки, слегка встряхнув.

– Ты не понимаешь, Кэтрин? Разве ты не видишь?

– Вижу что? – воскликнула она.

– У меня не было ничего! Без тебя у меня не было ничего и ничто *не значило!* Единственное что у меня было реальным, действительно настоящим – это ты!

Ее глаза округлились, и она покачала головой.

– Ты это не всерьез.

– Еще как всерьез. Я приехал сюда за тобой.

– Зачем? Я тебе не нужна.

Я провел по ее рукам, плечам и шее, обхватив ладонями ее лицо – ее уставшее красивое личико.

– Ты нужна мне. – Встретившись своим решительным взглядом с ее изможденным, произнес слова, которые говорил лишь раз в своей жизни. Тогда я сказал их несерьезно, и эти слова на самом деле ничего не значили. Но сейчас в них заключалась вся моя жизнь. – Я люблю тебя, Кэтрин.

Она схватила меня за запястья, на ее запаниковавшем лице отразилось сомнение.

– Нет, – выдохнула она.

Я прильнул к ее лбу.

– Да. Ты мне так сильно нужна. Я скучаю по своему другу, по *жене*. Я скучаю по тебе.

Она душераздирающе всхлипнула. Я крепко прижал ее к себе, напроочь отказываясь отпускать. Она толкнула меня в грудь, борясь с утешением, которое мне необходимо было дать ей.

– Ты не можешь убежать. Я последую за тобой, душенька. Последую куда угодно. – Я поцеловал ее в макушку. – Не оставляй меня больше одного, моя Кэти. Это было невыносимо.

Она сломалась. Забросив руки мне на шею, уткнулась мне в грудь и пропитала рубашку своими жгучими слезами. Я поднял ее на руки и понес по утрамбованному песку в направлении ярко-голубого коттеджа, стоящего в самом конце. Того самого с белыми жалюзи, о котором она писала в своем дневнике.

Я держал ее крепко, то и дело покрывая ее голову легкими поцелуями, и не отпускал.

Сельский коттедж был именно таким, как я его представлял исходя из описания в дневнике. Перед камином стояли сильно потертые диван и кресло. Слева примитивная кухонка со столом и двумя стульями. Открытая дверь вела в маленькую спальню и расположенную по соседству ванную. Это и был весь коттедж. Я усадил Кэти на диван и повернулся к камину. Сажа и дым за многие годы использования въелись в каменную облицовку и кирпич, превратив весь камин в скучно серый. Я добавил пару дровишек и разжег огонь, чтобы прогреть прохладное помещение.

– Дымоход засорился. – Кэти присела возле меня, потянувшись, чтобы дёрнуть ручку заслонки.

Я чиркнул спичкой и удостоверившись, что пламя занялось, встал и поставил на место перед камином маленький экран. Нагнувшись, поднял ее на ноги, стянув ей с плеч влажную куртку и отбросив ту в сторону. Я крепко обхватил ее руками и мое тело затопило чувство облегчения. Она задрожала и глубоко вздохнула. Я укачивал ее, целуя в макушку. Она запрокинула голову, отсветы огня плясали на чертах ее лица, подчеркивая их деликатные контуры.

– Не могу поверить, что ты здесь.

– Ты правда думала, что я не стану тебя искать, Кэти?

– Не знаю, я не думала. Просто знала, что пора уходить.

Я притянул ее на диван, взяв ее руки в свои.

– Почему, милая? Почему ты убежала?

– Потому что влюбилась в тебя и не думала, что ты мог полюбить меня в ответ. Я больше не могла этого скрывать и понимала, что когда ты узнаешь о моих чувствах, то...

Сердце защемило при ее словах. Она любила меня. Я сжал ее руки, побуждая продолжить.

– То что?

– Ты снова превратишься в Ричарда, которого я ненавидела, и посмеешься надо мной. Я больше была не нужна тебе, и ты бы велел мне уйти. Думала, что будет проще, если я сама уйду.

– Ты вообще планировала вернуться?

– Только чтобы узнать, что ты собирался делать, и забрать свои вещи. Я предполагала, тебе не захочется меня больше видеть.

– Ты ошибалась. Во всем. Ты нужна мне. Хочу, чтобы ты вернулась. Я... – помедлил я. – Я люблю тебя.

Она опустила взгляд на наши соединенные руки, и подняла обратно. На ее лице было очевидное недоумение, а в глазах читалось откровенное неверие. Я не мог винить ее, но хотелось пресечь это на корню.

– Ты не веришь мне.

– Я не знаю, чему верить, – призналась она.

Я придвинулся ближе, зная, что нужно найти способ убедить ее в своей искренности. Мой взгляд прошёлся по интерьеру маленького коттеджа, пока я обдумывал свои слова, и остановился на небольшой урне, стоящей на каминной полке.

– Ты забрала прах Пенни, чтобы его развеять? – спросил я.

– Да. У нас здесь было много счастливых воспоминаний. Она много трудилась, чтобы я могла приезжать сюда каждый год. Они с Бертом тоже приезжали сюда. Она развеяла его прах на пляже. – Она сглотнула, голос дрожал. – Я подумала, что, может быть, они снова встретятся и будут вместе на песке и в воде. – Она подняла на меня взгляд. – Наверное, это кажется глупым.

Я поднес ее руку к губам, целуя костяшки пальцев.

– Глупым? Нет. Похоже на милый жест, на который способна такая нежная душа, как у тебя.

– Нежная душа?

– Вот именно, Кэти. Я осознал это несколько недель назад, когда перестал быть такой сволочью. Я наблюдал за тобой, как ты вела себя с Пенни. Как ты общалась с Гэвинами. Доброта, которую ты проявляла к персоналу в приюте. – Я провел тыльной стороной ладони по ее щеке, кожа ощущалась словно шелк. – Как ты обращалась со мной. Ты отдаешь. Постоянно отдаешь. Такого я никогда не испытывал, пока ты не вошла в мою жизнь. Ни за что бы не подумал, что есть люди подобные тебе.

Я склонился ближе, желая, чтобы она увидела искренность этих слов в моих глазах.

– Никогда бы не подумал, что такая как ты может стать частью моей жизни.

– Потому что ты этого не заслуживал?

– Потому что не верил в любовь.

В ответ она прошептала:

– А теперь?

– Теперь я знаю, что могу любить. Да, я влюблен. Я люблю тебя. – Я поднял руку, когда она собиралась что-то сказать. – Знаю, ты можешь не верить мне, Кэти. Но это правда. Ты научила меня любить. Ты показала мне, что все сказанное тобой было правдой. То, что я испытываю к тебе, делает меня сильнее. Вызывает желание быть для тебя хорошим человеком. Быть честным и настоящим. Поэтому я все рассказал Грехаму. Понимал, что единственный шанс вернуть тебя, это быть честным, чтобы ты гордилась мною.

– Когда?

– Прости?

– Когда ты стал меняться? Когда перестал ненавидеть меня?

Я пожал плечами.

– Думаю, в тот день, когда ты послала меня трахнуть самого себя. Тогда я впервые увидел настоящую Кэтрин. Ты скрывала этот огонь.

– Пришлось. Мне нужна была моя работа. Пенни была намного важнее, чем ты или твое мерзкое поведение.

– Знаю. Мое поведение было кошмарным. Как тебе удалось вытерпеть это и согласиться быть со мной – даже ради Пенни – до сих пор для меня загадка. В ту ночь ты рассказала мне свою историю и дала понять, что именно ты обо мне думала – это было откровением. Наверное, я никогда так быстро не трезвел в своей жизни. И опять же, ты простила меня – вышла за меня замуж.

– Я дала тебе слово.

– От которого ты могла запросто отказаться. Чего я и ожидал, но ты снова удивила меня. Ты поражала меня на каждом повороте. – Улыбнувшись, я заправил ей локон за ухо. – Меня не многим можно удивить, и тем не менее... ты это делала постоянно и мне это нравится. Она улыбнулась в ответ, ее выражение лица уже не было таким настороженным.

– Самое удивительное для меня было – да и сейчас есть – то, как ты вела себя со мной.

– О чем ты?

– Все, чего я просил, чего ожидал, так это, что ты станешь притворяться, когда мы вместе выходили в свет. Я вполне ожидал, что ты будешь игнорировать меня, когда мы были уединены в кондо. Знаю, я собирался не обращать на тебя внимания. Но...

– Но что?

– Я не мог. Ты была повсюду. Даже не прилагая усилий, ты была в моей голове – это было так же естественно, как дышать. С тобой кондо превратился в дом. Ты дразнилась и смеялась вместе со мной. Заботилась обо мне – никто этого не делал за всю мою жизнь. Твое мнение стало главным. Все, что я делал, хотелось разделить с тобой. Вместо того, чтобы забить на тебя, мне хотелось больше проводить с тобой времени. Хотелось все о тебе знать.

Она посмотрела на меня широко распахнутыми глазами.

– И мне нравилось проводить время с Пенни, слушать ее рассказы о тебе. С каждой нашей с ней встречей я все больше узнавал о тебе, и тем сильнее влюблялся, пока не осознал, что окончательно влюблен в тебя.

Я крепко взял ее руки в свои.

– Никакая моя жестокость не изменила тебя. Наоборот, твое добродушие переменяло меня, Кэти. Вы с Пенни вернули того маленького мальчика, который мог любить.

– Что если он снова забудет?

Я покачал головой.

– Нет, он этого не сделает. Не сможет... до тех пор, пока ты у меня есть. – Я поднял ее руку.

– Ты оставила свое обручальное кольцо, а это все равно носишь. – Я постучал по колечку с бриллиантом у нее на пальце. – Ты надела его на левую руку. Почему?

– Потому что его дал мне ты. Первая вещь, которую ты дал мне, хотя и не должен был. – Ее голос осекся. – Я надела его так, чтобы оно было ближе к сердцу.

Я закрыл глаза в надежде, что верно понял значение, таившееся за ее словами. Прижимая руку к моему лицу, открыл глаза, чтобы взглянуть в ее. Слезы застыли в глубине ее выразительного голубого взгляда.

– Я также отдал тебе и свое сердце, Кэти. Ты будешь хранить его тоже?

Она сделала рваный вдох и затрепетала всей своей маленькой фигуркой.

– Ты отдала мне свое тело. Мне нужно твое сердце. Я хочу твоей любви. Она мне необходима. Я нуждаюсь в тебе.

– Скажи это, Ричард, – слеза покатилась по ее щеке.

– Я люблю тебя, Кэтрин ВанРайен. Хочу, чтобы ты вернулась со мной домой. Сделай мою жизнь полноценной. Я сделаю что угодно, чтобы ты мне поверила. Заставлю тебя поверить.

– Уже верю.

Я взял ее лицо в ладони, выводя большими пальцами неистовые круги на ее коже, а мое сердцебиение участилось.

– И?

– Я люблю тебя, Ричард. Люблю так сильно, что это меня пугает.

– Почему тебя это пугает?

– Ты можешь сломать меня.

Я покачал головой.

– Это ты сломала меня, Кэти. Я твой.

– А я – твоя.

Все что мне было нужно. Притянув ее к себе, накрыл ее рот своим, постанывая от ощущения этой близости. Наши губы двигались, языки переплетались, вновь познавая друг друга. Она крепко обхватила меня за шею, в то время как я окружил ее кольцом своих рук, как стальной клеткой.

Из которой я не собирался ее выпускать... никогда.

РИЧАРД

Я ПОДНЯЛ ГОЛОВУ, ЩУРЯСЬ в безмолвной темноте. Не знаю, как долго мы сидели вот так в объятиях друг друга, нуждаясь в близости, но уже опустилась ночь.

– Надо подбросить еще дров, пламя может потухнуть, – пробормотал я.

– Мне и так хорошо, достаточно тепло.

Я усмехнулся и поцеловал ее макушку.

– Нам все равно придется вставать.

– Надо что-нибудь для нас приготовить.

– Мне нужно найти место, чтобы переночевать.

Она застыла.

– Ты не остаешься?

Я нежно обхватил ее лицо, легко касаясь губ.

– Хотелось бы. Но я не хочу торопить тебя.

– Здесь полутороспальная кровать.

Я вздернул на нее бровь.

– Маловата для нас. Видимо, придется прижаться к тебе. Полагаю, я должен понести такую жертву...

Ее губы изогнулись в улыбке.

– Видимо так.

– Я скучал по нашим прижиманиям. Скучал по твоему теплу и запаху.

– Тогда тебе лучше остаться.

– Полагаю, что так, – я замолчал, желая задать ей вопрос, который днями вертелся у меня в голове.

– Мне нужно кое-что у тебя спросить, Кэти.

Она провела пальчиком по моей щетине.

– Мне нравится, когда ты меня так называешь.

Я ущипнул ее за нос.

– Хорошо, ведь мне нравится тебя так называть.

Ее выражение лица стало серьезным.

– Так что ты хотел спросить?

Я заерзал от сильного дискомфорта.

– Ночью, перед тем как ты ушла, когда мы любили друг друга.

– Вот что это было?

– Да, – сказал я твердо. – Именно.

– Что насчет нее?

Я перешел сразу к сути.

– На мне не было презерватива. Есть ли какой-то шанс, что ты беременна?

Она покачала головой, выглядя смущенной.

– В юности у меня было много проблем с... эмм... месячными. Меня посадили на противозачаточные, чтобы урегулировать их. У меня до сих пор с этим проблемы, поэтому пью их по сей день.

– Ох, – вздохнул я с облегчением.

– Не переживай, Ричард. – Она отвела взгляд. – Мне известно, что ты чувствуешь по поводу детей.

Печаль в ее голосе причиняла мне боль, и я скользнул рукой ей под подбородок, заставляя на меня взглянуть.

– Однажды ты сказала мне, что считаешь, если бы я любил мать, то полюбил бы и ребенка. Думаю, возможно, ты была права.

– Так ты хочешь детей?

Я поерзал на диване, сомневаясь в ответе.

– Все это для меня в новинку. Никогда не думал, что смогу полюбить кого-нибудь. Я едва смирился с фактом, что так сильно влюблен и не могу без тебя жить. Ты смела каждую мою внутреннюю установку, которую я считал верной. Ты нужна мне. Я люблю тебя. – Я покачал головой с невеселой усмешкой. – Конечно, вполне естественно предполагать, что мои мысли по поводу детей могли также измениться.

– Об этом мы сможем поговорить... позже?

– Да, но я прошу немного времени. Хочу, чтобы пока ты принадлежала только мне. Хочу узнать тебя – всю тебя – а ты сможешь познать меня.

– Думаю, это разумно.

– Тебе придется помочь мне, душенька. Мне ничего неизвестно о детях. Ничего. Если честно, мысль, что я могу сломать его жизнь так же, как это сделали мои родители, пугает меня до чертиков.

Она склонила голову, изучая меня.

– Ричард ВанРайен, ты превосходишь любую цель, которую себе задаешь. Думаешь, я позволю тебе потерпеть неудачу в роли отца?

Моих губ коснулась улыбка.

– Полагаю, что нет.

– Этого не случится. Одно то, что ты желаешь обсуждать эту тему – уже огромный шаг.

– Ты уверена, что не беременна сейчас?

– Да, уверена.

– Ладно тогда. Значит, обсудим это снова... в будущем.

Она кивнула.

– В будущем.

Я засунул руку в карман и вытащил ее кольца.

– А пока что я хочу, чтобы ты надела их обратно. Хочу, чтобы они были на твоем пальце.

– Я взял ее руку. – Знаю, ты думаешь, в них нет ничего особенного, Кэти, но они значат все. Они значат, что ты моя. – Я указал на ее палец. – Позволь?

Она кивнула. Я стянул бриллиантовый ободок и перенес его на правую руку, надевая ей обручальное колечко и то, что с бриллиантом побольше, обратно на ее левую руку.

Склонившись низко, я поцеловал кольца.

– Именно тут они должны быть.

– Да.

Я схватил пальто со стула и вытащил сложенные бумаги из внутреннего кармана.

– Что это?

– Наш контракт, обе наши копии.

– Ох.

– Они больше ничего не значат, Кэти. И уже давно. Пора от них избавиться.

Я поднял их и разорвал пополам, поднес к камину и бросил в пламя. Я наблюдал, как края стали черными и закрученными. Огонь облизывал страницы, пока от них не остался лишь пепел. Кэти стояла рядом со мной и молча наблюдала.

Я обхватил ее за талию.

– Единственный документ между нами – это свидетельство о браке. С сегодняшнего дня именно оно нас связывает.

Она подняла взгляд с выражением нежности на лице.

– Мне это нравится.

– Может, когда все устанет, ты выйдешь за меня снова?

Ее глаза засияли.

– Правда?

– Да, может, в более симпатичном месте, чем мэрия. Я бы хотел сыграть свадьбу, которой ты заслуживаешь.

– Мне вроде как нравилась наша свадьба. Мне понравилось танцевать с тобой.

– Вот как?

Она кивнула.

– Ты был милым.

– Обещаю, с этого момента стану намного милее. Хочу быть мужчиной достойным тебя.

– Ты уже такой.

– Будь со мной терпеливой, Кэти. Порой я могу лажать.

Она тихо засмеялась, погладив мою щеку.

– Каждый это делает. Никто не идеален.

– И ты все равно останешься со мной?

– Как клей.

Я поцеловал ее в пухлые губы.

– Тогда все в порядке.

Заглянул через ее плечо на содержимое маленького холодильника. На прутьях старых полок почти не было еды. Отодвинув ее в сторону, я вытащил лоток яиц и, открыв крышку, обнаружил, что не хватало только двух штук. Буханка хлеба была едва тронута, упаковка сыра не распечатана, а банка сметаны почти полной. Там лежало два яблока, нераскрытый йогурт и пара бананов на столешнице. И все. Мои подозрения насчет ее пропавшего аппетита были подтверждены.

Я закрыл дверь и повернулся к ней лицом.

– Это вся еда, что у тебя есть? Ты вообще ела что-нибудь?

– Не особо, – призналась она. – Я не была голодна.

Я вспомнил маленький городок, через который проезжал по пути к коттеджам. Там был небольшой продуктовый магазин и, уверен, что видел ресторан.

– Я отвезу тебя в город на ужин. Тебе нужно поесть.

Она покачала головой.

– Так поздно уже все закрыто, Ричард. Сейчас не сезон. Придется ехать дальше, чтобы попасть в город побольше. Это добрый час езды.

– Ничего страшного.

– Я могу приготовить омлет.

Я с легкостью уступил, на самом деле не горя желанием ехать куда-либо.

– Ладно. Я сделаю тосты.

– Ты умеешь делать тосты? – воскликнула она, приложив руку к груди.

Я притянул ее ближе, целуя в дразнящие губы.

– Да. Жена научила. Она умная женщина.

На ее щеке образовалась ямочка и я знал, что она пожевывает ее изнутри. Я постучал пальцем по округлой плоти.

– Прекрати.

– Мне нравится, когда ты называешь меня женой, – призналась она.

– Даже забавно, как часто я ловлю себя на мысли, что думаю о тебе в таком статусе. Никогда как о Кэтрин или Кэти, лишь как о моей жене. Мне нравилось, как это звучало, хотя никогда не задавался вопросом почему, – усмехнулся я. – Слишком был глуп, чтобы понять, что испытывал к тебе, даже в своей голове.

– Или слишком напуган.

Комок встал в горле. Как обычно она попала в точку. Я был слишком напуган, чтобы признать свои чувства. Признать факт того, что вся моя жизнь была неправильной.

– Я больше не боюсь любить тебя, Кэтрин. Мне страшно только потерять тебя.

Она прижалась ко мне, положив голову на мое плечо. Я притянул ее ближе, проводя пальцами по ее волосам.

– Я тут, – прошептала она. – Ты нашел меня.

– Слава Богу.

Я поставил тарелку на старый кофейный столик, не сводя глаз с Кэти. Отблески огня плясали на ее лице, пламя создавало красноватый ореол вокруг ее головы. Она притянула ноги к груди и опустила на них подбородок, устремив взор в пространство. Она не особо поела, но тост прикончила. Я умял все яйца и съел оба яблока. Утром все равно купим новые. Ну а пока что мне нужно было понять, как она хотела идти дальше совместной дорогой.

– Что бы ты хотела делать, Кэти?

Она повернулась ко мне лицом.

– Хм?

Я провел костяшками пальцев по ее щеке.

– Завтра. Послезавтра. После послезавтра. Скажи, о чем ты думаешь.

– Не знаю.

– Как долго ты собираешься здесь пробыть? Или хочешь поехать домой? – В груди вдруг сперло дыхание. – Ты ведь собираешься домой?

Она скользнула своей ладонью в мою, одним словом развеяв мое беспокойство.

– Да.

– Ладно. Хорошо. Когда?

– Мы можем побыть здесь несколько дней? Или если тебе необходимо вернуться, то я приеду следом.

Я покачал головой.

– Я не уеду без тебя. Если хочешь остаться, то так и сделаем. Я еще привезу тебя сюда летом.

– Коттеджей здесь летом уже не будет.

– Почему?

– В прошлом году Скотт скончался. Его сын, Билл, продает землю. После разговора с ним стало понятно, что кто бы ее ни купил, они снесут все коттеджи и построят что-то новое и современное. – Она оглядела комнату, ее глаза буквально впитывали воспоминания. – Он сказал, что бизнес не шел, но сейчас удачное время его продать из-за местоположения. Земля стоит кучу денег, это хорошая возможность для его семьи.

– Мне жаль, душенька. Знаю, что это место тебе дорого.

Она улыбнулась, потираясь щекой о мою руку.

– У меня есть воспоминания. Я благодарна Биллу, что он позволил прийти сюда в последний раз. – Она тихо и печально вздохнула. – Теперь могу добавить еще одно хорошее воспоминание.

– Мы вместе можем создать наши собственные совершенно новые воспоминания.

Она кивнула.

– Хочешь, куплю для тебя это место? – я ловил ее взгляд. – Я могу себе позволить, – добавил я. – Если ты хочешь, я это сделаю.

– *Нет!* Нет, Ричард. Тебе не нужно покупать для меня целый курорт. Что, бога ради, я буду с ним делать?

– Если это сделает тебя счастливой, то я куплю. Мы что-нибудь придумаем. Скорее всего это хорошая инвестиция. Мы могли бы обновить его, включая ярко-голубой коттедж с белыми жалюзи специально для тебя.

Она склонилась вперед, прослезившись, и поцеловала меня в уголок рта.

– Спасибо, сокровище мое, но не стоит. Сам факт того, что ты это предложил значит больше, чем я могу выразить.

– Ладно. Если передумаешь, дай знать.

– Так и быть.

Я вновь откинулся на диван, оглядывая комнату, а в голове тем временем возникла мысль. Надо подумать, можно ли будет это организовать. Я потянул ноги Кэти, положив их себе на колени.

– Нам придется ответить на множество вопросов, когда вернемся.

– Знаю. – Она глубоко вздохнула. – Думаешь, они когда-нибудь нас простят?

Я был честен:

– Не знаю.

Грехам был более чем справедлив после нашего разговора. И тем не менее, я понимал, что этим все не закончится. Как только я узнал ее местонахождение, не тратил ни минуты времени, тут же закинул пару вещичек в сумку и отправился за машиной, чтобы приехать до темноты. Перед отъездом я позвонил ему, сказал, что знаю, где Кэти, и отправляюсь на ее поиски. Он подбодрил меня и пожелал удачи.

– *Надеюсь, ты найдешь свое счастье, Ричард. Поверь, ты его заслуживаешь, и держись за него.*

– Спасибо.

– *Позвони мне, когда вернешься. Мы поговорим.*

– *Хорошо. Спасибо, Грехам.*

Больше ничего не было сказано, никаких упоминаний о ждущей меня работе. Понятия не имел, что станет с моей карьерой. Все что я знал в данный момент – Кэти была моим будущим. И этого было достаточно.

– У меня может не быть работы, Кэти.

– Что ты будешь делать?

– *Мы,* – подчеркнул я, – нам, возможно, придется переехать. Я могу потянуть за ниточки в Торонто или Калгари, может, в Ванкувере.

Она кивнула, поигрывая с моими пальцами, продолжая покручивать мое обручальное кольцо, нервно его проворачивая.

– Ты поедешь со мной?

Она взметнула голову и встретилась со мной взглядом.

– С тобой я поеду куда угодно, Ричард.

– Ладно тогда. Мы что-нибудь придумаем, вместе.

– А что если нам не придется?

– Я буду в восторге. Мне нравится работать на Грехама, там я наслаждаюсь позитивной энергией и коллективной работой. – Я усмехнулся. – Мне даже полюбилась эта «динамо», что зовется Дженной.

– Думаю, они тебе все полюбились.

– Верно. Этого я и хочу, и желаю сделать все возможное и невозможное, чтобы вернуть доверие Грехама. Если он даст мне такой шанс, то мы останемся. Если нет, то нам придется двигаться дальше.

– Хорошо.

– Для тебя все так просто? После всего случившегося ты соберешь вещи и последуешь за мной?

Она опустила голову на диван.

– Я люблю тебя, Ричард. Если тебе придется уехать, значит и мне. Прошое теперь просто прошое. Как контракт, который ты сжег... его уже нет. Не хочу заикливаться на нем или напоминать тебе об этом. В любви так не делается. Я так не поступаю.

В мгновение ока я притянул ее к себе на колени, целуя со всем чувством, что испытывал. Я вложил в свой поцелуй каждую мысль и каждую новую эмоцию: любовь, желание, вожделение, облегчение от того что нашел ее – и ту, которой никогда не знал – радость. Радость от того, что она была здесь, что ответила мне взаимностью, и радость за будущее, потому что в нем будет моя Кэти.

Я склонил ее голову к себе, испытывая потребность в ее близости, желая ощутить как можно больше ее во всех отношениях. Мои руки сомкнулись вокруг нее, подстраивая ее мягкость под мое твердое тело. Я просунул руки ей под кофту, прижимая к себе ее гладкую спину и постанывая от желания.

– Пожалуйста, малышка, – умолял я, нуждаясь в большем.

– В кровать, – прошептала она мне в губы. – Отнеси меня в кровать, Ричард.

Я встал, удерживая ее. Мне не нужно было говорить дважды.

Кровать была старой и скрипела. Изголовье постоянно рикошетило от стены, когда я брал ее, простыни сбивались вокруг тел от нашего неистового соития. Но ничто из этого не имело значения.

Прежде чем мы упали на матрас, я разорвал на ней кофту и стянул штаны, оставив ее голой перед моим жаждущим взглядом. Я пробежался руками по ее теплой коже, желая почувствовать шелковистость под своими пальцами. Она потянула меня за свитер, и я упал на нее, возвращаясь к ее губам.

Она искусно стянула с меня штаны своими маленькими ножками, так что мы касались друг друга кожей, а мой изнывающий член оказался в ловушке между нами. В очередной раз я напоминал ее заново с помощью своих рук и губ. Ее порозовевшие соски молили о внимании, превращаясь в твердые вершинки под моим языком. Сладкий изгиб ее талии с правого бока подвергся щекотке, и я радовался ее хихиканью, когда касался его легкими поцелуями и дразнил кожу. Округлости ее бедер идеально ложились мне в руки, когда я нежно надавил, раскрывая ее для себя. Поцеловал ее пупочек, углубившись в него языком, чтобы ощутить солоноватость кожи. Осыпал ее легкими поцелуями вплоть до бедер, чувствуя, как издаваемые ею еле слышные вздохи распаляли мое желание. Скользнув пальцами в ее увлажнившийся жар, я зашипел от накативших ощущений.

– Боже. Кэти, я хочу тебя, малышка.

Она села, обхватив меня крепко руками и потянув назад за собой.

– Возьми меня, – умоляла она.

Она закинула ноги мне на бедра, торопя погрузиться туда, куда мне отчаянно хотелось. Я замер входя потихонечку, до тех пор, пока наши тела полностью не соединились. Не разрывая зрительного контакта, я накрыл ее рот своим и начал двигаться. Даже замедляя поначалу толчки, которые постепенно наращивали обороты, пока мы в итоге не потерялись в пламени друг друга. Она вцепилась в меня, впившись пальцами в спину, хватая меня за задницу, дёргая за волосы, хныча и причитая мое имя. Я прихватил ее крепче, мои толчки набрали мощь, наша пропитанная потом кожа скользила, а тела двигались в унисон. С гортанным возгласом я зарылся лицом в ее шею, в то время как она застыла, а ее тело сжалось вокруг меня. Меня окатил оргазм, накрывая с головой, воспаляя каждый нерв, пока я изливался в ее глубинах с ее именем на устах.

– Кэти! Моя Кэти.

Поглаживая ее спину, я перекатился на бок, удерживая ее рядом, целуя лицо, волосы, шею. Она замурлыкала, удовлетворенно и уютно устроившись у меня на груди.

– Люблю тебя, – прошептала она.

– И я люблю тебя, – выдохнул я. Обшарив пол в поисках одеяла, накинул его на ее обнаженную кожу, подоткнув вокруг шеи. Она прибилась ко мне, пальцами медленно водя по области над моим сердцем.

– Завтра, – пообещал я. – Завтра мы начнем все с чистого листа. По-настоящему. Мы.

– Мы, – повторила она. – Да.

Я ждал, пока она заснет, и только потом позволил себе вырубиться. Закрыл глаза с осознанием того, что когда проснусь, она будет подле меня.

Уверенный в этом, я погрузился в сон.

РИЧАРД

Я ПОЖАЛ РУКУ БИЛЛА И прошелся через пляж. Кэти сидела на песке с альбомом на коленях и карандашом в руке, но она была неподвижна. Ветер колыхал пряди ее волос, сдувая их назад как ленты черного шелка. Я опустил позади нее, притягивая со спины к себе в объятия.

– Хей.

Она откинула голову назад, разглядывая меня верх ногами.

– Привет. О чем ты так долго разговаривал с Биллом? – она нахмурилась. – Пожалуйста, скажи, что ты не спрашивал о покупке курорта.

Я усмехнулся ее выражению лица и поцеловал в лоб.

– Нет. Думаю, у него есть покупатель. Я поблагодарил его за то, что позволил тебе остаться, и мы разговаривали о всяком разном. Куда он переезжает и тому подобном.

Она поджала губы и пожала плечами, снова повернувшись к морю.

– Что рисуешь?

Она подняла альбом.

– Ничего. Просто наслаждаюсь видом.

Я крепче обхватил ее за талию.

– Потрясающий вид.

– Мы с Пенни разжигали костры и готовили на них ужин, а потом наблюдали за закатом.

– Мы тоже можем так сделать.

– Ты бы стал есть хот-дог, нанизанный на палочку?

– Если только с горчицей, а после – маршмэллоу.

– Ха.

Наклонившись, я прикусил кожу на изгибе ее шеи.

– Кэти, ты ведь думаешь, что я не проводил время на открытом воздухе? Прошлой ночью я разжег камин.

– Мне было интересно, где ты научился разжигать огонь, – согласилась она.

– Это мужское занятие, оно у нас в генах.

Развернувшись, она закатила глаза.

– Ну да уж.

Смеясь, я убрал волосы с ее лица.

– В школе мы ходили в походы. Там нас учили как разжигать костры, устанавливать палатку и все такое прочее.

– Ты делал такое в школе?

Я положил подбородок на ее плечо.

– Когда я был подростком и оставался в школе на весенних каникулах, они предлагали разного рода мероприятия. Походы были одним из них. И да, я даже любил хот-доги. Не такой уж я и законченный сноб.

Ожидал от нее очередной ответной колкости, но она повернулась, потянулась ко мне и накрыла ладонью мою щеку.

– Ты оставался в школе, вместо того чтобы поехать к родителям?

– Если предоставлялся выбор, то да. Им было проще отделаться от меня, чтобы я не приезжал домой, просто сказав знакомым, что я в школьной поездке или что-то подобное. Я чурался их все лето, когда мне было четырнадцать, действительно отправившись в школьную поездку, а затем в поход на месяц. Это было лучшее лето в моей жизни.

– Мне жаль, дорогой.

– Не жалей меня, – огрызнулся я.

– Мы уже это обсуждали. Мне жалко ребенка, который был брошен. – Она поднялась на ноги. – А вы, мистер ВанРайен, снова грубите.

Она ушла с альбомом под мышкой. Я встал, догнав ее в несколько шагов. Слава Богу, ее короткие ноги не могли покрыть такого же расстояния, как мои. Я схватил ее за талию, развернул и прижал к себе.

– Я снова веду себя как мудака. Позволь извиниться.

Она уставилась на мою грудь.

– Кэти.

Она подняла на меня взгляд.

– Прости. Я вспыхнул без задней мысли. Не привык разговаривать о прошлом или чтобы рядом был кто-то, кого бы волновало, как я чувствовал себя тогда или сейчас.

– Меня волнует.

Я поднял ее, чтобы наши лица оказались на одном уровне.

– Знаю. Я стараюсь привыкнуть к этому, ладно? Дай мне небольшую поблажку. – Я поцеловал ее в уголок рта. – Мне в новинку стараться быть хорошим парнем.

Ее глаза смягчились, и я поцеловал ее снова.

– Это была первая наша ссора?

– Не уверена, что могу назвать это первой или ссорой, – усмехнулась она.

– И все же, нам, наверное, необходим примирительный секс?

Она попыталась выглядеть строгой, но не сдержала проказливой улыбки на лице.

Я подкинул ее на руках и как невесту понес в сторону коттеджа.

– Ну же, миссис ВанРайен. Позволь мне все заглазить. Потом отправимся в город за хот-догами и маршмеллоу.

– И горчицей.

Я кинул ее на кровать и стянул рубашку через голову.

– И горчицей.

Подбросил еще одно полено в камин и скрестил ноги. Кэти приютилась рядышком, положив голову мне на плечо. Я похлопал ее по коленке.

– Достаточно тепло?

Она кивнула, посильнее укутавшись в одеяло.

– Когда темнеет, уже становится холоднее.

– Это осень.

– Знаю.

– Как долго ты еще хочешь здесь оставаться?

Она вздохнула, ее пальцы поигрывали с одеялом.

– Полагаю, мы должны вернуться.

Прошло три дня с тех пор, как я приехал. Впервые в своей взрослой жизни мне некуда было податься – ни в офис, ни на запланированные встречи, ничего на повестке дня. Единственное на чем мне нужно было сосредоточиться это на Кэти. Не считая пары выездов в город за продуктами, мы не покидали курорта. Гуляли по пляжу, посещали маленькую игровую комнату, где я пытался научить ее играть в шашки и потерпел сокрушительный провал, и тратили время на то, чтобы получше узнать друг друга. Мы разговаривали, порой даже часами. Она знала обо мне больше, чем кто-либо за всю мою жизнь. Она умела задавать вопросы так, что мне хотелось рассказать ей о том, чем я никогда не делился с другими. Она рассказала больше историй о своей жизни до и после встречи с Пенни. От некоторых ее рассказов о времени, проведенном в одиночестве на улицах, у меня возникло желание прижать ее крепко и поблагодарить какое бы божество нас ни слышало за то, что ее уберегло. Мы часто занимались любовью. Я не мог ей насытиться. Тело, которое когда-то посчитал неприглядным, стало теперь моей версией совершенства. Она подходила мне так идеально, а страсть, которую я к ней испытывал, была наивысшей. Из-за недостатка опыта ее отклик казался мне еще более эротичным. Мне нравилось наблюдать, как она раскрывает страстную сторону своей натуры.

Тем не менее она была права. Нам нужно было вернуться к нашей жизни или к тому, что от нее осталось, и понять какое будущее нам уготовано.

– Почему бы нам не остаться еще пару дней, а затем вернемся? Слышал по радио, погода меняется, так что мы все равно застрянем в коттедже. Не то... – я заулыбался, наклонившись вперед и поцеловав ее, – чтобы я возражал застрять в помещении, где будет нечем заняться, кроме как оставаться с тобой в кровати.

– Хорошо, – согласилась она, тихо посмеиваясь, затем стала серьезной. – Мне все еще нужно развеять прах Пенни.

– Ты готова это сделать, душенька?

Взгляд ее был устремлен вдаль, когда она заговорила:

– Осень была ее любимым временем года. Она не любила летнюю жару. Всегда ждала приезда сюда так же сильно, как я. Думаю, ей бы понравилось тут остаться.

– Раз ты в этом уверена.

– Завтра, – прошептала она.

Я подтянул ее к себе на колени и поцеловал в макушку:

– Завтра.

Я проснулся и в груди мелькнула паника, когда место рядом оказалось пустым. Я сел, откинув одеяло, и вышел из спальни. Расслабиться удалось только когда заметил Кэти на пляже. Она стояла лицом к морю и прижимала что-то к груди. Я оглянулся, убеждаясь, что урна с прахом Пенни исчезла с камина.

Моя жена прощалась.

Вернувшись в спальню, я схватил брюки и натянул их. Подхватил футболку и одел через голову, поспешив из дома на пляж. Имевшаяся у них система оповещения уже оправдывала свой прогноз. Волны увеличились, с грохотом ударяясь о песок. Ветер усиливался, и я знал, что вскоре за этим последует дождь и шторм, от которого моя жена будет нервничать.

Я подошел к ней и приобнял.

– Я ждала тебя.

– Тебе надо было разбудить меня.

– Мне нужно было немного времени. Я знала, что ты скоро придешь.

– Уверена?

Она улыбнулась мне, блеск слез в ее глазах рассказал мне обо всем.

– Да.

– Хорошо, милая. – Я потянулся к урне. – Хочешь, чтобы я открыл ее?

– Пожалуйста.

Я держал простой зеленый контейнер в руке, пробегая пальцами по цветам, украшавшим гладкую поверхность.

– Спасибо, – прошептал я Пенни. – Ты не пожалеешь, что доверилась мне. – Я осторожно открыл урну и протянул Кэти маленький пакет. Она отошла от меня к краю воды. Я не последовал за ней, понимая, какой это для нее личный, эмоциональный момент.

Она была бездвижна. Видел, как ее губы шевелились, и знал, что она говорит ей свои прощальные слова. Она присела, открыла пакет и высыпала содержимое на песок у своих ног. Встала, встряхнув пакет, последние крупинцы были подхвачены и унесены ветром. Ее голова поникла, она обхватила себя руками, одинокая фигурка на фоне серых туч.

Мне хотелось подойти к ней, успокоить, но я все еще не понимал, как совладать со всеми возникающими у меня эмоциями, когда дело касалось Кэти. Ее следует оставить в покое? Заключить в объятия?

Она разрешила мою дилемму, молча повернувшись и протянув ко мне руку. Я ухватился за нее и притянул к себе.

– Ты в порядке?

Она подняла на меня влажные глаза.

– Буду.

– Могу я что-нибудь сделать?

– Уже сделал.

– Мне хочется сделать что-то еще.

– Отвези меня домой, Ричард. Я готова.

– Хорошо, душенька.

Когда мы покинули пляж, нам не потребовалось много времени, чтобы собрать несколько вещей, которые она привезла в коттедж. Сгреб остатки еды и выбросил в мусор. Я ждал, давая ей немного уединения в коттедже, чтобы она еще раз попрощалась. Поездка домой была полной противоположностью той бешеной гонке, с которой я ехал на курорт. Когда мы возвращались в город, Кэти сидела возле меня, и я сжимал ее руку. Я вел машину не спеша, давая ей возможность расслабиться, но то и дело поглядывая на нее украдкой.

– Я знаю, что ты на меня смотришь.

– Мне нравится смотреть на тебя.

– Я в порядке, Ричард, правда.

– Нервничаешь, что возвращаешься со мной? Из-за изменений, произошедших в наших отношениях?

Она откинула голову на сиденье, глядя на меня.

– В смысле, нервничаю?

– Теперь все изменилось, Кэти. Мы возвращаемся домой по-настоящему женатой парой. Для начала, как только доберемся, твои вещи переберутся в мою комнату. *Нашу комнату*. Навсегда.

– Знаю. Будешь лнуть ко мне каждую ночь.

– А ты будешь слушать мое сопение. – Затем я стал серьезен. – Нам с многим предстоит столкнуться лицом к лицу.

– И мы справимся. – Она замешкалась. – Ты нервничаешь?

– В какой-то степени, да.

– Почему?

Я съехал на обочину и закинул руку на спинку ее сиденья.

– Это все еще я, Кэти. Глубоко внутри, я все тот же говнюк. Я вспыльчивый. Неидеальный даже при смелом предположении.

– Я не ожидаю от тебя совершенства, Ричард. Но не думаю, что говнюк в тебе тот же, каким был раньше.

– Ты очень в меня веришь.

– Я вижу перемены в тебе. – Она улыбнулась. – Плюс факт того, что я тебя люблю.

– Я переживаю, что подведу тебя.

– А что будет, когда я взбешусь на тебя и буду вести себя как засранка?

От этого мне стало смешно.

– Поскольку я уверен, что это будет обосновано, когда такое произойдет, я с этим совладаю.

– Мы со всем справимся вместе, Ричард. Включая кретинское поведение.

– Клянусь, что попытаюсь быть лучше.

– Я знаю, что ты попытаешься и даже более того, что ты в этом преуспеешь.

– Почему ты так уверена?

– Потому что ты меня любишь.

Проводя костяшками пальцев вдоль ее щеки, я кивнул.

– Действительно, душенька. Очень сильно.

Она накрыла мою руку своей и поцеловала меня в ладонь.

– У всех у нас бывают свои моменты, знаешь ли. Даже у меня.

– Правда?

– Я злилась на то, как ты разговаривал со мной, когда был более... *говнючее*, чем обычно.

– Ты хорошо это скрывала.

– Я поквиталась, по-своему.

– Сейчас ты пробудила мое любопытство. Скажи-ка, как именно ты со мной поквиталась?

На ее губах скользнула мимолетная улыбка.

– Кэти?

– В те дни, когда ты был особенно противным, я заменяла нежирный сыр и майонез в твоих сэндвичах на экстражирные. Я не убирала жир из пенки в твоём латте – вообще никогда, просто позволяла тебе думать, что делала это.

– Что?

– Однажды, выходя за сэндвичем для тебя, я забыла спросить, и ты так и не заметил. Это была моя тихая расплата.

– Это *так* ты мстила?

– Я решила, что если твои брюки начнут тебе жать, то тебе придется чуть усерднее заниматься в тренажерке и, возможно, с потом из тебя выйдет говнючость.

Моя первоначальная усмешка переросла в неконтролируемый хохот, аж до слез.

– Какая же ты оказывается мстительная стерва, душенька. Я рад, что теперь ты на моей стороне. Моя беговая дорожка трепещет от твоего безграничного гнева.

– Иди трахни себя, ВанРайен.

Потянувшись через консоль, я поцеловал ее. Она понятия не имела, какой невероятно манящей была в этот момент, или как возрастала моя любовь к ней каждый раз, когда она выдавала эту фразу. Высказанные когда-то в гневе, а теперь в шутку, эти слова служили напоминанием о том, как далеко мы продвинулись вместе.

– Отвези меня домой, Ричард.

– Хорошо, милая.

Я вернулся на дорогу, моя нервозность прошла, а на лице расплылась улыбка.

Мелани Морлэнд
«Контракт»
Глава тридцать вторая

РИЧАРД

КОГДА МЫ ПРИЕХАЛИ, В КОНДО стояла тишина. Я поставил сумки и взглянул на оставленный мной беспорядок.

– Надо было убратсья. Спешил добраться до тебя.

Она прошлась, подбирая пару бутылок.

– Тебе надо перестать пить столько скотча.

Слова вырвались еще до того, как успел их остановить:

– Тебе надо перестать бросать меня.

Ее глаза расширились.

Я дернул себя за чуб.

– *Черт*. Пять минут как оказались дома, и говнюк вылез наружу.

– Тут я согласна. Не стоило убегать, а следовало остаться и обсудить все с тобой.

Потянувшись, я заключил ее в объятия.

– Тогда у тебя не было причины мне доверять. Я позабочусь, чтобы у тебя не было такого оправдания в следующий раз. Не то чтобы он вообще будет, – добавил я.

Она прильнула.

– Нет.

– Значит, у нас все хорошо?

– Ага.

Я шевельнулся и под ногой захрустело стекло, поморщившись, я посмотрел вниз.

– Осторожно.

– Очередной момент у говнюка?

– Существенный, – признал я. – Я был зол на тебя, но все быстро прошло.

– Думаю, тебе было дозвоительно.

– Вызову кого-нибудь прибраться.

Она с улыбкой покачала головой.

– Тут не все так плохо. Мы быстро управимся. – Склонившись, она подобрала свою сумку. – Но ты заказываешь обед и моешь тарелки.

Я схватил свою сумку и последовал за ней.

– Ну вот... уже раздаешь приказы.

– Привыкай. – Она повернула голову и подмигнула.

Я шлепнул ее по попке, отчего она взвизгнула и помчалась впереди меня, но споткнулась, чуть не упав лицом на ступеньки, хорошо я успел сделать рывок и поймать ее за талию.

– Прости, душенька. Забыл про твою ногу. Ты в порядке?

Она обхватила меня за шею.

– Я в порядке, но ты можешь донести меня.

Я поднял ее и припал к губам, не отпуская весь путь до нашей комнаты, где в итоге поставил ее на ноги и высвободил из плена губы.

– Добро пожаловать домой, миссис ВанРайен.

Она улыбнулась мне, пробегая пальцами по контуру моей челюсти.

– Ты более заросший чем обычно.

– Позже побреюсь.

– Мне и так нравится.

– Тогда оставлю.

Поднявшись на цыпочки, она поцеловала меня в щеку.

– Ладно. – Кэти осмотрелась. – Откуда хочешь начать?

Я присел на матрас и притянул ее к себе.

– Я не менял простыни. Они пахли тобой – *нами*, и я не мог... – Мой голос стих. – Не смог.

– Теперь я здесь.

– Знаю. – Я встал. – Возьму твои вещи. Хочу, чтобы они снова находились здесь. Да они вообще никогда не должны были покидать этого места.

– Мы не были готовы. А теперь да.

– Верно.

– Отлично. Что ж, тогда приступим.

Я вышел из душа, протирая волосы полотенцем. Зайдя в спальню я с тихим вздохом огляделся. Кэти переехала ко мне. Ее одежда висела в шкафу и лежала в комод, лосьоны и девчачьи вещи – в ванной. На прикроватном столике стояли ее книги, а ее аромат уже витал в воздухе. Она была слегка шокирована узреть бардак, учиненный мною в ее комнате, но все прибрала, пока я таскал туда-сюда вещи.

Я натянул спортивные штаны и футболку и сбежал вниз. Бутылки, бумаги и разбитое стекло исчезли, а на кухне вновь был порядок. Она сидела у барной стойки с открытой бутылкой вина и бокалами, ожидая меня. Я сделал глоток, наслаждаясь насыщенным ароматом красного вина.

– Ужин?

Она подняла взгляд от своей книги.

– Пицца ждет в духовке.

Я принес пару тарелок и поставил коробку между нами. Мы ели в молчании, хотя нам не было неловко, хотелось знать, о чем она думает. Она казалась задумчивой.

Я накрыл ее руку своей.

– Где витаешь, Кэти? О чем задумалась?

Она улыбнулась, перевернув руку, чтобы наши ладони соединились.

– Я вспоминала наш первый ужин. В ту ночь у нас тоже была пицца с вином.

– Точно.

– Я невероятно нервничала, не знала, что ты хотел обсудить, ведь ты никогда не разговаривал со мной в офисе, если не считать выкриков приказов или высказываний, что я делаю не так. Сидя подле тебя, я понятия не имела, чего ожидать. Я и поверить не могла, что ты скажешь.

Я хмыкнул.

– Я не мог поверить, что собирался попросить тебя – мисс Эллиот – свое проклятие, жить со мной и притвориться моей невестой. – Я покачал головой. – Я был отпетым ублюдком для тебя, не так ли?

– Да, был.

– Не знаю, смогу ли когда-нибудь перестать просить прощения.

– Прекрати, то было тогда, *это* – сейчас. – Она сплела наши пальцы и сжала их. – Мне нравится сейчас.

Я поднял наши соединенные руки, поцеловав ее костяшки.

– И мне.

– Нам все еще предстоит предстать перед Гэвинами.

Отпустив ее руку, я потянулся к своему бокалу.

– Знаю. Позвоню Грехаму утром. Уверен, нас вызовут в их дом в надлежащее время.

– Как думаешь, что случится?

– Не знаю, я ожидал, что он уволит меня в тот же миг. А когда он сказал, что уже подозревал меня во лжи, то я был полностью в этом уверен. – Я усмехнулся. – Естественно, теперь все происходит не так, как я ожидаю, поэтому я не лучший судья в данной ситуации.

– Ты готов к тому, что он тебя уволит?

– Честно говоря, боюсь, но если это произойдет, тогда мы переедем и начнем сначала. Наверняка я не получу от него или Дэвида рекомендательного письма, могу только надеяться, что моя работа говорит сама за себя. Брайан может помочь с контактами, да и у меня есть парочка – клиенты, с которыми раньше работал и тому подобное.

– А если не уволит?

– Тогда мы останемся. Хочу остаться. Мне хочется работать с Грехамом. На это уйдет время, но я покажу ему, что мне можно доверять. Я буду надирать задницу ради него и его компании.

– Знаю, ты так и сделаешь, – печально улыбнувшись, она встретила со мной глазами.

– Надеюсь, Лора с Дженной смогут простить меня.

– Больше всего я сожалею об этом, – признался я. – Ты уже потеряла Пенни, а я знаю, как ты любишь их обеих. Не хочу, чтобы ты и это потеряла.

– Думаю, мы достаточно скоро об этом узнаем.

Я кивнул.

– Именно.

Пробежав усталой рукой по лицу, я просмотрел распечатанные документы от Брайана.

Через день после нашего возвращения домой, я написал Грехаму, сообщая что я снова в городе и Кэти со мной, но не получил ответа. Кэти также написала Дженне и пригласила встретиться за чашечкой кофе, но и ей ответом послужила тишина. Я знал, что она расстроилась, хотя никого из нас такое не удивило.

Под конец второго дня я связался с Брайаном относительно вакансий в других городах. Он казался удивленным моей просьбой, но все равно отправил несколько мне на рассмотрение. Две были в Торонто, одна в Штатах, а последняя в Калгари, и она казалась самой заманчивой, хотя и наименее динамичной из всех компаний. По крайней мере мы будем окружены горами и рядом с озерами и восхитительным пейзажем.

И хотя мне не хотелось ни в одну из них, но я был уверен, что касательно моего места в «Гэвин Групп» все уже ясно. Пора было искать мне, *нам*, другие варианты. Хотелось, чтобы Кэти была счастлива, а я знал, что таковой она не будет в таких больших, перенаселенных городах, как Торонто. К тому же у меня не было желания добираться до своего офиса часами. Нужно было отбросить свою гордость и выбрать то, что лучше для нас.

Я встал и направился на кухню. Мне нужно было кофе и показать Кэти присланные Брайаном варианты. Она подняла глаза от огромной поварской книги, которую изучала, и улыбнулась мне.

– Что это?

Я бросил кипу бумаг на стол и потянулся к кофейнику.

– Места работы.

– Ох, – она придвинула документы поближе. – Ясно, есть что-нибудь стоящее?

Я постучал по верхнему листу.

– Вот эта интересная.

Она просмотрела его и нахмурилась.

– Довольно мелко по сравнению с тем, к чему ты привык.

Я сел, отпивая кофе.

– Мне придется пойти на некоторые уступки.

– Ты должен принять решение незамедлительно?

– Нет, – признал я. – Но не хочу долго засиживаться без работы. В финансовом плане у нас все в порядке, тут скорее – мне всегда нужно оставаться на гребне волны.

– Ну если что, – протянула она, – у меня есть немного денег, которые я могу одолжить тебе, если понадобится.

Мои губы изогнулись.

– Вот как?

– Угу. Я работала на одного говнюка, который хорошо мне платил. Просто рассмотри этот вариант, если потребуется.

Я обвил ее рукой за талию, приблизив к себе.

– Ты до сих пор работаешь на этого говнюка?

– Нет, говнюк исчез.

– Неужели? А его заменил принц на белом коне?

– Нет, появился довольно сложный и требовательный, но очень сексуальный и по-настоящему милый мужчина.

– Милый? – усмехнулся я. Такого мне еще не приписывали.

Она кивнула.

– Да, временами очень милый.

– Возможно с тобой. Не думаю, что кто-то еще назовет меня милым.

– Меня устраивает.

Я нежно потерся носом об ее.

– Хорошо.

Наши глаза встретились и тепло ее взгляда отвлекло меня. Жар бурлил вокруг нас, как всегда в последнее время, когда я находился вблизи от нее. Опустив голову, я мазнул губами по ее.

– А теперь о сексуальной части...

Звонок интеркома испугал нас обоих.

- Черт побери, – рыкнул я.
- Заминка, – прошептала она мне в губы.
- Я закинул ей руку на шею, не отпуская и жадно целуя.
- Недолгая. Я разберусь, что бы там ни было и затем ты моя.
- Нажал на кнопку связи.
- ВанРайен.
- У вас гости, мистер ВанРайен. К вам пришли мистер и миссис Гэвин.
- Я встретился с потрясенным взглядом Кэти, потянувшись к ее руке.
- Отправьте их наверх.

Я замешкался, прежде чем открыть дверь, по-прежнему крепко держа руку Кэти.

– Несмотря ни на что, у нас же все хорошо, верно? – Тихо сказал я.

– Да.

Собравшись с духом, я распахнул дверь и встретился с серьезным выражением лица Грехама. Лора стояла рядом с ним и тоже выглядела мрачной. Но самым страшным стала коробка в руках Грехама. Последний раз я ее видел, когда паковал вещи со своего стола.

И хотя я не был потрясен и подозревал, что такое случится, прилив разочарования в груди был сокрушительным. Я резко вдохнул, покрепче сжав руку Кэти. Рядом со мной она сдавленно охнула, глаза ее были направлены на коробку, которую держал Грехам. Я склонился и поцеловал ее в голову.

– Все в порядке, – заверил ее. – Помнишь?

– В порядке, – повторила она.

Я отступил, не желая, чтобы это произошло в коридоре на пороге нашего дома.

– Входите, – удалось мне произнести.

Грехам поставил коробку на пол у дивана. Я был благодарен, когда Кэти заговорила, давая мне несколько дополнительных секунд прийти в себя.

– Будете кофе?

Лора улыбнулась и присела.

– Я бы не отказалась от чашечки.

Грехам кивнул:

– Я бы тоже.

Я последовал за ней на кухню и оцепенело наблюдал, пока она расставляла чашки и салфетки на поднос, наливая кофе.

– Печенья тоже положить? – прошептала она.

Я пожал плечами.

– Кэти, я... понятия не имею каков протокол, когда твой босс приходит увольнять тебя. Но печенья кажутся слишком хорошей мыслью для подобного случая.

Она зажевала щеку, и я постучал по ней.

– Шутка. Это была шутка, пусть и неудачная. Положи печенья, душенька. Мы можем вести себя цивилизованно даже в такой ситуации. Ведь не происходит ничего для нас неожиданного.

– Будешь орать?

Я покачал головой.

– Нет. Если честно, я слишком расстроен, чтобы орать.

Она обвила меня руками за шею, притягивая мою голову к себе на плечо.

– Спасибо, что поделился со мной. Я люблю тебя.

Я поднял ее, нужно было тепло ее тела, чтобы успокоить мое колотящееся сердце. Ее ноги высоко зависли над полом, пока я прижимал ее.

– Благодаря этому я могу все выдержать, – поставив ее на ноги, я взял поднос. – Пошли выслушаем об увольнении.

Я раздал чашки кофе не столь спокойными руками, как обычно. Лора бросила пару фраз Кэти, спрашивая, как она справляется с утратой Пенни. Я обнял ее рукой за плечи, когда голос Кэти задрожал при упоминании о развеивании праха Пенни.

Грехам внимательно наблюдал за нами, поставив свою чашку на стол.

– Полагаю, вы двое достигли понимания?

– Тут дело не в понимании, Грехам. Я влюблен в Кэти и, к счастью, она чувствует тоже самое по отношению ко мне. Мы двигаемся вперед вместе.

– Значит, это больше не женитьба на показ?

Я подавил желание схватиться за затылок.

– Все уже давно не так. Я был просто слишком упрям, чтобы увидеть или признать это.

Он обратил свой взгляд на Кэти:

– А ты?

Она подняла подбородок, выставив вперед упрямую ямочку.

– Я уже некоторое время люблю его. Но слишком боялась сказать ему, опасаясь, что он не ответит на мои чувства. – Она переплела наши пальцы. – Однако он ответил, и мы готовы встретить наше будущее вместе.

– Хорошо. – Грехам наклонился и поднял коробку, поставив ее на кофейный столик. Из кармана он вытащил мой контракт, разорвав его пополам и положив поверх коробки.

– Ну что ж, – пробормотал я. – Это больше, чем казалось. – Я вскинул руку, когда Грехам начал было говорить. – Позволь закончить. Это больно, но я понимаю. Я пришел в твою компанию под ложным предлогом, поэтому признаю, что ты должен меня отпустить. Хочу, чтобы ты знал, как сильно мне нравилось работать на тебя. С тобой. Ты показал мне как человек должен руководить своей фирмой. – Я проглотил комок в горле. – Ты и твоя семья стали очень много значить для нас. Надеюсь, однажды вы сможете нас простить.

– Почему ты хотел работать на меня?

Я решил быть честным.

– Сперва эта была месть – поквитаться с Дэвидом. Он так сильно тебя недолюбливал. Я знал, что если у меня появится шанс работать на тебя, он мог бы предложить мне партнерство, чтобы я остался. Мне нужно было лишь предложение. Затем...

– Затем? – поторопил Грехам.

– Затем я встретился с тобой, поговорил, и все изменилось. Ты слушал меня, поощрял мои идеи. Уже долгие годы я не испытывал такого восторга и позитивной поддержки. Месть отступила на задний план, захотелось стать частью той атмосферы общности в твоём офисе. Мне захотелось получить шанс работать с тобой. – Я замолчал, понизив голос в смущении. – Хотел, чтобы ты мной гордился.

На мгновение в комнате повисла тишина. Грехам заговорил.

– Ясно.

Я прочистил горло.

– Еще раз извиняюсь. Мы с Кэти желаем вам всего хорошего, как в личном, так и в профессиональном плане.

Пальцы Грехам выбивали неровный ритм на коробке.

– Дэвид ненавидит меня из-за выбранного мной жизненного пути. Мы ходили в одну школу, ты знал об этом?

Я покачал головой.

– Когда-то мы были друзьями. Мы даже обсуждали начать общий бизнес. Как обычно для Дэвида это было «все или ничего». Он ожидал преданности делу до такой степени, что нельзя было вести жизнь за пределами бизнеса. Я встретил Лору и понял, что хочу большего, чем жить одной лишь работой. А когда сказал ему, что не заинтересован, мы обменялись парочкой горячих словечек. После чего разбежались, он открыл собственный бизнес, а я – свой. Мы оба успешны, вот только он этого достиг в совершенно иной манере. Там все повязано на деньгах и бизнесе. Я потерял счет количеству работников, которые у него перебивали за эти годы, сомнительным рекламным кампаниям, ассоциирующимся с его фирмой, количеству женщин, связанных с его именем. Думаю, он был женат и разведен раза четыре.

– Пять, – поправил я.

Он слегка улыбнулся, в результате в уголках глаз образовались морщинки:

– Видимо, одну где-то пропустил. Но суть в том, что для него нет ничего важнее денег.

Он ненавидит меня, потому что я выбрал жизнь за пределами работы, и все равно стал успешным. Он так же, как и любой знакомый со мной человек, знает, что самое успешное, что у меня есть, самое дорогое для меня – это семья. Я бы от всего прочего отказался, даже не моргнув глазом, пока они у меня есть.

Грехам спокойно встретил мой взгляд.

– У него в жизни нет ни одной веской причины, чтобы пожертвовать всем. Из-за этого он меня ненавидит.

– Я быстро превращался в него, пока Кэти не появилась в моей жизни.

Он кивнул.

– Рад, что ты изменился. – Он постукивал по крышке коробки своими костяшками. – Поэтому мне пришлось прервать твой контракт, Ричард. Он был подписан под ложным предложением.

– Я признателен за твою честность и за то, что принес мои вещи, Грехам.

– Я еще не закончил.

– Да? – спросил я озадаченно.

Он откинулся назад с таким выражением на лице, будто мой вопрос его позабавил.

– Я нашел себе очень талантливого работника. Видел вашу работу, мистер ВанРайен, и подумал, возможно, вы подходите моей компании.

Я нахмурился, наверняка неверно его расслышал.

– Простите?

– Думаю, *сейчас* ты именно такой человек, которого я бы хотел видеть в своей команде.

– Я не... Я не понимаю.

– Я предлагаю тебе работу, Ричард. С чистого листа. – Он полез в карман, доставая новый контракт. – Мы начнем заново.

Я сглотнул, едва поверив происходящему.

– Почему? – выдавил я сквозь сжатые губы.

– Как и Кэти, я верю во второй шанс. – Он взял руку Лоры. – Мы оба верим.

Лора кивнула мне со слезами на глазах.

– Ты бы мог ничего не говорить о ваших с Кэти отношениях, Ричард. Ты мог продолжать нас обманывать. Возможно, мы и подозревали, но никогда бы не узнали, если бы ты не был честен. Мы оба видели, как сильно ты заботился о Пенни. Мы знаем, как добр ты был к Дженне. *Такого* Ричарда мы хотим в нашей компании. Того, кто хочет расти вместе с ней – быть частью нее. – Она улыбнулась. – Будь частью нашей семьи. Потому что именно так мы думаем о вас двоих.

Кэти произвела странный горловой звук. Склонившись, я увидел слезы, текущие по ее лицу, и все ее тело дрожало в попытке сохранить контроль над своей реакцией. Я придвинулся ближе, притянув ее голову к моему плечу.

– Ш-ш, душенька. Все в порядке.

Я повернулся обратно к Грехаму.

– Ты веришь мне? После всей лжи, ты веришь мне? – ошеломленно спросил я.

– Да, по *этой* причине. – Грехам указал на то, как я держал Кэти. – Этого нельзя симитировать, Ричард. Мы чувствуем, как ты любишь свою жену.

– Дайте ему ручку! – воскликнула Кэти. – Он подпишет! Мы хотим остаться – мы оба хотим остаться!

Грехам с Лорой усмехнулись ее словам, а мне пришлось прикусить губу, чтобы не рассмеяться. Из нее выйдет никудышный игрок в покер, но она была права. Мы правда хотели остаться.

Все еще приобнимая ее одной рукой, я протянул вторую.

– Почту за честь работать на вас, Грехам. Больше я вас не подведу, обещаю и заставлю вас гордиться мной.

Он твердо пожал мою руку.

– Ты уже это сделал.

Пришлось отвести взгляд, чтобы убедиться, что Кэти была в порядке. И это не имело никакого отношения к тому, что мой взор расплылся или в глазах застыли слезы.

Совершенно никакого.

Мелани Морлэнд
«Контракт»
Глава тридцать третья

РИЧАРД

Я ПОНЕС ПОДНОС НА кухню, оставив Кэти болтать с Лорой. Грехам последовал за мной вместе с коробкой и подождал, чтобы мы могли пойти в кабинет и еще пообщаться. Он бросил взгляд на бумаги на столешнице, взяв в руки список вакансий в Калгари.

– Seriously, Ричард? – усмехнулся он. – Ты бы там помер со скуки.

– Я не мог взять Кэти в Торонто. Она была бы там несчастна.

Он с мгновение изучал меня и на его лице заиграла улыбка.

– Как же ты изменился.

– В смысле повзрослел.

Он кивнул, похлопав меня по плечу.

– Приятно это видеть.

Я взглянул через его плечо на Кэти, обнимающуюся с Лорой.

– Приятное ощущение, – согласился я. – Никогда бы не подумал, что испытаю такое.

– Правильный человек может раскрыть наши глаза на многое, Ричард.

Он был прав.

Он протянул новый контракт.

– Давай подпишем бумаги.

– Зачем ты принес мои вещи, если собирался вновь нанять меня?

На его лице появилось странное выражение, и он открыл крышку.

– Коробка пустая, Ричард.

Я воззрился на него.

– Что? Тогда зачем?

– По той же причине почему мы пришли незваными. Хотел посмотреть, как ты поведешь себя, думая, что все уже кончено. Хотел увидеть твою настоящую подсознательную реакцию, а не заранее спланированную.

– И?

– Ты выглядел разбитым.

– Так и было. Мне хотелось продолжать работать на вас. Когда увидел коробку, понял, что так накосячил, что уже не исправить. Я не был удивлен, но именно тогда понял, как *сильно* этого хотел. Понимал, что ничего не смогу сделать, чтобы все вернуть. Ведь это я всему виной.

– Твоя реакция сказала все, что мне было нужно. Ты был расстроен, и тем не менее сразу начал утешать Кэти. Тогда я и понял, что ты *совершенно* изменился. – Он улыбнулся. – Прости за уловку.

Я протянул руку, которую он крепко пожал.

– Я понимаю.

Он закрыл крышку.

– Воспользуйся ей, чтобы принести еще вещей в офис. Сделай его своим, Ричард.

– Кто-нибудь знает?

– За пределами семьи нет. Работники думают, что ты уезжал с Кэти. Ты придешь в понедельник и начнешь все заново. Никто больше и не узнает.

– Спасибо. На этот раз я вас не подведу.

– Знаю, – сказал он и решительно кивнул. – *Не сомневаюсь.*

Вскоре после этого Грехам пожал мою руку на прощанье.

– Увидимся в понедельник.

Лора в последний раз приобняла Кэти и повернулась ко мне.

– Мы ожидаем от тебя великих свершений, Ричард.

– Будет сделано.

Она потрепала меня по щеке.

– Знаю.

– Мне нужно многое исправить, и я сделаю все от меня зависящее.

– Мы начинаем все с нуля. Ты приходишь в понедельник и все начинаешь заново с Грехамом и со мной. – улыбнулась она с сочувствием. – Можешь самостоятельно поработать над своими отношениями с Адамом, Дженной и Адрианом. У них было равное право голоса касательно того, чтобы тебя оставить, и все они были «за». – Она понимающе выгнула бровь. – Хотя, думаю, один из моих детей хочет высказаться по этому поводу больше, чем остальные.

Я усмехнулся.

– В этом я не сомневаюсь и приму на себя весь гнев Дженны. Я обязательно поговорю с каждым из них на следующей неделе.

– С возвращением на борт, Ричард.

– Благодарю.

Я провел их до лифта и сразу же вернулся. Кэти не было ни в дверях, ни в гостиной, поэтому я поспешил подняться по лестнице и удивился, застав ее в шезлонге в своей старой комнате.

– Душенька?

Она печально посмотрела на меня.

– Что такое? Почему ты здесь?

Она пожала плечами.

– Просто думала.

Я сел перед ней, обхватив ее лицо.

– О чем?

– Как я нервничала и была напугана в первую ночь здесь.

– Из-за того, что была здесь... со мной?

– Об этом и будущем, как ты одним мановением изменил всю мою жизнь. Я была не в той ужасной маленькой квартирке, бросила работу, и понятия не имела, как мы провернем такой сложный спектакль. Я думала лишь о том, что все развалится и не знала, как буду подбирать разлетевшиеся кусочки. – Она замолкла, водя пальцем по узору на подушке. – Мои мысли были хаотичны, а я была такая неуверенная.

– Да и от меня не было никакой пользы, верно?

Она склонила голову, изучая меня.

– Нет, на самом деле твое спокойствие, то, как ты брал все под контроль, помогало. Ты был настолько убежден, так сконцентрирован на своей цели. Мне оставалось лишь следовать твоим указаниям.

– Тебе поможет, если скажу, что уже тогда был в восторге от тебя, Кэти? Ты проявила столько храбрости. – Я усмехнулся, вспомнив наши прежние беседы. – В первый раз, когда ты сказала мне трахнуть себя, я увидел в тебе скрытую искру. Ты перестала быть тряпкой, за которую я тебя ошибочно принимал и стала силой. – Я смахнул ее волосы с плеча, погладив шелковистые пряди. – Ты стала моей силой. Моим светом.

– Ты стал моим всем, – прошептала она.

Я низко склонился, мазнув губами по ее.

– Как далеко мы продвинулись.

– Сегодня был хороший день.

– Верно. Я подписал новый контракт, в понедельник возвращаюсь на работу, туда, где я действительно хочу быть. Мы можем остаться в Виктории, а самая лучшая часть всего этого то, что у меня есть ты. Мы можем создать совместную жизнь.

– Думаю, мне хочется вернуться на работу.

Я был в какой-то мере поражен.

– Почему? Тебе нет нужды.

– Знаю, но что мне делать целыми днями? Околачиваться по пустому кондо? Рисовать и делать ремонт в комнатах? Я хочу быть полезной. – Она вздохнула. – У меня больше нет Пенни, чтобы коротать с ней дни.

Грусть в ее словах заставила мое сердце сжаться.

– А если займешься какой-нибудь волонтерской работой, помимо дел в приюте? Ты знакома со столькими обитателями «Золотых Дубов», может ты могла бы проводить там немного времени. Уверен, они бы оценили твою помощь.

– Я думала об этом.

Я подался вперед, притянув ее к себе.

– Кэти, я хочу, чтобы ты занималась чем захочешь. Волонтерством, работой, чем угодно, что сделает тебя счастливой. Но послушай, душенька. За последние месяцы на тебя столько навалилось. Все что ты сказала ранее о том, как я изменил твою жизнь, правда. – Я провел костяшками по ее нежной щеке. – И, хотя все обошлось хорошо, понимаю, насколько

для тебя это было тяжело. Все в твоей жизни изменилось, и ты потеряла Пенни. Знаю, порой это должно быть захлестывает тебя, поэтому прошу обдумать все. Не спеши, пожалуйста.

Ее глаза были бездонные, когда наши взгляды встретились. Я не знал, как выразить, насколько это было важно для меня.

– Я хочу.... – сглотнул и глубоко вздохнул. – Впервые мне хочется о ком-то заботиться. Позволь мне это сделать. Я поддержу тебя во всех твоих решениях, но позволь мне присматривать за тобой некоторое время. Мне необходимо убедиться, что с тобой все хорошо.

– Я в порядке, – настаивала она.

– Пожалуйста, – повторил я. – Всего лишь ненадолго. Хочу, чтобы ты расслабилась. Украсила нашу комнату, почитала, поспала, приготовила мне свои восхитительные ужины, испекла печенья. – Я прижал ее руку к груди. – Присмотри за мной. Ты нужна мне, душенька. Мне также необходимо знать, что и ты нуждаешься во мне.

Она обхватила мое лицо, большими пальцами выводя круги на моих щеках.

– Ты правда нужен мне, Ричард.

– Ради меня, – умолял, прижавшись к ней лбом. – Я прошу лишь немного времени.

– Ладно.

– Спасибо.

Она встретила мои губы, и я впился в них. Просунул руку под ее ноги и поднял с шезлонга. Направляясь из комнаты, я понес ее в нашу спальню. Положил на матрас и улыбнулся, глядя, как она потянулась, разминаясь.

– Кажется, нас ранее прервали, а кто-то обещал продолжение. Теперь выполняй.

Она вновь притянула меня к своим губам.

– Хорошо.

Я провел по ее губам своими, уже наполненными желанием. Для меня было загадкой, как я так долго отрицал свое влечение к ней. Все, что мне от нее было нужно, это застенчивый взгляд или одна из ее дразнящих улыбок, и я тут же хотел ее. Все в ней было заманчиво и красиво. То, как она поддерживала – любила меня – было самым сильным афродизиак, который я когда-либо знал.

Мои глаза распахнулись, встретившись с ее ярким голубым взглядом. В мгновение безудержное желание превратилось в кипящий омут эмоций. Все, что случилось сегодня – каждая хорошая вещь в моей жизни – произошла благодаря ей.

Моей Кэти.

Любовь и жажда, которые я когда-либо испытывал к *ней*, поглотили мое тело. Нависая над ней, я вновь припал к ней ртом, мой поцелуй был нежным и наполненным глубиной моей привязанности. Она обхватила меня руками за шею, ее пальцы в такой лёгкой ласке скользили по моей голове, что я задрожал. Ее прикосновение передавало столько нежности. Ее любовь пропитывала мою кожу каждый раз, когда мы были вместе, заземляя меня, фокусируя, когда мне это было нужно больше всего. Я поглощал ее сущность, ее душа стала единой с моей.

Я осторожно стянул с нас одежду, при этом мои губы почти не покидали ее тела. Погладил ее теплую кожу, одаривая обожающим прикосновением каждый изгиб и несовершенство. Я улыбнулся, когда она стала нетерпеливой, сильнее стискивая меня руками и умоляя о большем. Скользя в ее приветливое тело, я замер, наслаждаясь абсолютным совершенством единения с ней самым интимным из способов.

Я планировал жестко трахнуть ее. Дразнить, пока бы она не умоляла об освобождении, но все изменилось за секунду. Все, что я хотел сейчас, это заняться с ней любовью, удовлетворить ее, оставить насытившейся, довольной и уверенной в том, что она моя.

И в равной степени уверенной в том, что я принадлежал ей полностью.

Я начал двигаться – медленно с оттяжкой. Поклонялся ей руками и ртом, не оставляя ни сантиметра нетронутым, постоянно восхваляя ее.

– Твоя кожа, детка, мне нравится, какая она на вкус.

Она вцепилась в мои волосы, дергая за короткие пряди и со стоном произнося мое имя.

Я ускорился, нуждаясь в большем.

– Моему члену так приятно зарыться в тебя.

Она плотнее обхватила меня ногами, цепляясь за мои плечи и впиваясь короткими ногтями мне в кожу, в своем стремлении прижаться ближе.

Мои движения стали неудержимым, в то время как мой оргазм стал набирать силу, овладевая мной.

– Моя, Кэти. *Ты моя.*

Она кончила, ее мышцы сжались, подтверждая ее освобождение. Уткнувшись лицом в благоухающую кожу ее шеи, я без единой мысли в голове покачивался на интенсивных и мощных волнах наслаждения, окатывавших мое гудящее от удовольствия тело.

Подняв голову, я встретился с нежным, сонным взглядом Кэти. Я захватил ее губы в плен, ткнувшись в их мягкость.

– Люблю тебя, – выдохнул я.

Она сладко улыбнулась.

– Знаю.

В понедельник я нервничал, когда входил в двери «Гэвин Групп». Меня несколько не удивило, что Грехам ожидал меня. Он пожал мне руку, пригласив в свой кабинет, рассказал обо всем, что происходило в мое отсутствие. Он вызвал мой интерес новой кампанией, и мы уже глубоко погрузились в ее обсуждение, когда вошли Адам, Дженна и Адриан. Я встал и протянул руку. Адам с Адрианом пожали ее, а вот Дженна стала поодаль, холодно уставившись на меня. Прекрасно понимая ее гнев, я кивнул и сел обратно. Она не торопилась включаться в разговор, но вскоре уже как обычно стала спорить со мной о концепции и идее. Я был благодарен за естественное поведение, прекрасно зная, что нам предстоит разговор по душам.

Я был прав.

Я находился в своем офисе, просматривая сообщения, обрабатывая мэйл и файлы, оставленные для меня Эми, когда зашла Дженна, захлопнув за собой дверь.

Она встала перед моим столом, упершись рукой в бедро и уставившись на меня.

– Валяй, – призвал я, хотя знал, что она уже некоторое время горит желанием обрушиться на меня.

– Ты врал мне, ублюдок. Всем нам.

– Все верно.

– Кэти врала мне.

Я немедленно вскочил со стула и обошел стол.

– Она этого не хотела, Дженна. Ей ненавистно было лгать тебе, всем вам. Я во всем виноват.

– Я доверяла ей, считала ее подругой.

– Она и есть, по крайней мере, ей бы хотелось ею быть. Она скучает по разговорам с тобой.

Ее глаза затуманились.

– Я скучаю по ней.

Я облокотился на стол.

– Я сделал это по эгоистичным причинам, *она* же, чтобы обеспечить безопасность и присмотр за Пенни. Если хочешь злиться, то злись на меня, а *ее* прости. – Я схватился за затылок. – Она и так уже достаточно потеряла, не забирай у нее и вашу дружбу.

Она склонила голову, закусив губу, стала изучать меня.

– Так говорит только мужчина, который влюблен в свою жену.

– Да, я люблю ее. Не заслуживаю, но все равно люблю. – Опустив руки, я побарабанил пальцами по твердой деревянной поверхности. – Я не из тех, кто склонен к широким жестам или романтике, но я стараюсь. Ради нее. Хочу быть для нее мужем, которого она заслуживает, – человеком, которому она решила довериться.

Она продолжала смотреть на меня.

– Послушай, Дженна, знаю, ты хочешь накричать на меня и отругать. Без проблем, я снесу все, потому что заслужил. Знаю, мне необходимо заработать твое доверие, и я сделаю это. Как-нибудь, но сделаю. Только не... – я махнул рукой, не уверенный, как попросить, – только не наказывай Кэти.

Она топнула ногой.

– Мне нравится предложенная тобой ранее идея о круизном лайнере.

Я моргнул в смятении из-за быстрой смены темы разговора.

– Хорошо.

– Возможно, сможем обсудить это в полдень.

– Конечно.

Она развернулась на каблуках, остановившись перед дверью.

– Когда я буду готова говорить об остальном, дам тебе знать.

– Договорились.
– А пока что я рада, что ты вернулся. – Она скривила губы, рука снова была на бедре. – Я скучала тут по твоей угрюмой заднице.
Я не смог сдержать смех.
– Спасибо, а я – по нашей болтовне. – Подмигнул ей, поскольку обычно говорила она, а я всегда слушал.
– Не зазнавайся, – фыркнула она. – Мы не стали снова друзьями.
– Нет конечно.
– Пока еще нет, – добавила она и ушла.
Я сел обратно за стол.
Это было началом. По крайней мере она разговаривала со мной. Хоть немного.

К четвергу я почувствовал, что вернулся в колею. Дни были заполнены встречами, разработкой стратегий и огромным объемом работы. В большей степени все походило на мою прежнюю жизнь, только теперь мне было к кому спешить в конце рабочего дня.

Домой к Кэти.

Мне нравилось возвращаться домой, зная, что она будет там. Я наслаждался нашими совместными ночами, посиделками и разговорами, обсуждениями прошедшего дня. Я жаждал ощущения ее губ под своими и того, как двигались наши тела, когда мы вместе достигали оргазма под конец вечера или раньше, в зависимости от настроения. Мы опробовали все уголки в кондо – стойку на кухне, диван и даже дверь изнутри. И все же моим самым любимым местом брать Кэти был стол в кабинете. Ужин часто был позабыт – я не мог насытиться своей женой.

Сегодня я сделал остановку и купил цветы без всякой причины, просто хотелось показать свою любовь. Желание выразить незнакомую эмоцию такую, как любовь, до сих пор было для меня непонятным ощущением, но я продолжал стараться. Временами Адриан был хорошим советчиком в этом плане.

Заходя в кондо, я услышал голоса. Ступил в гостиную и заметил Дженну сидящую с Кэти за высокой стойкой, которая отделяла кухню. Между ними стояла пустая бутылка, их бокалы наполовину наполнены. Дженна ушла из офиса около двух, и я подозревал, что она будет здесь. Я спрятал улыбку и пересек комнату, передав Кэти цветы и упоительно ее поцеловав. Она засияла, глаза были полны счастья. Я знал, что для нее значил приход Дженны. Ее молчание лежало тяжким грузом на сердце Кэти, и меня бесило, что я ничем не мог ей помочь. Они сами должны были в этом разобраться, а мяч находился на половине корта Дженны.

– Мне заказать китайской еды на ужин? – Спросил я, низко склонившись и поглаживая ее розовую щечку. Она всегда краснела, когда выпивала, и мне нравилось целовать ее теплую кожу. Я так и сделал – провел губами по ее щеке к уголку рта, прижавшись к полным губам.

– Да, пожалуйста. И спасибо за цветы.
Я еще раз поцеловал ее манящие губы и встал.
– Два спринг-ролла, – посмотрел на Дженну, – или три?
– Четыре, – ответила Дженна. – Скоро подойдет Адриан. Уверена, он тоже будет голоден.

– Принесу еще одну бутылку вина.
Дженна пожала плечами.
– Или две.
Засмеявшись, я сжал ее плечи по дороге.
– Приятно снова видеть тебя, Дженна.
Она отпустила меня взмахом руки.
– Как скажешь.

Но я заметил ее лукавое подмигивание Кэти.

Они снова начали болтать. Я остановился в коридоре, подслушивая. Смех Кэти был тихим и веселым, а голос Дженны как всегда был взволнованным, когда она рассказывала о новой художественной выставке, которую все мы должны посетить. Я на удивление нервно втянул воздух и улыбнулся. Моя жена вернула свою подругу.

Кэти медленно подбирала кусочки своей жизни, что означало – моя приравнивалась к ее. Мы создавали новую жизнь.
Вместе.

РИЧАРД

ДЖЕННА СКЛОНИЛАСЬ, УКАЗЫВАЯ на наброски.

– Мне нравится этот.

Я покачал головой.

– Нет, слишком плоско. – Я пробежался по стопке бумаг, выхватывая одну с самого низа. – Вот этот может тебя заинтересовать.

– Слишком броско.

– Нам и *нужно* броско, Дженна. Мы продаем веселье, оно должно *привлекать* внимание.

Она поджала губы, и я воспользовался моментом, чтобы сделать глоток кофе. Я уже три месяца как «вернулся». Мои отношения со всеми Гэвинами были прочными как в профессиональном, так и в личном плане, а моя карьера никогда не была такой полноценной, как сейчас.

Моя жизнь с Кэти была восхитительной. Она привнесла в мой мир спокойствие, необходимость или потребность которого я никогда раньше не осознавал. Она была моим центром, и все что я делал, каким-то образом вращалось вокруг нее. В основном Кэти занималась волонтерством, а дважды в неделю работала в «Гэвин Групп», но не на меня. Она стала помощницей Лоры и из них получилась великолепная команда. Это была беспроигрышная ситуация для меня, поскольку я мог видеть ее как в офисе, так и дома.

Дженна с сердитым фырканьем отодвинула набросок.

– Я все равно ненавижу, когда ты прав.

Я усмехнулся ее негодованию и прежде чем успел что-то сказать, раздался звонок ее телефона. Она ответила, очередное тихое рычание заставило меня улыбнуться на то, настолько она была разгневана.

– Ладно. Нет, я найду другой способ, – она отключилась, швырнув телефон на стол.

– Какие-то проблемы?

– Моя машина на ремонте. Деталь перезаказали и та не прибудет до завтра. Адриан уехал, а мне не на чем поехать домой. Попробую, может смогу догнать папу.

– Он уехал на встречу сразу же после обеда. И, кажется, говорил, что после нее поедет домой.

– Черт.

– Я подвезу тебя.

– Уверен?

– Ага, могу и завтра за тобой заехать, подвезти.

– Папа подвезет. У тебя нет на сегодня планов с Кэти?

– Нет. У нее вечером компьютерные курсы, поэтому я свободен, как птица.

– Замечательно. Спасибо.

– Без проблем. А теперь давай закончим с этим, и я тебя отвезу.

Поездка была приятной и быстрой. Побывав там уже множество раз, мне не нужно было показывать направление. Дженна, как всегда, нашла о чем поговорить, заполнив время в машине рассказами о поиске нового дивана.

Они с Адрианом жили на краю города в новом пригороде. Дома там были большие, находились на приличном расстоянии друг от друга и близко к воде. Мне нравился тихий богатый вид на окрестности.

Высадив Дженну, проколесил по соседним улицам, восхищаясь домами и умиротворенностью района. Я притормозил у обочины перед домом, который привлек мое внимание. Темно-серый кирпич с ярко-голубой отделкой выделялись на фоне окружающих домов с более приглушенными цветовыми решениями. Двухэтажный с огромным обрамляющим по кругу крыльцом и большими окнами, он выглядел по-домашнему. Но мой взгляд привлек мужчина, вбивавший в землю табличку с надписью «на продажу». Там также

был прикреплен цилиндр для хранения информационных листов о доме. Не раздумывая, я вышел из машины, и направился к мужчине. Он улыбнулся, когда я попросил экземпляр.

– Они еще в доме, надо принести их, – ответил он на мою просьбу. – Владелец нет дома, но думаю, они не будут против. Хотели бы взглянуть?

Я снова посмотрел на дом, не совсем уверенный, почему он меня заинтересовал. Мы с Кэти никогда не поднимали вопрос о доме или переезда.

Разве что он мне нравился.

– Да, посмотрю.

Часом позже я сидел в машине, сжимая в руке информационный лист о доме, а еще одна встреча была назначена на утро. Хотелось, чтобы Кэти увидела это место.

Она посмотрела на флайер в замешательстве.

– Дом? Ты хочешь дом?

Я постучал по бумажке.

– Я хочу этот дом.

– Зачем? Тебе больше не нравится кондо?

Пока весь вечер ждал ее возвращения домой, все думал об этом.

– Все нормально. Оно мне всегда нравилось. Но подумал, что это не самое подходящее место, чтобы... – Я нервно потер затылок, – растить детей.

Ее глаза расширились.

– Им ведь нужен двор для игр? Место, чтобы бегать?

Она улыбнулась, погладив мою руку.

– Ну, они же не собаки, но двор для детей пригодился бы. – Она провела язычком по нижней губе, озорная улыбка заиграла на губах.

– Ты... Ты беременный, Ричард?

– Нет, – усмехнулся я. – Думал, что ты однажды станешь.

Она засмеялась, затем стала серьезной.

– Однажды в ближайшем будущем?

Я сделал глубокий вдох, прежде чем ответить.

– Если ты захочешь.

– Ричард, – выдохнула она. – Ты уверен?

– Я же не говорю завтра или даже в следующем месяце. В конечном счете, да, мне хочется создать с тобой семью, Кэти. Но я не хочу растить их в высотке. Я мечтал о дворе, вместо того чтобы играть в парке лишь дозволенное количество часов. Хочу этого для своих детей. – Я замолчал, прочищая горло. – Наших детей.

– Тогда я с удовольствием посмотрю с тобой дом.

– Он рядом с Дженной, – добавил я.

– Это для тебя плюс или минус?

Я усмехнулся:

– В зависимости от времени суток.

– Тебе так сильно понравилось это место?

Я кивнул.

– Ему только два года, владелец сам его построил, так что он прочен. Его жену перевели по работе, поэтому дом выставили на продажу. Он просторный и светлый. Четыре солидных размеров спальни и великолепный кабинет для меня. Кухня хорошо оборудована, думаю, тебе понравится.

– Звучит здорово.

– Двор огромный, достаточно места для бассейна, который мне всегда хотелось. Нам придется конечно раскошелиться, но это выполнимо.

– Похоже, ты готов переезжать.

Я обвил рукой ее талию, притянув ближе.

– Если он тебе понравится, то и мне. Но если здесь ты счастливей, тогда тут и останемся. А если хочешь взглянуть на другие дома, значит так и сделаем. – Я опустил взгляд на картинку. – Что-то в нем есть особенное, отчего он мне понравился.

– Не могу дождаться, когда увижу его.

Кэти дом понравился еще больше, чем мне. Она ходила из комнаты в комнату, открывая шкафы и разглядывая фурнитуру. В хозяйской спальне она молчаливо любовалась видом с прилегающего балкона. Мы довольно близко находились к океану. Слева и справа от нас владения окружали высокие густые деревья. Это было потрясающе.

– Тебе нравится?

– Он восхитительный, – пробормотала она. – Здесь так умиротворенно.

Я указал на зазор между деревьями в центре двора. – Там есть дорожка, ведущая к границе собственности. Есть открытое место и можно увидеть океан на несколько миль. Как в твоём коттедже. Твой собственный маленький кусочек рая.

– Ох, Ричард.

– Я хочу даровать его тебе.

Она повернулась в моих руках, ее глаза светились. Взяв ее лицо в ладони, я притянул ее к себе, целую в полные губы.

– Давай еще немного посмотрим, ладно?

– Хорошо.

Ванная комната была шикарной. Глубокая угловая ванна вызвала желание расслабиться в теплой воде с бокалом вина и женой, угнездившейся в моих руках.

Я притянул ее в свои объятия, положив подбородок ей на плечо.

– Хочу увидеть тебя в этой ванне, Кэти, – прошептал я, проводя губами от ее шеи к уху и прикусывая мочку. – Хочу устроить огромную лужу на полу и слушать как мое имя отдается эхом от этих стен, когда ты будешь его выкрикивать.

Она задрожала, и я еще раз поцеловал ее в шею, после чего улыбаясь, сделал шаг назад и протянул руку.

– Продолжим смотреть?

Она сузила глаза, вызвав у меня усмешку. Мне нравилось ее смущать.

Кухня заслужила самую бурную реакцию. Я скрестил ноги и облокотился на стойку, наблюдая, как она осматривается вокруг. Мне всегда нравилось следить за ее реакцией. Она провела рукой по богатой отделке деревянных шкафчиков, прохладной кварцевой столешнице и элегантным кухонным приборам.

– Я бы могла столько приготовить на этой кухне! – воскликнула она, заглянув в двойную духовку, и вздохнула при виде огромного морозильника. – Не уверена, что вообще покидала бы эту комнату!

Встретившись с ней взглядом, я понял, что мы нашли следующий шаг в нашем совместном путешествии. Мне хотелось сделать это для нее – для нас. Я хотел дать это ей. Ее собственный дом, где бы она чувствовала себя в безопасности. Место, где мы могли бы создать воспоминания, которые принадлежали бы нам и построить совместную жизнь.

Я вскинул брови в молчаливом вопросе. Она уверенно кивнула. Мы конечно могли бы посмотреть на другие места, вообще-то нам наверно стоило это сделать, но этот дом казался правильным. Он ощущался похожим на нас.

Повернувшись, я усмехнулся агенту, выжидательно наблюдавшему за нами.

– Мы бы хотели сделать предложение.

Мне казалось, мои уши взорвутся, когда несколькими днями позже мы поделились нашими новостями с Гэвинами. Мы пригласили их всех на ужин и после трапезы рассказали, что купили дом и будем жить всего в нескольких домах от Дженны.

– Тот, что серый? – завизжала она. – С ярко-голубой отделкой? Мне нравится тот дом!

– Она раскинула руки вокруг Кэти. – Мы будем соседями!

Я почувствовал гордость, которая слегка отличалась от той, что я обычно испытывал. Это не было никак связано с хорошо проделанной работой или похвалой за кампанию, над которой работал часами. Это была гордость личного характера за то, что сделал другого

человека счастливым. Человеческое создание, которое я любил больше, чем считал возможным.

Я это сделал.

Грехам поймал мой взгляд, кивнул головой в сторону Кэти и поднял свой стакан в молчаливом тосте.

Я отсалютовал своим в ответ, принимая это невысказанное одобрение, зная, что впервые в своей жизни заслужил его.

Мелани Морлэнд
«Контракт»
Глава тридцать пятая

РИЧАРД

ЗНАКОМАЯ БОЛЬ ПРОНЗИЛА голову, глаза отяжелели, плечи и шея затекли. Я уставился в окно на собирающуюся грозу, думая, успею ли домой до ее начала и сильного приступа головной боли.

Три стука, которые Эми всегда использовала, звучали как выстрелы для моей раскалывающейся головы. Я откинулся на прохладную кожу кресла, прикрывая глаза.

– Зайди, – выкрикнул так громко, как только осмелился.

– Тебе что-нибудь нужно, Ричард?

Я даже не удосужился поднять голову.

– Можешь отменить совещание?

– Уже сделала.

– Замечательно. На оставшуюся часть дня можешь взять отгул, Эми. Я все равно буду бесполезен.

– Могу сделать что-нибудь еще?

Я вздохнул, не открывая глаз.

– Если не затруднит, чашку кофе и пару таблеток обезболивающего не помешали бы.

А если сможешь связаться с моей женой, то было бы здорово.

Она тихо усмехнулась.

– Думаю, я справлюсь, Ричард.

– Спасибо.

Мне только нужно добраться до нее. Принесенные Эми кофе и тайленол, помогут продержаться до тех пор.

Я услышал шаги, почувствовал вложенные мне в руку таблетки и ударивший в нос запах кофе.

Но голос принадлежал не Эми:

– Пей.

Я с благодарностью проглотил таблетки и невидяще потянулся к руке жены.

– Что ты здесь делаешь? Сегодня же не твоя смена.

– Эми звонила и сказала, что тебе с утра нездоровится. Она посчитала, что у тебя начинается очередной приступ головной боли, поэтому я приехала забрать тебя домой. Я поймала ее на обратном пути из кафетерия.

Со стоном я нагнулся вперед, уткнувшись головой ей в живот. Ледяной компресс вызвал приятные ощущения, когда она обернула его вокруг моей шеи и пробежалась пальцами по моим волосам.

– Дадим таблеткам немного времени, чтобы подействовали, а после я заберу тебя домой.

– Ладно.

– Ты должен был позвонить раньше, – пожурила она. – Ты ведь знаешь, как на тебя действуют магнитные бури.

– Мне нужно было работать, – запротестовал я, крепче обхватывая ее, желая, чтобы она была ближе.

– И как много ты наработал?

– Немного.

– Тогда хороший план, – подразнила она.

– Иди и трахни себя, ВанРайен, – пробормотал я, используя ее любимую фразу.

Она затряслась от сдерживаемого смеха, не прекращая своих нежных ласк.

– Спасибо, что приехала за мной.

Я почувствовал, как она прижалась губами к моему затылку.

– Не за что.

– Наш мальчик плохо себя чувствует, Кэти? – прогремел голос Грехама в тишине офиса.

– Ужасная мигрень.

– Так и думал, утром на заседании он был сам не свой.

– Все так хорошо меня знают, – отрезал я, не поднимая головы. – У человека не может просто разболеться голова, без того, чтобы все вокруг это заметили?

Они оба проигнорировали меня, словно я ничего и не говорил.

– Забираешь его домой?

– Как только он встанет.

Я помахал рукой.

– Он прямо здесь.

Кэти погладила меня по голове.

– Он всегда ворчит, когда неважно себя чувствует.

– Я заметил.

Неожиданно в разговор вмешался голос Лоры.

– Что, мигрень? Бедняга Ричард!

Я простонал. Все выходило из-под контроля.

– Я в порядке. – пробормотал я.

– Он ворчит, – отметил Грехам. – Довольно убедительно.

– Он всегда такой, если находит приступ головной боли, – заявила Лора. – Хорошо, что ты здесь, Кэти.

– Тебе нужна помощь? – спросила Дженна, стук каблучков ознаменовал ее приход. – Может, мы могли бы донести его до машины или еще что-нибудь?

Ну все, хватит. Никто меня никуда не понесет. Пусть лучше уходят.

Я медленно поднял голову, раскрывая глаза, с решительным намерением сказать им всем уйти и встретился с внимательным взглядом Кэти. Она улыбнулась, обхватив мою щеку и вздернув бровь. Я перевел взгляд на людей позади нее, у всех были переживающие и заботливые выражения лиц. Грехам облокотился на стену, выглядя позабавленным, потому что прекрасно знал, как я ненавижу суету вокруг себя. Весь гнев испарился, когда я понял, что люди, окружающие меня, были здесь только по одной причине: они беспокоились.

– Меня не нужно никуда нести, – проворчал я, роняя голову обратно к теплоте Кэти. – Мы с Кэти сами справимся.

– Тебе стоит пока посидеть, чтобы потом не стошнило в ее машине, – посоветовала Дженна.

Ее искренность вызвала у меня усмешку.

– Хорошая мысль.

– Позвони, если что-нибудь понадобится, Кэти.

– Хорошо. Спасибо, Грехам.

– Полагаю, сегодня ты не придешь на йогу, – проговорила Дженна.

– Дам тебе знать.

Послышалось шарканье ног и тихое прикрывание моей двери.

– Они ушли?

Кэти подняла мой подбородок, убирая волосы мне со лба.

– Да, – низко склонившись, она поцеловала меня. – Они переживают, дорогой, вот и все.

Я улыбнулся ее ласке.

– Знаю, я все еще привыкаю к этому.

– У тебя получается все лучше. Ты даже не ругался на них.

Я усмехнулся.

– Это потому что ты была здесь.

На этот раз усмехнулась она.

– Можешь идти на йогу. Я скорее всего буду спать.

– Позже решу. Думаешь, ты готов ехать домой?

Я раскрыл глаз и кивнул.

– Таблетки действуют.

– Хорошо, давай отвезем тебя домой.

Я встал, не удивившись, что она уже подхватила мой портфель. Она всегда была на шаг впереди меня.

Мы добрались до лифта, коридор был пустым. Рукой я обхватил ее не только для поддержки, а потому что мне нравилось держать ее поближе к себе. В машине откинул голову назад и снова закрыл глаза, давая прохладе от компресса, которым она обмотала мою шею, хорошенько охладить кожу.

Я накрыл ее руки ладонью.

– Спасибо.

Она провела губами по моим.

– Всегда пожалуйста.

Я вдохнул полной грудью. Мне нравилось жить рядом с водой. Кэти отправилась на йогу, и после того, как проснулся, я вышел на улицу, радуясь, что буря прошла, унеся с собой мою самую кошмарную головную боль. Я оглядел задний двор, подумав об изменениях, произошедших за месяцы, прошедшие с момента нашего переезда.

Бассейн был первоочередным делом и теперь он располагался с одной стороны, сверкающий и безмятежный в смеркающемся свете дня. Рядом находился домик – любимое место Кэти на заднем дворе. Это был коттедж, в котором они с Пенни проживали во время своего непродолжительного отпуска; ярко-голубой с белыми жалюзи, ее воспоминания остались невредимы. Я договорился с Биллом о его покупке и организовал перемещение сюда. Внутри он был отремонтирован и стал удобным, но по-прежнему сохранял свой простоватый вид. Когда Кэти увидела его, ее реакция была глубокой и эмоциональной.

– Идем со мной, Кэти. – Я потянул ее за руку, проводя через дом. – Хочу кое-что тебе показать.

Она улыбнулась.

– Бассейн уже закончен?

– Почти.

Я вывел ее на веранду, неожиданно занервничав. Никогда в своей жизни не делал ничего настолько сентиментального. Я простер руку.

– Я сделал для тебя домик у бассейна.

Она застыла, глядя на хижину, которую я купил, модернизировал и установил на бетонном фундаменте возле бассейна. Крыльцо было перестроено, перекрашено, чтобы подходить под жалюзи дома, но это был ее коттедж.

– Ричард! – вздохнула она. – Что... но как?

– Тебе он был дорог. Хотелось, чтобы он у тебя был.

Она закинула руки мне на шею, и я почувствовал ее обжигающие слезы.

– Скажи, что это слезы радости, – тихо потребовал я. Мне до сих пор было ненавистно, когда она плакала. Я никогда не знал, что делать в таких случаях или как помочь.

– Самые что ни на есть, – шмыгнула она.

– Мне они все равно не нравятся. Прекрати, пожалуйста.

– Спасибо, Ричард. Я даже не могу описать тебе, что это для меня значит. – Она взглянула на меня, любовь пылала в ее глазах. – Я люблю тебя.

Я моргнул, потому что в глазах зацепало.

– Я люблю тебя.

Одна лишь мысль о ее реакции по-прежнему вызывала у меня улыбку и распространяло тепло в груди, которое могла создать лишь она.

Дверь позади открылась и аромат Кэти окутал меня, когда она подошла ближе и поцеловала в голову.

– Тебе лучше?

– Намного. Особенно сейчас, когда ты дома.

– Хорошо.

– Как прошла йога? Кого-нибудь завалила?

Она засмеялась.

– Нет, люди знают, что надо держаться от меня подальше. Я всегда считала, что йога поможет мне с вистибуляркой, но похоже со мной это не срабатывает.

Я бросил на нее взгляд, пока она перемещалась, чтобы встать передо мной. Ее тело было совершенным: стройным и подтянутым.

– Не знаю, душенька. Мне вроде как нравятся результаты, – я похлопал по коленке. – Можешь подойти сюда, и если хочешь я покажу тебе, насколько они мне нравятся.

Она скользнула ко мне, обвив руками шею.

– В последнее время ты предостаточно выказываешь, как сильно тебе они нравятся.

Я провел рукой по ее ноге и ухватил за лодыжку.

– Просто выражаю свою признательность.

Она поигрывала с кончиками моих волос, на ее лице сквозило волнение. Я нахмурился. Уж очень это походило на то, какой она была в самом начале.

– Что-то не так?

– Ничего, но мне надо тебе кое-что сказать. Я не знаю, как ты отреагируешь.

– Просто скажи мне.

Она сделала глубокий вдох.

– Я беременна, Ричард.

Все вокруг меня застыло. Мне не хватало воздуха, ее слова эхом отдавались в голове.

Мы это обсуждали, договорились, что она должна прекратить принимать противозачаточные, а я буду надевать презерватив, и когда мы будем готовы, заведем семью.

– Эм... – *были ли мы к этому готовы?* – Когда? – выдохнул я.

Она обхватила мое лицо.

– Еще на раннем сроке. Очень раннем. Думаю, после торжественного ужина, когда нам было невтерпех и мы отпраздновали в машине? Тогда мы не предохранялись, родной. Это было лишь раз, но его вполне хватило.

Я умудрился кивнуть, вспомнив ту ночь. Моя кампания для обувной компании «Кеннер Футвеар» получила наивысшую награду. Грехам был в восторге и очень горд – как и я. Мы с женой праздновали по полной.

Видимо, слишком усердно.

– Ричард, – прошептала она. – Поговори со мной.

Я ожидал паники, гнева. Вот только когда я посмотрел в глаза своей жены, осталась лишь одна эмоция...

Восторг.

Провел рукой по ее все еще плоскому животу и заулыбался.

– Я обрюхатил тебя.

– Да.

– За один раз, говоришь? Мои мальчики очень решительные.

Она вздернула бровь.

– Я стану отцом.

– Ты будешь *папой*. Ты станешь замечательным папой.

Я прокрутил эти слова в голове. Не отцом, а папой. Я не стану отсутствующей фигурой в жизни своего ребенка. Я не позволю этому случиться.

– С твоей помощью я стану таковым.

– Я не дам тебе облажаться.

– Знаю, – обняв ее за шею, я притянул ее лицо к своему, благоговейно целуя. – Ты в порядке?

Она кивнула.

– Все хорошо. Через несколько недель я снова пойду к доктору.

– Я пойду с тобой.

– Ладно.

– Возможно, больше никакой йоги. Ты можешь быть более несбалансированной, чем обычно.

Она закатила глаза, пихая меня в плечо.

– Иди трахни себя, ВанРайен.

Я разразился смехом, притягивая ее ближе. Это была моя жена.

– Я люблю тебя, моя Кэти, – пробормотал я.

– Я тоже тебя люблю.

Она свернулась калачиком, и я притянул ее к себе, возвращая руку обратно на ее живот. Опустив взгляд, я осознал, что сейчас держал всю свою семью в объятиях.

Прошлое осталось позади, темнота была отогнана женщиной, которую я держал в своих руках, и подарком, которым она одарила меня.

Нас ждало яркое будущее благодаря ей и этому самому моменту, наполненному обещанием и светом.

Это был, как однажды сказала Пенни, один из самых замечательных моментов в жизни.

Вообще-то, это был самый потрясающий момент из всех.